

С.А. Плетнева

КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Annotation

Книга посвящена выявлению и исследованию закономерностей социально-экономических отношений кочевников. Одновременно рассматриваются вопросы взаимоотношений земледельцев и кочевников, возникновения кочевнических культур. Изучение и систематизация закономерностей позволили построить ряд социально-этнокультурных моделей, существовавших в степях на разных ступенях развития.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена трудового красного знамени ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

С.А.Плетнева

Кочевники Средневековья

ПОИСКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Издательство "Наука" Москва 1982

Ответственный редактор академик Б. А. РЫБАКОВ

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. в степях появились первые кочевники. Постепенно к середине I тысячелетия до н. э. кочевое скотоводство полностью заменило пастушество. Степи и отчасти лесостепи Европы и Азии почти на три тысячи лет стали колыбелью кочевничества [\[1\]](#).

Термин «кочевничество» в настоящее время определяется этнографами как такой тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участие в кочевании вместе со стадами большей (или даже подавляющей) части населения. Несомненно, перечисленные черты являются ведущими при экономическом толкования «кочевничества». Полная его характеристика возможна только при рассмотрении всех особенностей кочевого образа жизни — не только в экономике и общественных отношениях, но и в политике, быту, материальной культуре, религии.

При изучении кочевого образа жизни и экономики, кочевнических древностей одного или нескольких степных народов перед историком неизбежно встают вопросы, на которые он, как правило, не может ответить, не исследуя кочевников всесторонне, т. е. во взаимодействии всех проявлений кочевничества, с учетом эпохи, в которую существует то или иное кочевническое сообщество.

Необходимость рассматривать отдельные явления кочевнической жизни комплексно заставляет нас искать какие-то общие для любого кочевнического сообщества закономерности развития, позволяющие не только сравнивать, но и объединять в единые эволюционные ряды или стадийные группы самые различные народы, существовавшие в степях в разные хронологические эпохи.

Поискам таких закономерностей и посвящена настоящая книга.

Наиболее подробные и многочисленные материалы, освещающие различные аспекты кочевничества, дают нам сочинения средневековых писателей, поэтов, историков и путешественников. В их трудах отчетливо прослеживаются две диаметрально противоположные тенденции в восприятии кочевников. Первая может быть названа «идеализаторской». Тесное общение кочевников с природой, с животными, особенно с одним из самых красивых и благородных из них — конем, искусство всадничества, развитые до виртуозности военные навыки, обычай побратимства, подчеркнутое уважение к старшим и к памяти предков, суровые степные законы, наказывающие мучительной смертью за воровство и прелюбодеяние, создавали у многих современников и историков приподнято-восторженное отношение к степным «рыцарям». Это усугублялось еще и бросающейся в глаза путешественников личной свободой рядовых всадников. Известно, что даже великие ханы нередко избирались в степях на сходках, в которых принимали участие не только богатая родовая аристократия, но и простые воины, прославленные в завоевательных походах.

Наряду с этим направлением авторы второй группы, относящейся крайне критически к кочевничеству, подчеркивали в своих сочинениях действительно мрачные и неприятные стороны степняков: жестокость к врагам и беспощадность к побежденным, грязь и предельная неприязнательность в быту, вымогательство подарков (своеобразное взяточничество), чрезмерное, граничащее с низкопоклонством почитание сильных мира сего. Древние европейские и переднеазиатские авторы с раздражением и неприязнью описывали даже внешний вид тюрко- и монголоязычных кочевников — их поражала нередко резко выраженная монголоидность, кажущаяся некрасивой европейцам, иранцам и семитам. И даже пристрастие к

коньям расценивалось в сочинениях «критической» группы авторов, как чудовищное извращение. В древних сочинениях и легендах появлялись образы фантастических, диких и безобразных кентавров.

Как бы там ни было, но и «идеализаторы», и «негативисты» не были равнодушными свидетелями, поэтому их сообщения, как правило, отличаются если и не беспристрастностью, то несомненной заинтересованностью. Тонкие бытовые наблюдения чередуются в них с описаниями походов и битв, истреблений целых народов и богатырских подвигов, направленных на защиту своих кочевий. Количество фактических сведений о войнах, перекочевках, этнических общностях, племенах, ордах, о периодически возникавших в степях государственных образованиях практически неисчерпаемо.

То же можно сказать и об археологических источниках, число которых увеличивается с каждым годом, с каждым раскопочным сезоном.

Огромный материал о кочевниках давали и дают этнографические исследования. Замеченная еще С. П. Толстовым своеобразная «патриархальная вуаль» из пережитков родового строя, заброшенная на классовые отношения кочевников, сохраняется и в раннем, и в позднем средневековье и доживает почти до нашего времени^[2]. Она как бы консервирует многие пережиточные явления в кочевнической экономике, общественных отношениях, быту и тем самым позволяет уловить и изучить значительно более ранние явления и процессы, протекавшие у кочевников, стоявших на различных ступенях развития общественных отношений.

Вся эта масса информативного материала в той или иной мере многократно подвергалась обработке и осмыслению. Об отдельных кочевнических государствах и культурах, о внешнеполитических событиях и особенностях общественной жизни кочевников, о различных проявлениях их культуры написано большое количество монографий и статей.

Большинство историков использует в своих трудах письменные источники. Поскольку в последних повествуется о внешнеполитических событиях того или иного кочевого объединения, то и в исторических обобщениях в основном анализируется политическая история этих объединений. Таковы труды русских и советских ученых В. Г. Васильевского, П. В. Голубовского, Д. А. Расовского, А. Н. Бернштама, М. И. Артамонова, Л. И. Гумилева, Б. Е. Кумекова и др.^[3]

Ученые, исследующие этнографические материалы, в отличие от историков, все внимание сосредотачивают на внутрисполитической жизни орд, на их экономике, быте и культуре. К обобщающим работам, основывающимся на данных этнографии, относятся труды Н. Я. Харузина, Г. Н. Потанина, С. И. Руденко, Д. К. Зеленина, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзон, С. Е. Тольбекова, Р. Г. Кузеева и многих других^[4].

Археологи и в какой-то степени лингвисты и фольклористы в своих публикациях дают анализ культуры и быта и только частично, насколько позволяют им материалы, касаются вопросов экономики, социальных отношений и этногенеза исследуемого этноса (С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, С. Г. Кляшторный, В. И. Абаев, С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов, С. А. Плетнева, Г. А. Федоров-Давыдов, В. М. Жирмунский и др.)^[5].

Все перечисленные авторы — историки, этнографы, археологи, лингвисты ни в коей мере не исчерпывают существующий ныне солидный список востоковедов и кочевниковедов у нас в стране и за рубежом, занимающихся и занимавшихся историей и культурой кочевого населения евразийских степей^[6]. Мы перечислили только тех ученых, чьи труды достаточно выразительно представляют каждое из историографических направлений.

Следует сказать, что работы первого направления характерны в основном для буржуазной

(русской и зарубежной) историографии. Работы, написанные по письменным источникам советскими учеными, отличаются от трудов буржуазных ученых не только творческим марксистским подходом к материалу, но и постоянным привлечением данных других исторических дисциплин (особенно археологии и этнографии), что значительно расширяет возможности исследователя.

То же явление характеризует этнографические и лингвистические работы: в дореволюционных трудах собраны интереснейшие материалы, а для книг, написанных в советское время, помимо публикации материала, типично стремление к его обобщению.

Археологи, получающие при раскопках весьма ограниченное количество информативного материала и в то же время желающие расшифровать его и получить по возможности полное представление о культуре народа, его экономике, общественных отношениях и т. п., вынуждены привлекать и осваивать различные группы источников: письменные, этнографические, фольклорные, лингвистические. Именно в их трудах ранее, чем в других направлениях, появилась тенденция соединить и обработать все известные источники, касающиеся изучаемого народа, этноса или региона.

Однако наиболее серьезные шаги по систематизации и обобщению разнообразных проявлений кочевничества сделаны не археологами и не историками, имеющими дело с мертвыми источниками, а этнографами, обладающими достоверным и легко проверяемым, а значит и легко поддающимся изучению и классификации материалом.

Статьи и книги, посвященные исследованию социально-экономических отношений кочевников начали появляться в советской печати уже в середине 30-х годов (Б. Я. Владимирцов, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам и другие) ^[7]. Однако вновь интерес к этой тематике вспыхнул только спустя 20 лет в связи с дискуссией, посвященной сущности «кочевого феодализма». Центральной фигурой этой дискуссии стал С. Е. Толыбеков, отвергавший в своих работах существование феодальной собственности на землю у кочевников и предложивший определять общественные отношения кочевников термином «патриархально-феодальные». Концепция С. Е. Толыбекова многократно подвергалась критике, и нет надобности возвращаться к ней здесь, так как в следующих главах данной книги точка зрения автора на вопросы, поднятые С. Е. Толыбековым, будет изложена. Для нашей темы значительно более важным в его работе является то, что именно этот ученый в 1959 г. первый четко выделил три формы кочевого хозяйства: кочевое, или «таборное», с отсутствием земледелия и оседлости, полукочевое с постоянными зимниками и частичным заготовлением кормов для молодняка и высокопородных коней, полукочевое с параллельным развитием земледелия и оседлости ^[8].

Каждой форме кочевания соответствуют, согласно С. Е. Толыбекову, определенные общественные отношения: первой и второй — аильно-общинные, третьей — классовые. Эта мысль С. Е. Толыбекова была развита С. И. Руденко в статье, вышедшей из печати в 1961 г. ^[9] Он показал стадильность различных форм кочевания — эволюционный переход одной формы в другую. Исследуя пути зарождения кочевания с эпохи бронзы, он, а вслед за ним Г. Е. Марков ^[10] прослеживают переход оседлых скотоводов от пастушества к полуоседлому или полукочевому скотоводству, а затем, в случаях крайней необходимости, к полному (таборному) кочеванию. Причины, которые вызвали эти изменения в жизни ряда племен и этнических общностей, не раз дискутировались в советской литературе ^[11]. Они столь же разнообразны, как и причины, вызывавшие в последующие эпохи переход кочевников к оседлости или же наоборот — от полуоседлости к полному кочеванию.

Новый взлет в изучении социально-экономического строя кочевников начался в конце 60-х годов. В настоящее время трудно назвать хотя бы одну крупную монографическую работу, в

которой не исследовались бы общественные отношения и экономика кочевнических объединений разного времени. Таковы статьи и монографии Л. П. Лашука, Л. И. Гумилева, Г. А. Федорова-Давыдова и др.^[12]

В книге, посвященной салтово-маяцкой культуре — культуре Хазарского каганата, автор данной работы попытался, опираясь в основном на археологические источники, проследить переход кочевников от таборной стадии к полуоседлости— «от кочевий к городам», т. е. процесс, обратный тому, который был исследован С. И. Руденко на материалах бронзового века и раннего железа^[13]. Изменения экономики вели и к изменению социального строя и культуры, что было прослежено благодаря исследованию салтово-маяцкой культуры. Материалы по истории населения европейских степей VII—IX вв. позволили, как мне кажется, установить, что сложение классовых отношений и соответственно феодальное владение землей начались на второй стадии кочевания, когда произошло разделение пастбищ на отдельные участки кочевания.

Знакомство со средневековыми источниками, касающимися населения всей евразийской зоны степного кочевания, а потом и их исследование, привели автора к убеждению, что те закономерности развития, которые были прослежены на узком отрезке времени — в Хазарском каганате, распространяются на все кочевое население.

Следует помнить, что кочевничество по географическому, а значит и хозяйственному признаку делится на несколько больших регионов: североафриканский-передне-азиатский, африканский, евразийский, тибетский и североазиатский^[14].

В первом регионе стадо состоит в основном из коз и овец, а верховым животным является верблюд, для второго типично стадо из крупного рогатого скота, а всадников почти нет, третий регион характеризуется стадами овец и крупного рогатого скота, основным же верховым и транспортным животным служит лошадь (иногда в качестве грузового тягла использовались волы), в четвертом регионе главное животное в стаде — яки, а в пятом (северном) — олени.

Совершенно ясно, что каждому региону присущи не только собственный состав стада, что определяет и своеобразие экономики, но и оригинальные пути развития этой экономики и связанных с нею социального строя и даже материальной и духовной культур. Поэтому естественно, что для выявления каких бы то ни было закономерностей в социально-экономическом развитии кочевников, нельзя брать материалы, не считаясь с тем, к кочевникам какой области они относятся. В данной работе используются, как правило, материалы только евразийского, наиболее близкого нам и хорошо изученного в пространстве и времени материала.

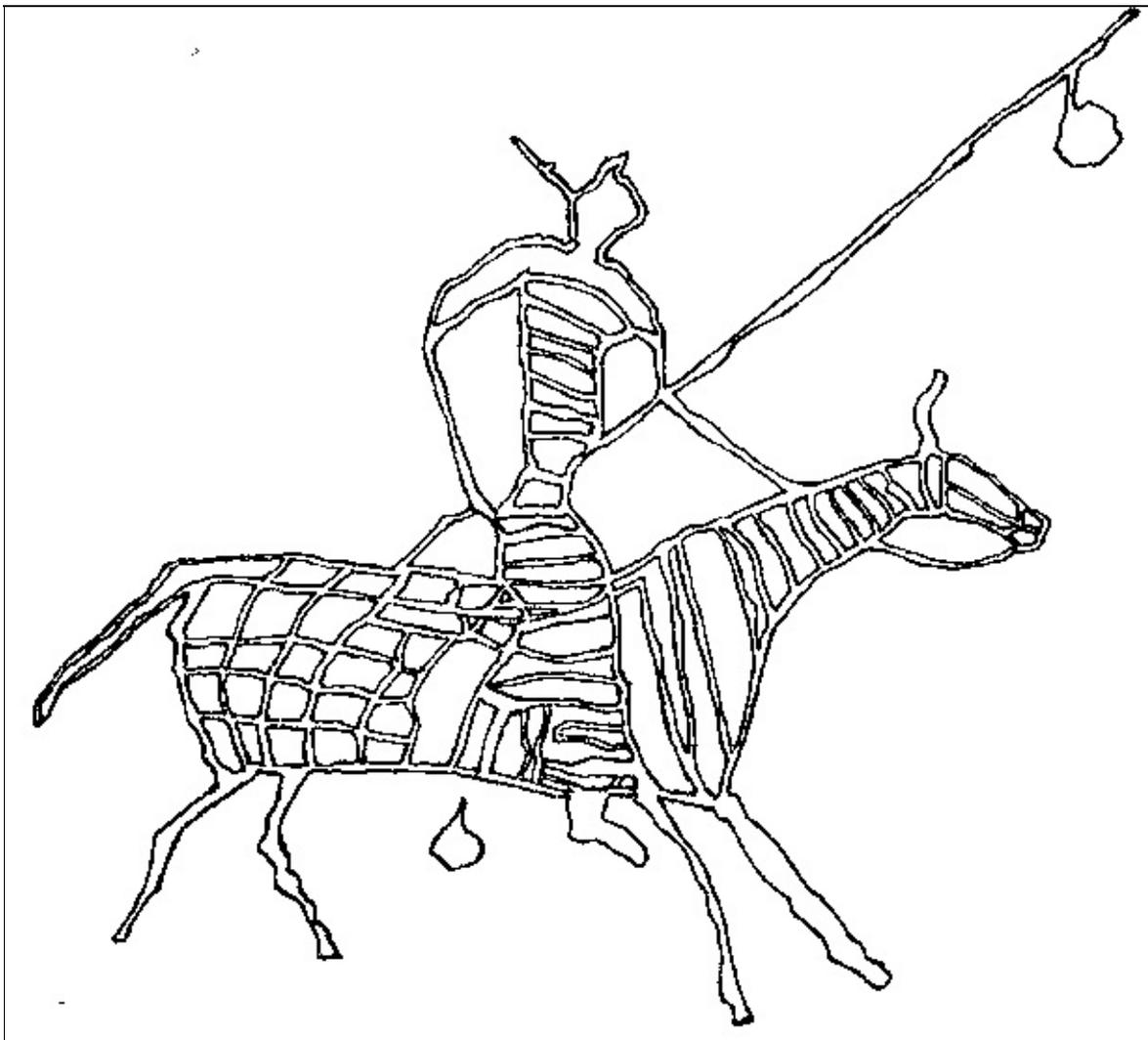
Хронологически книга ограничена вполне определенно — эпохой средневековья, поскольку автор — мидиевист и ему лучше известны письменные и археологические источники, относящиеся именно к этому сложному, бурному и кровавому периоду истории человечества.

Только в отдельных случаях по мере необходимости здесь будут привлечены примеры из других регионов, особенно из близкого евразийскому — переднеазиатского, а также и других хронологических периодов — как более ранних, так и более поздних — вплоть до современности. Обычно это делается в тех случаях, когда прослеженная закономерность четко выявилась не только в средневековых евразийских степях, но и у народов и этнических общностей других областей и других эпох.

Глава первая ПЕРВАЯ СТАДИЯ КОЧЕВАНИЯ

Рассмотрим сначала самый кочевой из всех кочевых вариантов — таборный. В настоящее время он почти неизвестен в евразийских степях. Кочевание круглый год не потеряло еще необходимости только в особо засушливых районах прикаспийских и монгольских степей и полупустынь, где постоянными перегонами скота с одного бедного травой пастбища на другое можно прокормить пасущиеся на подножных кормах стада.

Не то было в средневековье. Огромные пространства степей не были еще освоены полностью, и поэтому объяснять существование той или иной формы кочевания исключительно географическими условиями было бы неправильно. Сухие, непригодные для развития скотоводства степи просто не были заселены кочевниками, а с длительными многолетними засухами, ежегодно повторяющимися

морозными многоснежными зимами или даже с неблагоприятными для кочевания климатическими изменениями кочевники могли успешно бороться путем перекочевки на новые места. При перекочевке, иногда очень длительной, таборное кочевание было единственно возможной формой ведения хозяйства.

Несмотря на большое разнообразие причин, приводивших население к необходимости переходить к первой форме (стадии) кочевания, цель перехода всегда была одна: приобретение любой ценой новых пастбищ, максимальное расширение территории для выпаса стад и охоты.

Поиски новых пастбищ приводили кочевников, как правило, на путь завоеваний, поскольку ни один народ не отдавал своей земли добровольно, без сопротивления. Военные действия, целью которых был захват территорий с одновременным уничтожением ранее жившего здесь населения или частичного включения его в свои объединения, можно назвать термином «нашествие». Кочевники действительно надвигались как туча, уничтожая все на своем пути. Впечатление неохватности, необычайного могущества наступающих степняков объяснялось тем, что это не был поход отдельной дружины или какого-то более или менее организованного войска. Наступало все население со своими стадами, кибитками, полными детей и жепщип, с огромным количеством всадников — мужчин всех возрастов и молодых женщин (незамужних). Участие в войне, в войске «было правом и обязанностью всех свободных», — писал Б. Д. Греков^[15]. Такое положение могло быть только в тот период социального развития общества, который классики марксизма определили как военную демократию^[16]. Таким образом, мы с полным правом можем говорить, что общественные отношения двигавшейся по степям громады находились уже на этой сравнительно высокой стадии общественного развития, для которой характерны, как мы знаем, социально-политические объединения типа союзов племен. Возглавлялись они, как правило, наиболее сильными и активными представителями влиятельных богатых родов, принадлежавших обязательно к тому объединению или племени, которое начало нашествие.

Обычно движение, направленное на захват новых земель, начиналось из определенного района степи, где в данный исторический период произошли события, вызвавшие его (географические, климатические или чаще всего политические катаклизмы). Значительная часть населения садилась па коней и в кибитки и вместе со всем имуществом и стадами начинала с боями пробиваться на новые места. Население принадлежало обыкновенно в начале движения к одной этнолингвистической группе, нередко уже достаточно сплоченной для того, чтобы называться этнической общностью^[17]. Недаром у восточных средневековых авторов создавалось впечатление, что народы, с историей которых они знакомились, происходили из одного древа путем отпочкования от него отдельных ветвей. Действительно, в кочевых обществах постоянно происходил этот процесс выделения из более или менее сложившихся общностей родственных им новых этнических групп. Вот как изобразил и подытожил этот процесс средневековый историк азиатских кочевых народов Рашид ад-Дин (XIV в.): «С течением времени эти народы разделились на многочисленные роды, [да, и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения и каждое по определенной причине и по поводу получало свое имя и прозвище»^[18].

Однако отпочковавшееся «подразделение» по мере продвижения по степям в поисках свободного, т. е. заселенного более слабым в военном отношении этносом района, начинало обрастать примыкающими к нему ордами или даже отдельными родами разных попадающихся на пути и мимоходом побеждаемых, а значит также разоренных и готовых благодаря этому к первой стадии кочевания племен и этнических общностей. В результате чем длиннее и дальше был путь, тем более изменялся этнолингвистический и антропологический состав первоначально отпочковавшейся ветви. Появлялись предпосылки для создания новой этнической общности так же, как возникала благоприятная обстановка для сложения нового гражданского сообщества.

То же происходило и с материальной культурой. Отпочковавшаяся группа, естественно, уносила с собой культуру «материнского сообщества». За долгие годы многочисленных перекочевок, трудных переходов, тяжелых битв (в том числе и поражений), слияний с покоренными и примкнувшими общностями, имевшими свои культурные традиции, первичная культура почти полностью исчезала. Оставались только те особенности, которые касались

усовершенствований в военном деле, т. е. то, что делало новое подразделение непобедимым. Все остальное исчезало и постепенно, уже при переходе во вторую стадию кочевания, начинало заменяться новой, состоящей из многих культур и влияний культурой.

Мировоззрение или скорее религиозные представления и культы приобретали «частный» характер. Особенно широко распространялся культ предков. Обряды, связанные с ним, выполнялись главами семей. Ритуалы более общих культов поклонения силам природы (солнцу, воде, земле), как правило, справлялись на общих съездах вождями орд и объединений. Жречества как отдельной «специализированной» прослойки, исполняющей основные культы, не было, хотя шаманы (гадатели, знахари) и представители «опасных» профессий (кузнецы, гончары), конечно, табуировались, участвовали в культовых ритуалах и следили за правильностью исполнения многочисленных пронизывающих жизнь кочевника обрядов (от рождения до инициации и погребения).

Интересно, что с переходом степного населения к первой стадии кочевания менялся не только их собственный этнолингвистический и культурный облик, существенно изменялся и состав стада. Наиболее ценным видом скота становилась лошадь, необходимая и для всадников и для тягла. Огромные табуны пускались в зимнюю пору на пастбища первыми. Они разбивали наст и выкапывали траву. За ними пускали неприхотливых и терпеливых овец и коз. Крупный рогатый скот, значительно хуже переносивший длительные перекочевки и зимние бескормицы, видимо, специально не разводили, а использовали периодически, когда удавалось угнать его у соседей или отобрать у побежденных.

Византиец Клавдий Клавдиан в описании бедствий, принесенных в его страну гуннами, подчеркнул несчастья не только людей, но и угнанного на чужбину скота: «Захваченный скот, уведенный из родных хлебов, пьет на Кавказе мерзлую воду и меняет пастбища Аргея на скифские леса» [\[19\]](#).

Что же остается археологам от культуры кочевников, находившихся на первой, таборной стадии кочевания?

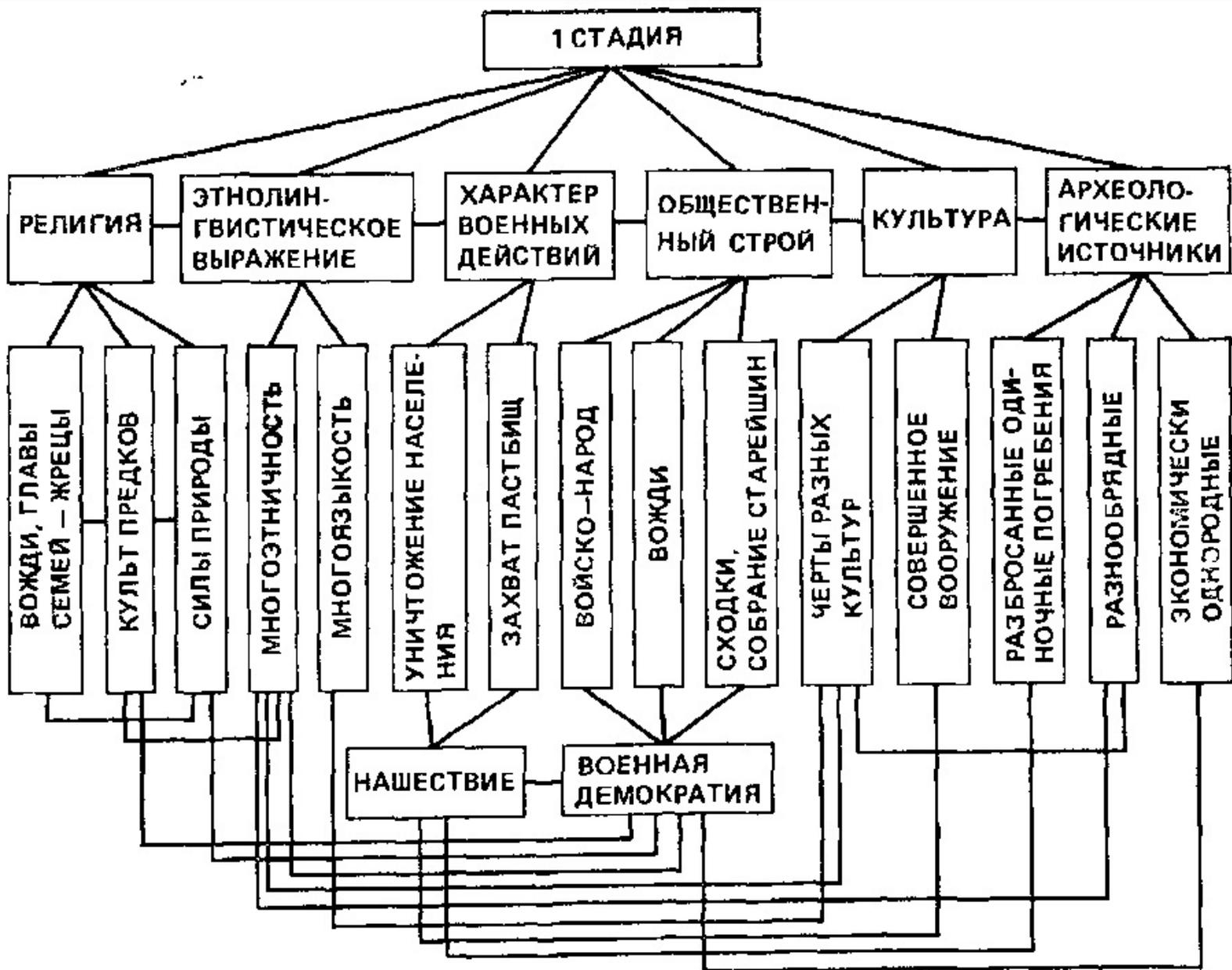
Разноэтническая, разноязыкая, разнокультурная масса племен и орд, объединенная под властью вождей в союзы племен или орд, постоянно двигалась по тысячекилометровым степям во враждебном окружении. У них не было ни постоянных становищ, на которых могли бы остаться культурные слои, ни постоянно функционировавших родовых кладбищ. Хоронили они чаще всего в курганах предыдущих эпох, рассыпанных по степи (так называемые «впускные погребения»), или просто в специально тщательно скрытых (затоптанных конями, заложенных дерном и даже затопленных рекой) могилах. Этот обычай скрывать места погребений дольше всего сохранялся в среде родовой аристократии, где древние обычаи культивировались и оберегались более тщательно, чем в среде простого народа. Древняя обрядность как бы выделяла аристократию, бывшую к тому же носителем древних верований, поскольку вожди и ханы исполняли по совместительству и функции верховных жрецов. Ханские усыпальницы отличались необычайным богатством сопровождающего инвентаря, поэтому скрыть их от глаз народа и грабителей было необходимо (особенно в условиях постоянных откочевок в новые места и невозможности охранять могилу от осквернения). Делая скрытые могилы, кочевники, как правило, преследовали именно эту цель — уберечь ее от грабителей и иных осквернителей. Так, еще в XIII в. Плано Карпини фиксировал этот «скрытый» погребальный обряд в развитом феодальном монгольском обществе: «если умирал среди монголов знатный и богатый», то его хоронили «тайно в поле», причем сверху над могилой «кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место» [\[20\]](#).

Интересно, что этот обряд существовал не только в начале XIII в., но и во времена Марко Поло, который также подробно его описал [\[21\]](#)

Только в конце первой стадии кочевания кочевники начинают сооружать наземные сооружения над могилами: курганы, оградки и прочее, поскольку с освоением новых земель у них появляется реальная возможность охранять своих умерших родичей.

Итак, единственный вид памятников, доходящий до археологов от периодов таборного кочевания,— разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко достающиеся специа,-листам в полном виде. Тем не менее именно эти материалы дают археологам возможность отметить, во-первых, разнообразность, а значит, видимо, и разноэтничность погребальных комплексов, относящихся к населению, находившемуся на первой стадии кочевания, и, во-вторых, характерное для периода военной демократии экономическое «равенство» комплексов (исключением из этого были только усыпанные золотом могилы вождей).

Рассмотрим конкретные примеры первой стадии кочевания, сведения о которой сохранились наиболее полно и ярко на страницах древних исторических сочинений. Анализ этих сведений следует, очевидно, начать с событий, происшедших в империи Хуьну в первые столетия нашей эры, поскольку именно хунну — гунны «открыли» новую зру в истории европейских народов — эпоху средневековья и феодализма^[22]. В середине I в. н. э. вследствие многих бедствий (засух, эпидемий), неудачных войн с Китаем, длительных междоусобиц, империя Хунну разделилась на две державы: Южную и Северную^[23]. Первая сразу встала в вассальные отношения к Китаю, а северные хунну еще в течение столетия сохраняли относительное единство и самостоятельность. Однако вокруг них кипели страсти — все доселе невидимые историей на

*Рис. 1.
Схема взаимосвязей признаков
на первой стадии кочевания
(модель 1)*

роды, освобождаясь из-под власти хунну, начинали свой исторический путь. Более других выделились обитавшие на восточных окраинах сяпби^[24].

Сяпби в несколько десятилетий из небольшого охот-ничье-пастушеского народа превратились в свирепых всадников-завоевателей. Они прошли стадии развития кочевничества в том первоначальном (первобытном) порядке, который прослежен С. И. Рудепко, т. е. от пастушеского оседлого и полуседлого образа жизни к таборному кочеванию, которое неизбежно привело их к борьбе за пастбища — к нашествиям. «Скотоводство и звероловство недостаточны были для их содержания», — записано в хронике Хоуханьпу^[25]. Завоевания стали необходимостью. Основным объектом нашествия была слабеющая с каждым

десятилетием держава северных хунну.

На совете старейшин — одном из характернейших органов военно-демократического строя был избран старейшиной молодой и энергичный воин из знатного рода — Таншихай. Он подчинил себе остальных старейшин и возглавил сяньбийское объединение (союз племен). В период с 155 по 166 г. Таншихай «овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14000 ли» [26]. За короткое время Таншихай стал во главе огромной империи. Сразу же после его смерти она развалилась. Таких примеров в истории кочевников мы укажем несколько, но поскольку образование государственных объединений такого типа начиналось обычно на грани двух стадий кочевания, а чаще даже на второй стадии, то о судьбе империй типа Сяньби мы еще поговорим ниже.

Что же касается хунну, то, лишенные земель, они двинулись в далекий западный поход. Тысячи километров шли хунну по сибирским и уральским степям сквозь земли угроязычных и тюркоязычных народов. Этот «поход» занял у них более 200 лет. За время движения хунн-ская волна постоянно пополнялась народами, побежденными и разоренными ими. И все они, естественно, переходили к таборному кочеванию, воениodemократическому строю и все одинаково участвовали в нашествиях, медленно и неуклонно двигавшемся на европейские степи.

Объединение хунну того времени нельзя было даже назвать, согласно классификации Л. И. Лашука, «союзом родственных племен» или этнолингвистической группой [27], так как племена были разноязыкие и разноэтничные. Не считая самих хунну, относившихся, возможно, к особой, ныне вымершей лингвистической группе [28], к нашествию подключались огромные массы тюркоязычных, а в При-уралье — угроязычных племен. Л. Ы. Гумилев считал даже, что основной боевой силой гуннского союза были в IV в. угры, а лингвист Б. А. Серебренников ищет истоки чувашского языка в тюркских наречиях Прибайкалья [29]. В середине IV в. в гуннский союз влился значительный поток ираноязычных алан, побежденных гуннами в Донских степях.

О том, какими ворвались в Европу полчища некогда цивилизованных хунну и какими представились они европейцам, наиболее подробно рассказывается в «Истории» Аммиана Марцеллина, писавшего свое сочинение в последней четверти IV в., т. е. непосредственно в период вторжения гуннов в европейские степи. Он писал, что гунны жили «за Меотийскими болотами у Ледовитого океана, все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей, или уподобить сваям..., лица у них безбородые, безобразные, похожие па скопцов». «Они так дики, что ие употребляют ни огня, пи приготовленной пищи, а питаются кореньями трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением». Одеваются гунны в холщовые рубахи и шкуры, на голове носят кривую шапку, на ногах мягкую обувь из козьей кожи. И что особенно важно, «у них никто не занимается хлебопашеством и не касается сохи». «Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткуют им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше...» «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение, как к гробницам...» И далее: «Придя на изобильное травую место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми... Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится

около кибиток и занимается мирными делами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком». Характерное оружие гуннов — меч, тяжелый лук и аркан. Соответствовала этому оружию и тактика боя. Очень редко гунны сходились с врагом врукопашную (только тогда нужен им был меч), обычно же, «разнося смерть на широкое пространство», они «не прекращали войны и боя, издали осыпая противника стрелами и лоя отступающих и выбившихся из общей массы воинов арканами».

Весьма существенным является и указание Аммиана Марцеллина на то, что гунны «не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути» ^[30]. Л. Н. Гумилев весьма справедливо отметил, что в этом заключалось основное отличие хунну от гуннов. Держава Хунну с ее строгой наследственной властью исчезла. На смену ей пришла военная демократия, характеризующаяся институтом военных вождей.

Мы почти полностью процитировали рассказ Аммиана Марцеллина потому, что его описание является наиболее достоверной и объективной характеристикой кочевого общества периода «нашествия», или первой стадии кочевания. Действительно, отсутствие хлебопашества, «дикий» образ жизни, заключающийся прежде всего в отсутствии постоянных жилищ и поисках новых пастбищ, методы истребления всего живого и бесхозяйственная эксплуатация степных богатств, неприхотливость в пище и быту и общественный строй, в котором нет царей и «все советуются» друг с другом на общих сходках,— все эти черты типичны для первой стадии кочевания.

Пожалуй, ни один кочевой народ не удостоивался такой подробной характеристики со стороны европейцев-современников, поскольку именно гунны прошли до Центральной Европы и оттуда тревожили набегами почти все европейские государства. Однако эти события происходили уже на второй стадии развития кочевнической экономики (полукочевой), и поэтому в данной главе мы не будем рассматривать свидетельства о могущественной молодой державе гуннов, возглавляемой Атилиой.

Археологические материалы, дошедшие до нас от туниской эпохи (IV—V вв.), в азиатских и европейских степях крайне немногочисленны. Несмотря на громадное количество народов, втянутых в гуннское движение, в степях известно немногим более полусотни памятников, к тому же в подавляющем большинстве разграбленных при случайном обнаружении ^[31]. Выводы из этих материалов можно сделать только самые общие, причем все они не противоречат тем сведениям, которые мы получаем из письменных источников. Во-первых, гунны принесли с собой тяжелые дальнобойные луки, а это означает, что изменилась тактика боя, о которой мы знаем из рассказа Аммиана Марцеллина. Во-вторых, они принесли «дешевую роскошь», а именно — тонкие золотые накладки и характерную замену драгоценных камней стеклянными вставками, преимущественно красного цвета. Типично, что эти вещи встречаются во всех погребениях, они как бы нивелируют их. Выдающихся богатством погребений нет совсем. Так подтверждается и тезис о военно-демократическом строе и об общем «опрощении» быта. В-третьих, весьма существенно то обстоятельство, что все погребения «гуннской эпохи» полиобрядны: сожжения и труположения, с конем и без него, в подбоях и гробах, под курганами и без курганов и т. п. ^[32] Все это свидетельствует, как нам кажется, о разноэтничном и даже разноплеменном составе гуннских орд, пришедших в Восточную Европу.

Интересной категорией находок, появившейся в европейских степях вместе с гуннами, являются бронзовые литые «гуннские» котлы. Все они примерно одинакового размера и формы (полуяйцевидные, вытянутые, на поддонах). Их ручки и тулова пышно украшены геометрическим орнаментом. Готовить пищу в таких котлах вряд ли целесообразно. Они слишком красивы и дороги для утилитарного использования. Скорее всего эти котлы несли

смысловую нагрузку, а именно были «символами единства» — в данном случае единства патриархальных семей — кошей, из которых и состояло общество периода военной демократии. Размеры семей и их общественное значение были одинаковы, равновелики были и котлы. О символическом значении котлов свидетельствует один из рассказов Геродота о скифах [33]. В местности Эксам-пей, лежавшей где-то между Днепром и Днестром, «один скифский царь по имени Ариант пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников... медный сосуд и выставить в Эксампае». Сосуд был огромным — толщина его стенок равнялась шести пальцам, а объем — 600 амфорам. Царь Ариант был главою большого скифского объединения, и его «котел», отлитый из стрел (что также символизирует объединение), отличался громадными размерами.

Котлы глав кошей были небольшими, хотя их смысловая нагрузка была столь же существенна. Очевидно, каждый кошевой обязан был как символом власти обладать котлом. Интересен и тот факт, что много позднее, в XII и XIII вв., котелки (казанки), кованные из медных пластин, попадались в половецких погребениях богатых воинов. Последнее обстоятельство дает основание полагать, что это тоже были похоронены «кошевые» — главы больших семей, а иногда, возможно, и родов [34]. Русский летописец в один из редких периодов мира с половцами писал о самом крупном половецком хане — Кончаке, что этот мощный великий хан может котел перенести через Сулу [35]. Поскольку в других записях Кончак часто упоминается «с родом своим» и называется к тому же «окаянным поганым Кощеем», т. е. кошевым, то очевидно, что «котел», который он переносил через Сулу, не реальный котелок для приготовления пищи, а символическое обозначение силы возглавляемого им объединения и его самого, могущего водить и «кормить» эту силу. Таким образом, и в скифское, и в гуннское, и в половецкое время «котел» был символом единения: чем больше котел, тем больше группа, «кормящаяся» от него.

Своеобразные гуннские котлы являются наиболее выразительной «этнографической» чертой гуннского сообщества, по которой мы можем судить о его распространении в европейской степи и лесостепи [36].

Несмотря на эту общую черту, в целом даже на второй стадии кочевания гунны так и не сложились в единую этнолингвистическую общность. Об этом свидетельствуют сведения древних авторов, о которых мы еще будем говорить во второй главе, а также многообразие погребального обряда в захоронениях гуннского времени.

Другим почти столь же ярко освещенным источниками носителем первой стадии кочевания являются печенеги, нашествие которых на европейские степи началось в последней четверти IX в.

Гунны вступили в Европу на заре раннего средневековья, печенеги — в самом начале развитого средневековья. Видимо, потому они, как и гунны, привлекли особенное внимание современников.

В IX в. обитавшие в заволжских степях печенеги появились на страницах исторических сочинений. Можно только догадываться, откуда произошли и где и как жили они до этого времени. Известно, что три самых знатных подразделения печенегов в X в. именовались кангар [37], в VIII в. они под именем канглы-кангар фиксируются источниками к северу от Аральского моря, а еще раньше, в самом начале нашей эры, примерно там же китайские хронисты помещали враждебное империи Хунну объединение Кангюй [38]. Таким образом, тюркский компонент печенежского объединения как будто не вызывает сомнений. Остальная

часть печенежского объединения состояла, по всей вероятности, из нетюркских элементов. Возможно, это были сарматы, земли которых заняли печенеги в IX в., а также какие-то угорские племена. То, что в заволжских степях не попадает ни могильников, ни даже курганных погребений IX в., которые бы можно было считать печенежскими, позволяет думать, что для печенегов того времени было характерно таборное кочевание, а значит и военно-демократический строй. Окруженные со всех сторон сильными соседями: с востока — кипчаками, с юга — гузами, с севера — башкирами и начинающей крепнуть Волжской Болгарией, а с запада — Хазарским каганатом, печенеги были, видимо, уже готовы к «нашествию» и первый толчок сдвинул с места эту лавину. Толчком оказалось нападение на печенегов гузов: «...узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны». Так описал это событие Константин Багрянородный в середине X в., указывая, что событие это произошло за 55 лет до написания трактата. Далее он описывает разворачивающееся нашествие следующим образом: «Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения». Местом этим оказались степи Хазарского каганата (между Волгой и Донцом), занятые полуоседлым населением этого государства, и степи, в которых кочевали венгры, разбросавшие свои пастбища в междуречье Днепра и Серета^[39].

Поселения Хазарского каганата в донских степях были сожжены, разграблены и оставлены населением. Буквально через несколько лет степи превратились вновь в дикие пастбища. Венгров же просто вытеснили с их земель, захватив их стойбища и уничтожив жен и детей^[40]. В результате вся европейская тысячекилометровая степь оказалась в конце IX — начале X в. в руках печенегов. Известно, что не прошло и столетия, как захваченные земли были разделены между отдельными печенежскими подразделениями, о которых подробно в середине X в. писал Константин Багрянородный, однако в период захвата степи никакой упорядоченности между владениями не было — все передвигались по степи круглый год, захватывая все, что попадалось на пути. Судя по тому, что у печенегов в XI и в XII вв. были очень сильны пережитки военной демократии (сходки, совет старейшин)^[41], в начале X в. общество тем более было подчинено порядкам военной демократии. В середине X в. у печенегов была строго выдерживаемая родо-племенная структура: восемь округов, в каждый входило пять родов (по терминологии Константина Багрянородного). Во главе каждого округа стоял князь, во главе родов — меньшие князья^[42]. Очевидно, это была уже настоящая родовая аристократия, однако сведения о ней дошли до нас опять-таки от Константина Багрянородного, а это уже более поздняя эпоха, которую можно связывать с началом второй стадии кочевания. Во времена нашествия эти князья были еще обычными вождями — военачальниками.

Могильников печенегов начала X в. в европейских степях, естественно, нет, что подтверждает факт господства таборной стадии кочевания в то время. Погребения, которые можно считать печенежскими, единичны в степях, большинство их «впускные». Интересно, что обычай сооружать впускные погребения так и сохранялся у печенегов даже после потери ими политического господства в степях, после принятия ими полуоседлости.

Погребения печенегов всегда только мужские, с захороненным рядом чучелом коня и остатками оружия и сбруи — чаще всего остатками тяжелых луков с массивными костяными накладками.

Единство и устойчивость этого обряда говорит, видимо, о сложении этнолингвистической печенежской группировки сразу же после прихода их в донские и приднепровские степи.

В заволжских степях этот обряд не выявляется; надо полагать, что печенежская общность там так и не сформировалась.

Не подлежит сомнению, что через стадию таборного кочевания прошли все кочевые народы

евразийских степей. О гуннах и печенегах сохранилось наибольшее количество письменных свидетельств, позволяющих восстановить общественное устройство и бытовые особенности этих группировок периода первой (начальной) стадии существования кочевого объединения.

Другие народы известны нам только по отдельным свидетельствам, которые позволяют судить о том или ином признаке, характеризующем первую стадию. Поэтому далеко не всегда мы с полной уверенностью можем говорить на какой стадии экономического развития находилось упомянутое в источнике кочевое сообщество. Естественно, что обычно особенной скудостью отличаются источники, касающиеся кочевников первой стадии, по скольку археологически они улавливаются трудно, а в письменных сочинениях описание их дается бегло и нередко искаженно, так как двигающаяся и уничтожающая все лавина внушала ужас и ненависть, но отнюдь не этнографический интерес у современников событий — авторов сочинений.

Логически можно допустить, что кочевники, не оставившие на земле никаких памятников, кроме отдельных разбросанных погребений, находились на первой стадии кочевания. Имена племен, орд, объединений, или, как часто называли их древние авторы,— «народов», памятников которых мы практически не знаем, известны в огромном количестве. Тем не менее, видимо, не о всех этих «народах» можно говорить, что они находились на стадии таборного кочевания. Невозможность основывать свои выводы только на археологических данных усугубляется тем обстоятельством, что не все степные области Европы и Азии исследованы археологами равномерно и полно, а значит отсутствие памятников нередко объясняется просто слабой исследованностью того или иного района. Поэтому этот признак играет роль и бывает значимым только в случаях достаточно тщательной археологической изученности территории, на которой упоминается интересующая нас кочевническая группировка.

Так, мы знаем, что после нашествия гуннов в восточноевропейских степях остались кочевать многочисленные племена, которые постоянно упоминаются в византийских и переднеазиатских источниках V—VII вв. Это акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, утигуры, оно-гуры, кутригуры, болгары, хазары и многие другие [43].

Несмотря на то что этот участок степи изучен археологами достаточно хорошо, здесь не известно ни одного более или менее выразительного (стационарного) памятника V—VII вв., который можно было бы связать с одним из перечисленных народов. Следовательно, все эти народы находились в те века на первой стадии кочевания. Продукты земледельческого и ремесленного труда они получали от соседей мирным, а чаще военным путем, поскольку постоянно находились в состоянии войны-нашествия. Известно, что в середине VII в. кочующие по европейским степям авары захватили земли славянского племени дулебов [44]. Там они не только просто «примучивали» дулебов, о чем писал через триста с лишним лет русский летописец, но и использовали их на земледельческих работах. Беспощадная эксплуатация завоевателей образно изображена в летописном рассказе:

[45]

«аще поехати бяше
Обрину, не дадяше вѣпрячи коня ни волю, но веляше
взпрячи $\bar{\Gamma}$ (3) или $\bar{Д}$ (4) ли $\bar{Е}$ (5) женъ в телегу...»³⁹

Этот почти символический образ жестокости свидетельствует во всяком случае о том, что славяне вынуждены были выполнять все тяжелые работы для завоевателей. Думается, что именно подобный насильственный симбиоз кочевников и земледельцев способствовал

быстрейшему превращению аварского племенного союза в Аварский каганат — образование государственного типа.

То же можно сказать и о древних болгарях, вторгшихся после уничтожения хазарами приазовского государственного объединения — Великой Болгарии — в степи нижнего Дуная. Вторжение произошло в середине VII в. и было возглавлено ханом (вождем) Аспарухом^[46]. Около 100 лет кочевали в Подуиавье древние болгары, не оставляя в земле никаких следов, которые могли бы быть замечены и исследованы археологами^[47]. Однако и там начался симбиоз кочевников-болгар с земледельцами-славянами, пришедшими на эти земли в конце VI в. Слияние этих двух компонентов проходило, судя по скудным дошедшим до нас сведениям, без диких насилий, сравнительно спокойно для того жестокого времени. Славяне даже вливались в боевые дружины Аспаруха, участвовали в охране границ занятой болгарями территории^[48],

И здесь слияние привело к стремительному расцвету государственности, к образованию Дунайской Болгарии, к быстрому росту городов и к развитию высокой культуры^[49].

Надо сказать, что между собой разные кочевые этнические группировки воевали постоянно. Приск Панийский писал, например, что сарагуры, уроги, оногуры «оставили свою страну» под давлением савир, а савиры были оттеснены аварами, а авары — «народами, жившими на берегах Океана»^[50]. Таким образом, движение по степи было постоянным и сопровождалось битвами и грабежами. Все орды и конфедерации орд отличались, по словам Иордана, «свирепостью к народам». По мнению А. В. Гадло, акациры, изгнанные со своих земель альциагирами и оногурами в сухие степи Прикаспия, превратились в полных кочевников и даже начали называться хазарами, т. е. кочевниками (от тюркского корня «каз» — кочевать, бродить).

В степях V—VII вв. происходили бесконечные перемещения и передвижения. Орды, постепенно переходящие под давлением обстоятельств (экономической необходимости, географических условий) ко второй стадии кочевания, вновь переходили к первой стадии и вновь начинали жизнь, полную опасностей, войн, нашествий, направленных в основном на поиски и захваты новых земель и пастбищ.

Позднее, уже в IX в., когда обстановка в восточноевропейских степях значительно стабилизировалась и многочисленные орды были объединены под властью хазар в государственное объединение, письменные источники говорят о появлении в степях новой кочевой группировки — венгров. Константин Багрянородный писал, что жили они вблизи Хазарии, в местности, называемой Ле-ведия, по которой протекает речка Хидмас или Хингилус.

Несмотря на указанное в сочинении Константина название реки Хингилус, мы не можем сейчас локализовать Леведию. Никаких археологически уловимых следов венгры в восточноевропейских степях, прилегающих к Хазарии, не оставили. Общественный строй их, очевидно, можно в этот леведийский период охарактеризовать как военно-демократический, поскольку Константин Багрянородный подчеркивает, что у них «было семь родов, а князя они никогда не имели ни своего, ни чужого»^[51]. Все это свидетельствует о том, что венгры в экономическом отношении находились на первой стадии кочевания. Леведий, по имени которого была названа вся занятая венграми местность, был не князем, а только, «как и прочие после него, воеводою». Хазарское правительство, обеспокоенное соседством такого постоянно готового к грабежу и нашествию объединения, натравило на венгров печенегов, которые изгнали их с речки Хингилус на запад — в местность, названную у Константина Ателькузу. Через эту землю протекало пять крупных рек, перечисленных Константином, — Серет, Врут, Трулл, Куву и Ва-рух. В настоящее время у ученых нет сомнений в том, что это современные Серет, Прут, Днестр, Буг и Днепр, а значит и локализацию Ателькузу мы можем считать

доказанной^[52]. Однако на территории Ателькузы археологи не обнаружили ни одного памятника, который можно было бы связать с венграми. Очевидно, и здесь венгры находились в постоянном движении, в постоянном кочевании, хотя именно в Ателькузе ими был сделан первый шаг от военно-демократической формы правления к единоначалию — венгры выбрали «по обычаю хазар» и под их давлением первого князя — Арпада. Вскоре после этого венгры вновь потерпели поражение от печенегов и направили свою экспансию далее на запад — в Паннонию. До этого они попытались захватить лесостепные области севернее Ателькузы и для этой цели подошли к самому Киеву, о чем и сообщил под 898 г. русский летописец: «ьдоша Оугре мимо Киев горою... и пришедше к Днепру статна вежами беша бо ходаше тако и Половци...»^[53] Из этой фразы явствует, что шли венгры со всеми своими кибитками, семьями, т. е. это была характерная форма нашествия. Итак, венгры, не оставившие в восточноевропейских степях никаких следов своего пребывания, также, по нашему мнению, находились на первой, таборной стадии кочевания.

То же можно сказать и о половцах первых десятилетий их пребывания в донских и приднепровских степях.

На Иртыше и в Прибалхашьи в IX—X вв. выросло сильное государственное объединение — Кимакский каганат^[54]. Его западной ветвью были кипчаки или, как их позже называли русские, половцы. В каганате это была наиболее «кочевая» группа населения — для них характерна была вторая стадия кочевания, и поэтому подробнее мы рассмотрим ее во второй главе. Здесь же отметим только, что в результате экспансии Кыргызского каганата, в результате войн с гузами, а также «перенаселения» кипчакской степи стадами и людьми, центробежных стремлений кипчакских ханов и прочего кипчаки в конце

X в. начали движение на запад. Они прошли в частично освободившиеся от печенегов заволжские степи, а затем в начале XI в. проследовали в Подонье. Однако половецких памятников этого времени практически нет на всем пути следования их орд. Нет их и в Приднепровье, где по письменным источникам половцы зафиксированы во второй половине XI в.^[55] Все это подтверждает тезис о том, что во время нашествия кипчаки-половцы также перешли на наиболее «рентабельный» для этого периода способ ведения хозяйства — на таборное кочевание. Надо сказать, что мы располагаем еще одним косвенным доказательством преобладания таборного кочевания у печенегов и половцев в южнорусских степях, а именно сведениями русской летописи о походах русских дружин в степи^[56]. Дело в том, что первый рассказ о походе помещен в летописи только под 1103 г.^[57] До этого бродящие по степям кочевники были неуловимы — в любой момент, когда они были слабы и не способны к сопротивлению (обычно ранней весной, после тяжелой, снежной зимы), они могли легко уклониться от встречи с русским войском — просто откочевать всем «миром» в глубь степи и при этом сжечь траву по пути следования русских, что лишало последних возможности передвижения (этот прием был хорошо известен кочевникам вплоть до XVIII в.)

Видимо, печенеги в период своего столетнего господства в Причерноморье так и не перешли ко второму способу кочевания, а половцы перешли к нему в самом конце

XI в., что сразу же уловили русские политики, направившие удары сначала на лукоморские зимовища, а затем (в 1111—1112 гг.) — на донецкие^[58].

С. И. Руденко в указанной работе подчеркивал большую роль географического фактора в установлении в степях определенной формы кочевания. Мы уже говорили, что несомненно географический и климатический факторы имели значение для кочевнической экономики. Европейские степи, согласно С. И. Руденко, были наиболее подходящей зоной для второй и третьей форм кочевания^[59], в которой великолепные летние пастбища, прорезанные

многочисленными полноводными большими и малыми реками, сочетались с луговыми долинами с высокой травой, куда скот можно было загонять на зиму. Там же, в удобных, защищенных от ветров местах, начинали ставить кочевники постоянные зимовки. Так возникала вторая форма кочевания. В пустынях и полупустынях такой переход был просто невозможен — скот слишком быстро выедал скудный запас трав, и это требовало тотального переселения на новое место. Поэтому в сухих степях и полупустынях такой анахронизм, как таборное кочевание, сохранялся вплоть до XIX в. Правда, следует учитывать, что эти кочевники, несмотря на отсутствие постоянных мест зимовок и летовок, кочевали семьями на определенных, сравнительно небольших участках. Они не могли пойти на поиски или на захват пастбищ. Поэтому, естественно, и социальный строй у них не был военно-демократическим, и объединение, в которое входили кочующие по полупустыням скотоводы, было классовым. Просто наименее влиятельные, беднейшие семьи и роды получали для кочевков самые трудные участки степи. Вполне возможно, что всюду, где господствовало таборное кочевание, родоплеменная вуаль, наброшенная на общественные отношения кочевников на всех стадиях их общественного развития, была значительно более густой и устойчивой.

В настоящее время огромные пространства среднеазиатских и сибирских степей изучены далеко не так полно, как европейские. Поэтому, как уже говорилось, исходить из наличия или отсутствия археологических памятников при определении экономических или общественных отношений изучаемого этноса мы не можем. Письменные же документы чаще посвящены государственным объединениям, а не разрозненным племенам, хотя отношения с последними всегда были чреваты опасностью и неожиданными разорениями.

На страницах летописей редко упоминаются события, благодаря которым то или иное племя или этническая общность переходили к таборному кочеванию. Некоторые из них мы рассмотрели — причина по существу всегда крылась в крахе экономики: уничтожении материальной базы, потере пастбищ, гибели большого количества производящего населения. Читая источники, описывающие предысторию различных кочевых объединений, мы сталкиваемся со сведениями, которые подтверждают это положение. Так, Гардизи, говоря о первых шагах Кимак-ского каганата, рассказал записанную им кимакскую легенду. В ней повествуется, что на территории бывшего древнейшего «татарского» объединения начались междоусобицы, в результате которых часть народа отселилась на Иртыш. К отселившимся через некоторое время откочевало еще несколько орд (Гардизи писал — несколько пастухов), так как «в тех местах, где [прежде] были табуны, не осталось пастбищ», затем оказалось, что бывшая «татарская» территория «опустошена и лишена населения: враг ограбил и перебил весь народ»^[60]. К ним же присоединились бежавшие из разгромленного Уйгурского каганата уйгурские группировки. Так в результате экспансии, захвата новых пастбищ, начало формироваться новое объединение.

Эта закономерность, очевидно, характерна не только для евразийских кочевников. В Передней Азии арабы, разбитые в начале IV в. шахом Шапуром II, начали движение в северные области — к границам Византийской империи^[61]. Последовавшие затем постоянные военные стычки с Персией и Византией, участие в войнах между этими государствами то на одной, то на другой стороне превратило всех арабов в воинов. «Все арабы — воины,— писал Аммиан Марцеллин.— Их беспорядочное передвижение, то спокойное, то тревожное, осуществляется на быстрых опасных лошадях и сухощавых верблюдах. Никогда и никто из них не берется за рукоять сохи, не садит дерева, не ищет пропитания, обрабатывая землю. Они вечно блуждают, передвигаются «вдоль и поперек» пространств, без дома, без определенного места жительства, без законов. Они не могут длительно оставаться под одним и тем же небом, и им не нравится одно и то же место на земле, их жизнь постоянно в движении»^[62]. К этому следует добавить,

что управлялись они многочисленными «царьками». Как мы видим, это описание почти дословно совпадает с данной тем же автором характеристикой гуннов. Таким образом, в IV—VI вв. арабы находились на таборной стадии кочевания и социальный строй их был типичен именно для этой экономики — военная демократия. Их постоянным занятием была война за земли (пастбища), т. е. это было состояние перманентного нашествия.

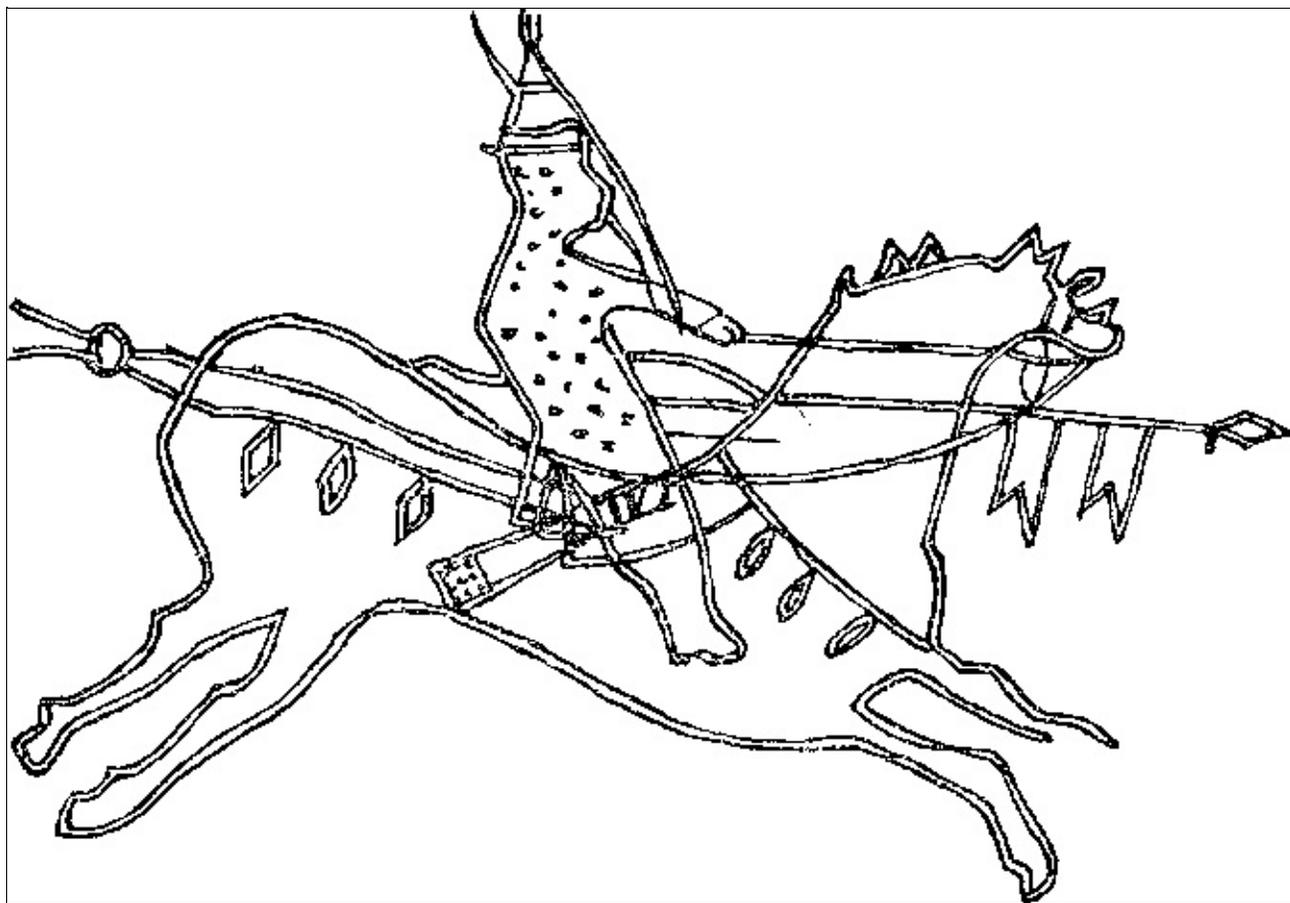
Еще далее от евразийских степей простираются степи Северной Америки. Однако там мы наблюдаем ту же картину, те же процессы. С приходом в Америку европейцев многие индейские племена, бывшие оседлыми земледельцами, перешли сначала к полuosедлости, а затем к таборной форме кочевания. Жизнь их была сплошной борьбой за пастбища, т. е. это была своеобразная форма «нашествия», заключающаяся в стремлении кочевников отстоять земли, необходимые им для выпаса стад. Социальные отношения индейцев не выходили по существу за рамки военной демократии с типичными для поздней ее формы зачатками классовой дифференциации^[63].

Итак развитие кочевнической экономики и вместе с тем общественного строя подчинялось, как нам представляется, единым законам. Из-за недостатка источников мы не всегда можем с полной уверенностью говорить, на какой ступени развития находилось рассматриваемое кочевое сообщество. Особенно трудно уловить таборное кочевание, о котором сохраняется очень мало сведений. Только в тех случаях, когда период «нашествий» затягивался на десятилетия и даже столетия (как у гуннов, например), когда в движение оказывались втянутыми десятки и сотни племен и этносов, только тогда удастся выявить все основные характерные для таборного кочевания черты: отсутствие археологических памятников, отсутствие этнического единства, военную демократию и сокрушающие древние цивилизации нашествия.

Глава вторая ВТОРАЯ СТАДИЯ КОЧЕВАНИЯ

После захвата новых земель, относительного урегулирования отношений с завоеванными племенами и соседними государствами и народами кочевники-скотоводы начинали активно осваивать занятые ими территории. Начинаясь период «обретения родины». В венгерской исторической литературе по сей день так называется время завоевания и первые десятилетия освоения придунайских степей пришедшими из Ателькузы ордами венгров.

Вторая форма (стадия) кочевания означает прежде всего ограничение территории кочевания для каждой орды или рода и соответственно появление постоянных мест для сезонных стойбищ — зимовок и летовок. Источники говорят нам, что для степняков вторая стадия кочевания — наиболее характерная форма хозяйствования. Она справедливо разделена С. И. Вайнштейном на две разновидности: полукочевую и полуседлую [\[64\]](#). Первая — ближе по своему внутреннему и внешнему выражению к таборному кочеванию, а вторая — к третьей форме скотоводческого хозяйства, являющейся по существу почти

оседлой. Следует помнить, что далеко не всегда по какому-либо одному источнику можно различить, таборная или уже полукочевая экономика была основой того или иного этнического объединения. Только совокупность всех видов источников (письменных, фольклорных и археологических) позволяет более или менее уверенно ответить на этот вопрос.

Ограничение территорий кочевания неизбежно приводило к некоторой специализации скотоводства и к изменению состава стада. Последнее выразалось в том, что кочевники, осваивавшие широкие луговые просторы больших рек, начинали разводить крупный рогатый скот, ранее, как правило, угонявшийся из соседних стран. Орды, получившие в наделы ковыльно-разнотравные участки, занимались преимущественно разведением лошадей,

мелкотравчатые степи использовались для выпаса овец, а сухие степи (почти полупустыни) — для верблюдов. Это понимается не означало, что состав стада не был смешанным. Мы говорим только о преимущественном разведении определенного вида скота. К тому же следует учитывать и то обстоятельство, что европейские степи были очень богаты пастбищами и почти в каждый обширный надел входили степные участки разных типов — даже нередко и полупустыни (например, в Заволжских степях).

Размеры кочевого участка зависели от величины кочевой группы, владеющей им. В начале освоения степи участки были очень большими. На каждом кочевал крупный кочевой, обычно кровнородственный коллектив, который В. Я. Владимирцов называл «куреном», а сам способ ведения хозяйства большой группой — «куранным». Формирование куреней характерно, по его мнению, для периода разложения родо-племенного строя, т. е. начиналось оно еще в рамках военной демократии, а далее могло существовать и развиваться уже в классовом обществе [65]. Прогрессирующее разложение родо-племенного строя и развитие классовых отношений, обнищание рядовых кочевников и накопление богатств в руках отдельных семей приводили к распаду общин-куреней на более мелкие хозяйственные объединения. Этот процесс убедительно прослежен на примере башкирского общества XVII—XVIII вв. Р. Г. Кузеевым [66]. Прежде всего из куреней стали выделяться богатые семьи с чадами, домочадцами и большим количеством скота. Эти новые подразделения назывались айлами (по Владимирцову). Размеры айлов нередко также были громадными, поскольку к богатой семье примыкали бедняки. Не владея достаточным для кочевания количеством скота, бедняки пасли чужой скот, брали его исполу на выпас или же, что особенно важно, начинали переходить к новому способу производства — к земледелию.

Таким образом, если для первого этапа второй стадии был характерен куренной способ кочевания, то на втором этапе ведущим, очевидно, стало айльное кочевание. Появилось земледелие, ведущееся на полях вокруг зимовок. Беднейшая часть населения и на лето оставалась на зимовках, обрабатывала поля и бахчи, а также запасала необходимое для некоторых видов и пород скота количество сена (для крупного рогатого скота, молодняка, высокопородных коней).

Военно-демократический строй постепенно сменялся классовым. Однако последний отличался необычайной для любого оседлого народа патриархальностью. Даже захваченные пленники становились внутри айлов обычными бедняками и в случае удачи могли разбогатеть и превратиться во влиятельных лиц в новом для них сообществе. То же, естественно, могло произойти с беднейшими сородичами, которые, участвуя с набегах, также легко и неожиданно могли разбогатеть, забросить тяжкий земледельческий труд и вновь превратиться в свободного кочевника-скотовода.

Богатая часть населения — родовая аристократия, занимая ведущее положение, очень умело скрывала свои тенденции к захвату абсолютной власти за такой «вуалью» патриархальности. Наиболее влиятельные и богатые из аристократов становились во главе крупных объединений, причем по древней традиции «выбирались» на сходках, правда уже не общенародных, а аристократических. Выбранные вожди-ханы, как правило, выполняли функции верховных жрецов, что также сближало их с населением, верящим в их сверхъестественную силу.

Итак, на территории бывшего куреня возникало принципиально новое объединение ряда самостоятельных айлов, которое можно именовать ордой. Л. Н. Гумилев считал возможным называть объединение такого типа в мирное время племенем, а в военное — ордой [67]. Нам представляется, что суть объединения такого типа остается постоянно одинаковой — это сообщество некровнородственных, экономически и социально неравных семей, нередко включающее в себя даже чужеземцев.

На войну и военные действия курени и орды были готовы всегда, когда это позволяло им состояние их сил. Дело в том, что и сами кочевники, и, главное, их скот, и кони в зимнее время, как правило, в большей или меньшей степени голодали (особенно в снежные зимы и гололеды). Весной они были очень слабы и, естественно, ни о какой войне или походе не могло быть и речи. Только после откорма стад весенними травами, окота овец, весенней рыбной путины и конца паводков степняк мог сесть в седло с военной целью. Однако военные действия изменили свой характер. Если на первой стадии кочевания воевал и шел в поход весь народ со всем имуществом и стадами, то на второй стадии в поход отправлялись воины. Правда, большой обоз и прихваченные в долгий путь стада создавали еще впечатление, что кочевники двигаются всей массой, но на самом деле женщины, дети, старики, а позднее— безлошадные бедняки и иноплеменники (рабы и рабыни), составлявшие значительную часть айлов, не участвовали в военных предприятиях. Сами эти предприятия носили уже характер не нашествий, имеющих основной целью захват земель (для этого и шли всем миром), а набегов, ставящих целью угон населения (женщин, детей) для продажи его в рабство на восточных рынках или же получения откупов. Откупы получали тогда, когда подвергшаяся набегу страна высылала навстречу парламентаров с просьбой мира и богатейшими дарами.

Следует помнить, что набеги для степняков далеко не всегда завершались благополучно. Походы кончались нередко полным разгромом, после которого враждебная сторона вторгалась в степь и в свою очередь грабила их вежи, угоняла в рабство людей и захватывала стада. Кроме того, чем больше локализовались кочевья, чем чаще стойбища превращались в полуоседлые поселки, в которых сосредоточивалось население и какая-то часть богатств, тем успешнее соседи могли ходить в степь и громить в ней кочевников, не только просто грабя, но и уничтожая их экономическую базу. Помимо соседей, грабежом становищ-веж и угоном скота занимались и сами кочевники, организуя набег айлом или ордой на соседний аил или орду. Этот «обычай», известный в степях под названием баранты, а также мощные удары соседних народов подрывали экономику отдельных айлов и способствовали разорению скотоводов и росту экономического неравенства, а значит, и все более глубокому разделению степняков на классы.

Складывавшаяся в степях обстановка постоянной опасности, подрывающая экономику, и в то же время выдвижение сильных экономически и политически айлов и орд приводили к необходимости создания какой-то более крупной, стоящей над ордами организации, которая объединила бы их и была бы способна хоть в малой степени регулировать внутреннюю и внешнюю политику степняков. Так в степях появлялись своеобразные «союзы орд» — зародыши будущих государств — «объединения государственного типа». Во главе объединений вставали выбранные на съездах аристократии наиболее дееспособные и экономически сильные ханы. Основная функция их заключалась в урегулировании внешней политики, выражающейся в заключении союзов с более цивилизованными соседями и в организации далеких больших походов, основной целью которых было обогащение возглавляемых ими объединений.

Внутри объединения ханы, очевидно, предотвращали мелкие междоусобицы и грабежи и этим также способствовали сплочению подвластных союзов.

Эти объединения скорее напоминают «союзы племен», возникавшие в период военной демократии, чем государственные образования, поскольку в них не было ни регулярных армий (только ополчения), ни административного аппарата (судей, полиции, сборщиков налогов), ни податной системы. Однако именно на этой стадии начинают формироваться единая общая культура, единое мировоззрение (религия), единый язык. Огромные и рыхлые общности, которые характерны для первой стадии кочевания, были социальными (политическими) образованиями. Общности (союзы) второй стадии постепенно приобретают общие этнические черты, главными из которых являются язык и культура. Таким образом эти объединения

способствовали сложению в степях этнических общностей — прообразов будущих народов.

Объединения как политические общности были достаточно аморфны и расплывчаты. Законов и вековых установлений, связывающих их, не было, ни разу мы не можем указать и более или менее четких их границ. Тем не менее нередко они достигали огромных размеров и почти непобедимого могущества.

Причины, способствовавшие возникновению этих великанов, которые в синхронных им письменных источниках нередко назывались «империями», крылись прежде всего в удачно складывавшейся для них внешнеполитической обстановке — в слабости соседних народов и стран. Кроме того, несомненно, большую роль играла и центральная фигура такого объединения — добившийся власти хан. Если он был энергичным, деятельным, умным и жестоким человеком и к тому же хитрым политиком и талантливым полководцем, то объединение орд, до него ничем не примечательное и мало известное современникам, превращалось в империю, молва о непобедимости которой шла впереди ее рыскающих в поисках добычи воинов и способствовала их победам.

Следует сказать, что, как правило, такие ханы становились первыми ханами-объединителями — создателями государственных образований, а после их смерти начинались междоусобицы, центробежные стремления к обособлению и «империи» исчезали со страниц исторических документов, а затем и с лица земли.

Прежде чем перейти к историческим примерам, иллюстрирующим предложенную схему, остановимся на краткой характеристике археологических источников, которые мы можем обнаружить и которые остаются в земле от кочевников второй стадии кочевания.

Мы знаем, что на территории куреня или орды были постоянные зимовки и летовки, на которые ежегодно приходили курени или отдельные айлы. Даже от этих сезонных стойбищ должны остаться на поверхности какие-то слабоуловимые «следы пребывания» — обломки разбитой посуды, кости съеденных животных, разные потерянные мелкие вещи (ножики, наконечники стрел, шилья, пряслица, перстенок или серьга) ^[68]. От наземных легких юрт, естественно, никаких остатков не сохраняется. Если стойбище в конце второй стадии начинало превращаться в полуседлое поселение, т. е. если на нем какая-то часть населения жила круглый год, то на поверхности мог уже понемногу накапливаться культурный слой, также насыщенный обломками посуды и костей. Жилища на таких зимниках сооружались более фундаментально и следы их археолог может обнаружить при раскопках ^[69].

Кроме того, рядом с зимниками, а возможно даже с летниками начинали возникать стационарные могильники ^[70]. Они бывали и бескурганными, но нередко кочевники начинали сооружать над погребениями небольшие земляные или каменные насыпи.

То обстоятельство, что, как правило, могильники находились у зимников, подтверждается как будто фактом характерных именно для зимы сезонных отклонений от принятой по обряду ориентировки покойника.

Итак, следы стойбищ в виде обломков посуды и костей на берегах рек, бескурганные и курганные могильники рядом с ними и святилища — вот те основные материалы, типичные для второй стадии кочевания, которые может обнаружить археолог в степях.

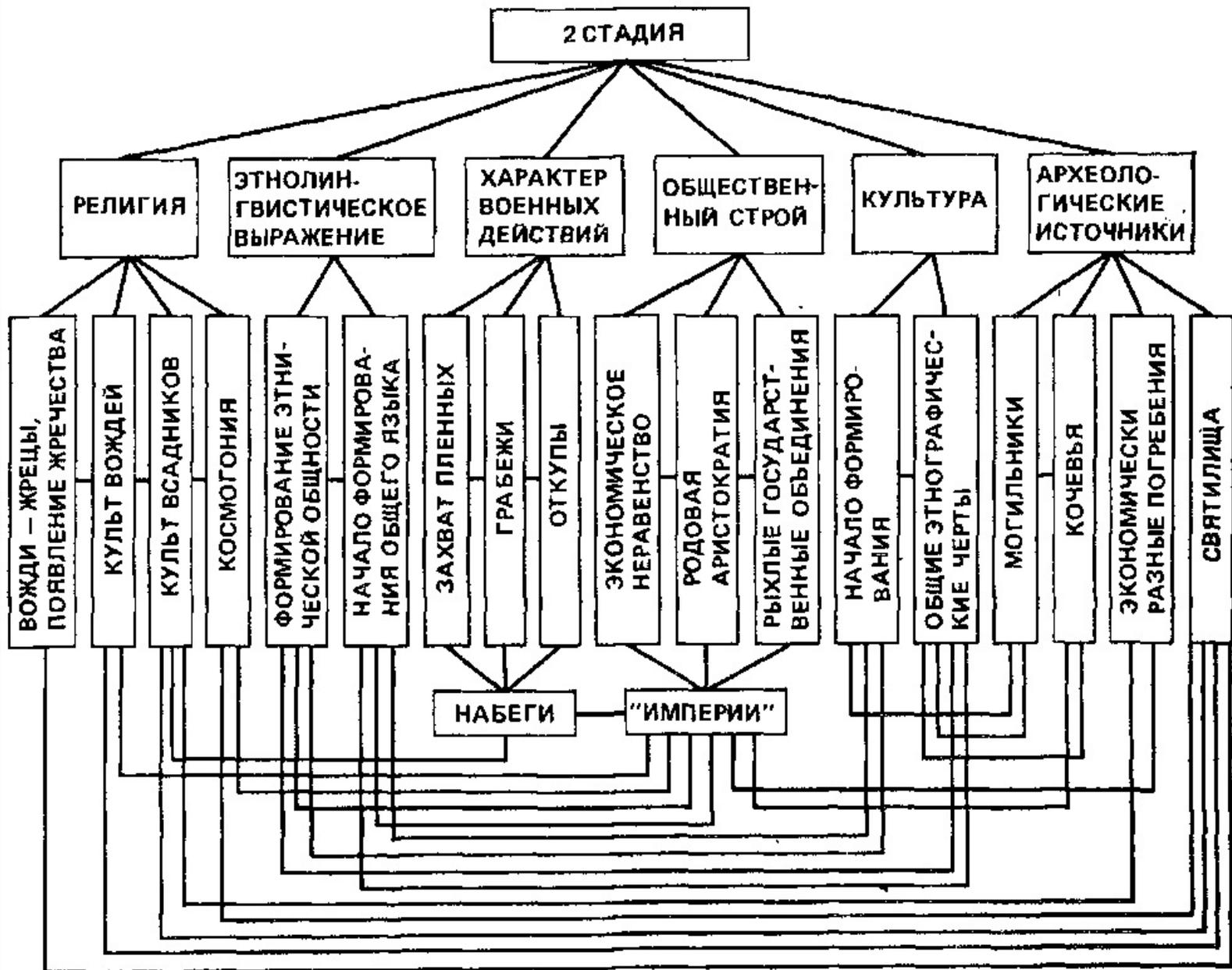
Весьма существенным становится также выявление оригинальных черт материальной культуры, которую можно изучать благодаря довольно многочисленному инвентарю, находящемуся как в рядовых, так и в богатых погребениях, а также духовной культуры, отдельные черты которой прослеживаются в погребальном обряде и при исследовании материалов святилищ.

Тем не менее археологические источники по выявлению второй стадии кочевания всегда должны привлекаться и интерпретироваться очень осторожно, обязательно с привлечением

письменных свидетельств, поскольку стационарные кладбища, святилища и ряд самобытных черт культуры могли быть и были и у полуоседлого населения третьей стадии кочевания.

Вторая стадия кочевания — наиболее характерная форма ведения скотоводческого хозяйства в степях. Через нее прошло все степное население. Ряд народов и по сей день ведет свое хозяйство по второму, самому рентабельному для кочевнической экономики способу. Поэтому перечисление или описание народов и племен, находящихся или находившихся на второй стадии, превратилось бы в простой рассказ по истории степных народов Евразии и мира. Цель данной работы несколько иная, а значит в ней следует ограничиться рядом наиболее выразительных примеров, демонстрирующих в основном эволюционность второй стадии, возможность и историческую необходимость перерастания ее в следующую — третью стадию, а также и такие ситуации, когда вторая стадия, наоборот, как будто бы не получила дальнейшего развития и осталась в степях почти в первоначальном состоянии.

Огнем и мечом прошедшие по европейским степям основные силы гуннов дошли до берегов Дуная и остано-

*Рис. 2.
Схема взаимосвязей признаков
на второй стадии кочевания
(модель 2)*

вились там. В V в. военно-демократический племенной союз гуннов распался на самостоятельные части. Об этом мы можем судить по сообщениям источников о набегах и походах отдельных подразделений гуннов, предводительствуемых различными «вождями». Кроме того, византийцы разбили гуннов на земле, занятой последними, а это значит, что гунны были уже связаны какой-то определенной, ограниченной территорией^[71]. А. Н. Бернштам справедливо отмечает, что удар, нанесенный гуннам, на время приостановил рост их могущества и в то же время создал предпосылки для его возрождения.

Вождь, который смог вновь объединить под своей властью гуннские орды, оказался Ругила. Приск Панийский специально подчеркивает, что Ругила сначала вел борьбу с теми «народами», которые раньше входили в гуннский союз. Победив и присоединив их, Ругила

перешел Дунай и занял Паннонию. Помимо объединяющей функции, он, следовательно, начал и расширять свою территорию, а также уже с позиции силы стал требовать у Византии дани или откупа в виде ежегодной выплаты в размере 700 фунтов золота.

В 433 г. Ругила умер, однако дело его не погибло. Начавшее создаваться объединение было возглавлено двумя его племянниками — Бледой и Аттилой. Интересно, что власть передавалась у них еще не по прямой линии: от отца — к сыну, а по боковой, чтобы участие в управлении принимал весь захвативший первенство род. По словам Иордана, Аттила, очевидно борясь за единовластие, просто убил Бледу и в 433 г. принял власть над гуннами один. Аттила всеми силами старался сплотить возглавляемое им объединение. Несмотря на необычайную жестокость в расправе со всеми врагами, у Аттилы были, как у хорошего политика, и положительные черты. Так, тот же Иордан сообщает, что «любитель войны, сам он был умерен на руку, тверд и очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился»^[72]. Эти качества привлекали к нему союзников и в короткое время позволили создать могущественную гуннскую империю.

Все исследователи этого периода истории гуннов единодушно полагают, что основой хозяйства, экономической базой гуннского общества продолжало оставаться кочевое скотоводство. Регулируя «внутриимперские» отношения, Аттила запрещал возделывать некоторые особенно пригодные для пастбищ земли вдоль Дуная^[73].

Продукты земледелия кочевники брали у покоренных племен, входивших в гуннский союз. Этот симбиоз кочевников и земледельцев также весьма способствовал укреплению и единению гуннской «империи». Прочная экономическая база привела к тому, что Аттила смог организовывать долгие и далекие походы в глубь Европы, повергавшие в трепет все европейские народы. В то же время эти походы оттягивали внимание растущей и крепнущей родовой аристократии от центробежных стремлений к завоеванию новых богатств. Итак, постоянные походы (военный быт) и внешняя демократичность поведения сближали Аттилу с привычными для кочевников образами вождей периода военной демократии. Тем не менее состояние экономики (вторая стадия кочевания и земледелие части племен), ярко выраженное экономическое расслоение общества, выделение родовой аристократии говорят уже о том, что Аттила был главой крупного объединения государственного типа. Величина и мощь объединения позволяют называть его империей.

Характерно, что походы Аттилы уже не были направлены на завоевание земель. «Помыслы Аттилы,— писал Иордан — обращены на разорение мира»^[74] после походов он, как правило, возвращался «на свои становища»^[75]. То, что становища эти были достаточно стабильны, подтверждается описанием «селения», принадлежавшего лично Аттиле. Оно «было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними... Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего в своей власти весь варварский мир...»^[76] По-видимому, «селение» Аттилы весьма напоминало каменные укрепления значительно более поздней столицы праболгар на Дунае — Плиски: огромная огражденная валами и рвами территория «города» с квадратным «Внутренним городом», в центре которого находился дворец хана. По этому принципу концентрических прямоугольников, квадратов и кругов сооружались как богатые ставки ханов, так и святилища кочевников^[77]. Иордан писал, что Аттила предпочитал свою ставку всем завоеванным им городам. Это сообщение интересно потому, что ставки, разраставшиеся затем (в следующий период) в города, возникали в степи, окруженные своим—кочевым населением. Завоеванные же

города находились на окраине империи, где обитали остатки оседлых земледельцев.

В 445 г. Аттила умер. Рассказ Иордана об этом событии не дает ясного представления об обряде погребения, который был принят у гуннов. Он писал, что Аттила прежде всего был горестно оплакан своими воинами, затем «справляют на его кургане «страву», сопровождая ее громадным пиршеством... Ночью тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба... Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения... Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело...» [\[78\]](#)

Неясность данного сообщения заключается в том, что Иордан говорит сначала о сооружении для Аттилы кургана, где совершалась тризна, а затем о тайном ночном погребении с убийствами. Естественно предположить, что в день до похорон насыпи над могилой не должно было быть, так как не было и самой могилы. Очевидно, курган был насыпан специально для справления тризны (и для отвода глаз), а ночью, в укромном месте, соблюдая древний обычай, похоронили усыпанного драгоценностями правителя в скрытой бескурганной могиле. Людей же убивали не только для сохранения тайны, но и для того, чтобы было кому служить умершему на том свете. В целом описанный обряд напоминает погребальные обряды сибирских хунну: в срубах и нескольких гробах, с оружием и личными богатыми вещами [\[79\]](#).

Таким образом, древнейший обряд собственно гунны пронесли более чем через пятьсот лет. Интересно, что возрождаться он стал только тогда, когда гуннские орды стали несколько стабилизироваться, перешли ко второй форме кочевания, начали создавать свою культуру.

Огромное объединение Аттилы распалось сразу же после его смерти. Большую роль при этом сыграли не только восстания покорных Аттиле племен (гепидов, готов и др.), но и вражда между многочисленными сыновьями властителя. Так, «Эрнок, младший сын Аттилы, вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии. Эмнетзур и Ултзиндур, единокровные братья его, завладели Утом, Гиском и Алмом в Прибрежной Дакии. Многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, передались тогда в Романию...» [\[80\]](#) Из цитированного отрывка видно, что все они разбрелись по бывшей империи Аттилы, потеряли единство и силу и вновь превратились в племена, ищущие новых пастбищ, о которых мы уже упоминали в предыдущей главе.

Следующим, не менее выразительным, как нам представляется, примером второй стадии кочевания являются авары В 578 г. авары занимают Паннонию, а в начале VII в.— Далмацию. Во главе аварского союза стоял хан Баян. В исторической литературе этого жестокого, жадного и талантливого полководца не раз сравнивали с Аттилой и Чингисханом [\[81\]](#).

Политическая история авар дунайского периода такясе весьма напоминает гуннскую — это история непрерывных походов и военных стычек с Византией и беспощадные ограбления побежденных народов: славян, болгар, гепидов и др.

Под властью Баяна объединились многие кочевые народы — потомки гуннов. Объединение стало именоваться каганатом, а сам Баян — каганом. Входившие в него народы начали, видимо, формироваться в единый, хотя и разделенный на орды, этнический массив, господствующим языком которого стал тюркский. За двести лет существования Аварского каганата на его территории успела сложиться вполне определенная культура. Авары принесли с востока два связанных друг с другом нововведения, которые и в последующие века были характернейшим признаком кочевнических культур: железные стремена и сабли — однолезвийные слегка изогнутые клинки, предназначенные для скользящего удара. Последний можно было нанести только стоя на стременах, а это значит, что до изобретения стремян не могло быть у воинов и сабель.

В настоящее время известно множество могильников аварского времени, в которых не

только вещи, но и керамика, и антропологические материалы свидетельствуют о сильной смешанности населения Аварского каганата, о значительном количестве славян, вошедших в него^[82].

Славяне и были, видимо, той силой, которая способствовала быстрейшему переходу авар на финальный этап (полуоседлый) второй стадии кочевания. Недаром даже в собственно аварских могильниках в большом количестве известны находки костей свиньи и домашней птицы, что уже само по себе говорит об оседлом или во всяком случае полуоседлом образе жизни населения.

По многочисленным этнографическим примерам мы знаем, что влияние оседлых земледельцев — соседей всегда действовало на кочевников одинаково — они начинали оседать и приобщаться к земледельческому труду и ремеслам. Другие кочевнические орды (кутригуры, болгары), а также славяне создавали в каганате ту комплексную скотоводческо-земледельческую базу, которая способствовала быстрому росту и укреплению аварского объединения государственного типа. Если бы аварские каганы не стремились подобно гуннам к набегам и грабёжам в основном на ослабевшую в то время Византию (она вела тогда тяжелейшую борьбу с Ираном) и на другие западные страны и народы, в частности на франков, то, возможно, каганат уже в VIII в. вырос бы в государство со всеми свойственными для него функциями, а вторая форма кочевания окончательно перешла бы в третью (земледельческо-скотоводческую). Этого не случилось потому, что авары потерпели поражение и были подчинены власти франкских королей^[83].

Итак, мы с полной уверенностью можем говорить, что в Аварском каганате ведущей формой хозяйства была вторая стадия кочевания, а политической — государственное образование — каганат. В каганате формировалась этнокультурная общность с нивелирующей культурой и единым языком.

Аварский каганат — прямой наследник гуннской империи Аттилы. Остатки племен, входивших в гуннский союз и «империю», частично были включены в качестве федератов и в Аварский каганат. Однако подавляющее большинство их, даже такие крупные общности, как кут-ригуры и утигуры, так и не смогли организовать и возглавить ни одного достаточно крупного и боеспособного государственного союза. Очевидно, для этого не было ни необходимых исторических условий, ни вождя, могущего силой и личным авторитетом сплотить разрозненные, бродящие по степям курени и айлы.

Исключение составляют только два племени: болгары и хазары. Оба народа примерно столетие (с середины VI по 30-е годы VII в.) входили в состав Тюркского каганата, занимая его крайние западные владения — приазовские и прикаспийские степи. После гибели каганата на обширных пространствах, бывших под его властью, образовалось несколько подобных ему государственных объединений. Каганат погиб из-за междоусобиц, в которых принимали самое активное участие два наиболее знатных и влиятельных рода — правящий род Ашина и его антипод — род Дуло^[84]. Интересно, что оба эти рода приняли самое деятельное участие в формировании болгарского и хазарского объединений^[85].

Итак, сразу вслед за развалом каганата один из представителей рода Дуло — хан Кубрат (Куврат) начал энергично сколачивать в Приазовских степях разрозненные болгарские орды^[86]. Так было создано новое объединение, хорошо известное в источниках под именем Великая Болгария. В него, судя по источникам (Феофан, Никифор)^[87], входили не только тюркоязычные болгарские, но и угрозязычные древнемадьярские орды, однако ведущим языком здесь стал язык правящего рода Дуло — тюркский. Это дает некоторые основания полагать, что внутри объединения уже началось формирование этнической общности.

Объединение это просуществовало всего десятилетие — после смерти Курбата (около 642 г.) оно распалось на несколько больших орд, возглавляемых его сыновьями. Два из них — Батбай (старший) и Аспарух — неоднократно упоминаются в письменных источниках [\[88\]](#).

Уже самый факт образования объединения государственного типа говорит о том, что орды, входившие в него, находились на второй стадии кочевания. Наши разведки в Приазовье позволили обнаружить следы стойбищ, видимо летовок, вдоль всего восточного берега Азовского моря. Судя по остаткам этих стойбищ, болгары находились на первой ступени, т. е. в самом начале второй стадии кочевания. Характерно, что до сих пор не обнаружено ни одного могильника болгар на этой территории. Вероятно, это объясняется очень кратким периодом жизни Великой Болгарии. Кочевники в тот период даже не освоили входившего в их владения древнего города-порта Фанагории, хотя он уже начал отстраиваться после гуннского погрома. Феофан писал, что около этого города располагаются многие народы из этого объединения, но не в нем самом [\[89\]](#). На фанагорийском городище почти не прослеживается слой VII в., город, судя по археологическим данным, стал вновь активно функционировать только с VIII в., т. е. после исчезновения Великой Болгарии [\[90\]](#).

Отсутствие стабильности, постоянных зимников и даже могильников, естественно, тормозило сложение какой-либо общей культуры в этом объединении. Да она и не могла сложиться за два-три десятилетия существования этого «государства».

Вскоре после смерти Курбата на разрозненные, хотя и большие, орды болгар напали хазары и победили их, заняв их пастбища и пробившись к морю, связывавшему их с Византией. Хан Аспарух с ордой, не пожелав покориться хазарам, ушел на Дунай. Мы уже писали, что в первое время, кочуя по Добрудже и левому берегу Дуная, в землях, уже до них частично занятых оседлым земледельческим населением (в основном славянами), болгары вели хозяйство по первой форме кочевания, а общественный строй их был при Аспарухе весьма близок к военной демократии. Аспаруховы болгары не принесли с собой ни культурных традиций, ни хозяйственных навыков для создания своей оригинальной культуры. Это был просто хорошо отрегулированный военный механизм, возглавляемый сильным и талантливым ханом. Поэтому преемникам Аспаруха удалось сохранить политическое первенство в формирующемся объединении кочевников-болгар и славян-земледельцев. Слияние двух хозяйственных укладов привело к тому, что болгары также начали оседать на зимниках. Только в VIII в. появились наконец условия для создания стационарных кладбищ (могильников VII в., оставленных болгарями, в Болгарии нет) [\[91\]](#). Судя по тому, что нередко могильники славян и болгар были общими, слияние этих двух этносов в одну этническую общность протекало очень стремительно. Поэтому нам представляется, что уже во второй половине VIII в. мы не можем говорить о праболгарах, как об отдельно существующем и кочующем по Подунавью этносе. Новая болгарская этническая общность начала создавать новую оригинальную культуру. Наиболее ярким материальным ее выражением явилось создание общей столицы, выстроенной по образу и подобию кочевой ставки Аттилы, но названной уже по-славянски — Плиска.

Правящим родом оставался род Дуло, и некоторое время официальным языком был, естественно, тюркский. Однако уже к IX в. языком этого основанного кочевниками государственного объединения стал славянский. Полукочевое объединение государственного типа превратилось в славянское государство, в экономике и культуре которого кочевнические тюркские элементы в конце IX в. почти не прослеживаются.

Знатный тюркский род Ангина возглавил, как уже говорилось, хазарское объединение орд, кочевавших в прикаспийских степях. До хазар объединение этих же этносов и орд возглавляло другое гуннское племя — савиры (по источникам оно именовалось тогда «Гуннское царство»). Появление хазар на исторической арене совпало уже с концом второй стадии кочевания и даже

с началом третьей.

Новый каганат включал в себя самые различные этнические группировки и племена, находившиеся на разных ступенях экономического и культурного развития. Кочевники, находившиеся на второй стадии, соединились в нем с местным оседлым населением, продолжавшим обитать на обжитых столетиями местах, нередко укрепленных стенами. Очень рано появились там поселения городского типа.

Рядом с городами возникали обширные и разнокультурные (разноэтнические?) могильники^[92]. Однако основная масса населения, судя по материалам могильников, состояла из близкородственных остатков гуннских орд: са-вир, болгар, хазар и др^[93]. Язык у них, естественно, был один — тюркский.

Своеобразие Хазарского каганата заключается в том, что сами хазары, несмотря на активное оседание других входивших в каганат этнических групп, постоянно оставались на второй, а некоторые орды даже, возможно, на первой стадиях кочевания^[94]. Это как будто подтверждается почти полным отсутствием собственно хазарских могильников. Пока мы с некоторой долей вероятности можем связывать с хазарами только один могильник — большое курганное поле у Чир-юрта (у одной из предполагаемых столиц — Беленджера)^[95]. Видимо, только столица объединения могла служить «зимовищем» хазарам, как позднее служила хазарской знати и самому кагану столица развитого периода каганата город Итиль. Интересно, что укрепления Итиля, как в гуннской ставке Аттилы и болгарской Плиске, были концентрическими (в центре стоял дворец хапа), причем планировка Итиля, по данным кагана Иосифа, была в «форме круга». Эта древнейшая планировка по кругу — «куренем»^[96] — характерна именно для второй стадии кочевания.

Каган Иосиф специально подчеркивал, что Итиль — это «местопребывание во дни зимы»^[97] для него, для его князей, свиты, рабов, т. е. для его личного «аила». Весной все они отправлялись кочевать. Это происходило в середине X в., в то время, когда Хазарский каганат был уже более полутора столетий полуоседлым государством. Склонность хазар к кочевой жизни нашла отражение даже в их самоназвании: по мнению ряда ученых слово «хазар» — производное от тюркского корня «каз» — кочевать^[98]. Впрочем, мы уже знаем, что и болгары, образовавшие и даже возглавившие Дунайскую Болгарию, долгое время оставались на начальном этапе второй стадии кочевания. Возможно, в обоих случаях большую роль сыграло то обстоятельство, что оба этноса попали в оседло-земледельческую среду и все, что нужно было для развития их экономики, они получали, не переходя к земледелию сами, от своих «сограждан»-земледельцев.

Совсем другую картину — постепенного перехода от одной формы кочевания к другой — мы наблюдаем у болгар, оставшихся на территории приазовских степей после ухода оттуда Аспаруха и подчинения его брата Бат-бая хазарскому кагану. Поскольку письменных источников, по которым можно было бы проследить эти процессы, нет, все наши наблюдения и выводы основываются на археологических материалах^[99]. Кратко суммируем их. Прежде всего, толчок, который получили орды Батбая от хазар, сплотил их в единую этническую общность и заставил ряд орд начать откочевку на запад — в Крым и на север — в донские степи. Расселяясь, болгары делили новые земли между родами (курениями), аилами-кошами.

Археологические разведки открыли в бассейне Север-ского Донца и Дона несколько сот больших (до 1—1,5 км длиной) и малых (200—300 м) стойбищ — остатков поселений почти без культурного слоя. На них обитало население, находившееся на второй стадии кочевания (раннего или позднего этапов). Тотальные разведки и стационарные раскопки нескольких поселений такого типа, проводившиеся К. И. Красильниковым в районе среднего течения

Северского Донца, дали интереснейшую картину освоения этого участка степи болгарскими в VIII в. В первой половине VIII в. они равномерно расселялись по всем левым притокам Северского Донца — Айдару, Деркулу, Жеребцу, Красной. Зимники их обыкновенно ставились в широких поймах этих полноводных степных рек. Следующей ступенью в процессе освоения степи можно считать перенесение стойбищ из поймы на первую надпойменную террасу. Объясняется это тем, что из зимников, находившихся в поймах, все население в самом начале весны, еще до разливов рек, уходило в кочевку, а надпойменные стойбища функционировали уже и в летнее время — на них оставалась какая-то часть населения (старики, и в основном — неимущие). Планировка этих поселков, как правило, была «по кругу». Юртообразные жилища нередко уже довольно сильно углублялись в землю, а следовательно, были явно стационарными^[100].

Далее, при переходе на третью стадию поселения перемещаются еще выше — на вторую и третью террасы, меняется и их планировка, и типы жилищ, на чем мы еще остановимся в следующей главе. Здесь же важно отметить, что некоторое своеобразие имело и само расселение кочевников на осваиваемой территории: они селились по всей длине рек — одинаково в верховьях и низовьях. Переход к третьей стадии знаменовался резким сокращением территории активного заселения — оседлые поселки сосредоточивались только в низовьях рек, в верховьях же находились, видимо, летние выгоны, которые археологически пока не улавливаются.

Освоение новых земель и последующее частичное оседание на землю сопровождалось появлением в поселках зачатков ремесленных производств, а это значит — началом сложения собственной культуры. Интересно, что на болгарских стойбищах первой надпойменной террасы мы находим уже характерные для болгар кухонные серые горшки, сделанные из глины с примесью речного или морского песка на гончарном круге и покрытые сплошь линейным или линейно-волнистым орнаментом. Очевидно, изготавливались они на месте. Следовательно, на стойбищах были уже небольшие (местного значения) гончарные мастерские. В то же время устойчивая орнаментация свидетельствует о каких-то сформировавшихся эстетических вкусах.

Керамика второй группы — парадная лощеная посуда встречается на стойбищах в значительно меньшем количестве. Объясняется это просто — посуда эта лучшего качества, разбить ее не так легко, к тому же ее по возможности берегли, так как она была сравнительно дорогая. Обломки сосудов этой группы керамики попадают даже на стойбищах, расположенных в поймах. Очевидно, в первое время эту посуду вывозили из тех центров, где ее производство было давно освоено. Такие центры находились в тот период на Северном Кавказе — в собственно Хазарии, у алан Центрального и Западного Предкавказья. Качество ее, крепость стенок позволяют предполагать как длительные сроки пользования, так и долгие и длинные перевозки. Видимо, только на третьей стадии развития производство ее было освоено и в донских степях.

Третья группа керамики — тарная в течение всего периода второй стадии кочевания была экспортной. Это характерные византийские и крымские амфоры, привозимые кочевниками в степи вместе с содержимым — виноградным вином. Производство их было освоено, когда эти сосуды стали необходимы населению нижнего Дона — на третьей стадии (оседлое население, занявшееся вино-градорством, нуждалось в сосудах для вина)^[101].

Весьма существенной группой керамики являлась также лепная посуда — яйцевидные или слегка приземистые горшки. Они были основной кухонной посудой на пойменных стойбищах, большое количество их попадает и на надпойменных поселениях, в том числе и третьей стадии развития кочевничества. Естественно, что чем большее распространение получала гончарная посуда, тем меньше на поселениях использовались лепные горшки. Изготавливались лепные горшки непосредственно женщинами-хозяйками для собственного потребления.

Чрезвычайно интересен тот факт, что горшки таких пропорций (округло-бокие, яйцевидные), сделанные из рыхловатого теста с примесью растительных остатков (травы?) и нередко заглаженные пучком травы, встречаются на всей территории евразийских степей в гуннских, сарматских, средневековых памятниках. Различия их очень незначительны: в основном они заключаются в наличии или отсутствии орнаментации па венчиках и тулове сосудов. Это несомненно свидетельствует об известной преемственности, о единых, очень глубоких общих культурных и даже духовных традициях, которые сохранились и находили материальное воплощение в этом массовом и общеупотребительном материале, который был в руках самой консервативной части общества — женщин, носительниц древнейших верований и традиций. Характерно, что пропорции именно этой группы посуды легли в основу круговых кухонных горшков^[102].

Наконец, на надпойменных поселениях вслед за изготовлением гончарных горшков мастерицы и мастера стали делать так называемые котлы с внутренними ушками. Это по существу обычные горшки, иногда более низкие и еще реже — с круглым дном. На венчике или шейке с внутренней стороны примазывались довольно массивные выступы с двумя отверстиями (очковидные). Сквозь отверстия продевался ремень для подвешивания такого сосуда над пламенем очага. Этот тип посуды у кочевников появлялся на стойбищах, как правило там, где намечались тенденции к оседанию. На поселениях тех этнических групп, где еще не был освоен гончарный круг, их делали подобными лепным горшкам, а на болгарских — гончарным, с линейным орнаментом по всему тулову^[103]. Кочевники готовили пищу па кострах или открытых очагах, и поэтому подвешивающиеся сосуды-котлы были им абсолютно необходимы. Обычно они были металлические (бронзовые или железные, литые, кованные, клепанные из нескольких листов). Подвешивались они на крупнозвеньевых цепях^[104]. Видимо, это были довольно дорогие сосуды, недаром они не только играли практическую роль в быту, но и были символами единства аила, рода и пр. Оставшиеся на поселениях бедняки вряд ли могли пользоваться этой дорогостоящей посудой. Поэтому и был изобретен для нее глиняный дешевый «заменитель». До тех пор, пока в жилищах преобладающим типом отопительного устройства оставался открытый очаг, такие котлы были, вероятно, необходимой принадлежностью каждой семьи. Возможно даже, что и они, подобно металлическим, в бедняцкой семье служили наряду с очагом символом единения семьи или символом «главенства» — пользовались ими только главы семей. Последнее предположение подтверждается как будто тем, что на поселениях котлов с внутренними ушками немного, хотя очаги были в каждой юрте, в каждой полуземлянке.

Так складывался характерный для болгар Хазарского каганата керамический комплекс. Мы специально подробно остановились на этом частном вопросе для того, чтобы на конкретном примере, на массовом материале продемонстрировать начало формирования культуры внутри кочевой этнической общности. Отчетливо выявляется при этом синкретичность новой культуры: древние традиции (формы горшков) переплетаются с заимствованиями в первую очередь от непосредственных соседей. Сначала кочевники привозили в степи обмененные или захваченные сосуды (лощенные, амфоры), затем осваивали гончарный круг и новый ассортимент сосудов. Характерная для римской и византийской посуды орнаментация — линейный узор — была принесена в степь вместе с гончарным кругом, на котором особенно легко было наносить на сосуд линейный орнамент. Параллельно с освоением круга и производства рождались и необходимые только для кочевников новые формы керамики (котлы).

Логично предположить, что те же явления, выявляющиеся с большей или меньшей четкостью, можно проследить и на других категориях вещей и в других общностях, на других территориях. Нам представляется, что таков был общий ход сложения культуры оседающих

кочевников в целом.

Наиболее выразительным и освещенным письменными и археологическими источниками примером перерастания первой формы кочевания во вторую представляют собой в восточноевропейских степях половцы^[105].

Мы уже говорили, что пришедшие в южнорусские степи половцы в первые пятьдесят лет, как и печенеги, вели таборное кочевание. Однако печенеги так и не смогли, очевидно, перейти на вторую стадию кочевания или во всяком случае находились в начале первого этапа этой стадии, почти неразличимого по источникам от таборной стадии. Половцы прошли полностью через оба периода, как через полукочевой, так и через полуоседлый.

Переход ко второй стадии знаменуется ограничением территорий кочевания и четким определением границ кочевок. Этот процесс у половцев, как уже говорилось в первой главе, начался довольно быстро после завоевания южнорусской степи — примерно в конце XI в. Это выявляется прежде всего благодаря данным русских летописей. На протяжении всего XI в. русские князья ни разу не смогли ударить по кочевникам в степи — на их территории. Разгром печенегов и торков произошел благодаря тому, что сами кочевники подступили (подкочевали) к границам Руси, к русским городам для войны и были там уничтожены. Половцы же первое время вообще отказывались от столкновений с Русью, и в 1055 г. хан Блуш постарался даже заключить мир с русскими князьями. Однако уже через два года быстро набиравшие силы половцы нарушили мир и началась, как писал летописец, «от половец... рать беспрестани». В основе отношений половцев с Русью в XI в. лежали постоянные и ожесточенные военные действия, заключавшиеся в ежегодных набегах на русские земли, грабежах, угоне пленных. Летопись пестрит описаниями результатов этих набегов. Под 1092 г. летописец говорит: «рать велика бяше от половец отовсюду», а в следующем году он рассказывает о взятии Тор-ческа на Роси: «половце же, приемыне град, запалиша огнем, и людие разделиша и ведоша я оу веже к сердо-болям своим и сродникам своим»^[106]. В этом сообщении существенно то, что после взятия и разрушения города половцы вовсе не оставались на захваченной земле, а, забрав полон, уходили в свои степи. Так поступали они всегда, даже в случае больших удач, когда доходили до Киева (1096 г.) и Переславля (1096, 1107, 1110, 1167, 1179, 1185 гг.).

Несмотря на несомненную силу молодого русского государства, русские не отвечали им тем же, хотя и успешно в целом отбивались от набегов и сохраняли прежние южную и юго-восточную границы. Объясняется это только тем, что подвижные степняки были неуловимы — вежи на колесах отходили в глубь степей, стада отгонялись при первых тревожных сообщениях о намерениях русских выйти в поход.

Первые походы в степь были организованы только в начале XII в. Очевидно, к этому времени степь была уже поделена на отдельные кочевья, а вежи с колес перебазировались на землю — появились более или менее постоянные зимники и летники, постоянные кочевые маршруты. Получившие относительную оседлость половцы стали наконец уязвимыми для своих грозных соседей.

О хронологической последовательности полного освоения степи, появления второй формы кочевания у половцев свидетельствует последовательность распространения в степях каменных половецких статуй^[107]. Статуи ставились половцами в небольших святилищах, посвященных предкам. Обычно в каждом святилище ставилось по две статуи (мужчины и женщины)^[108] — это были святилища небольших подразделений: богатых аилов. Известны были в степях и крупные коллективные святилища, в которых стояло около двух десятков статуй. Вероятно, такие святилища играли роль общеродовых, а возможно, общекуренных сооружений. Еще до XVII в. все степи были усеяны каменными половецкими статуями, в настоящее время их осталось не более полутора тысяч в музеях и селах Украины и Ростовской области. Однако и это

сравнительно небольшое количество позволило нам классифицировать их, установить относительную хронологию отдельных типов и затем картировать эти типы в степях. В результате мы получили полную картину расселения половцев в южнорусских степях, поскольку ясно, что святилища предков, как и курганные могильники, могли возникать только в тех землях, которые были полностью освоены половцами, вблизи от их постоянных зимовищ, на путях ежегодных перекочевок [\[109\]](#).

Самые ранние статуи, имеющие аналогии со статуями кипчаков X—XI вв., локализуются в бассейне среднего и нижнего течения Северского Донца и в Приазовье. Там в первую очередь и начали половцы переходить ко второму способу кочевания, туда и направили свои первые удары русские князья, руководимые умным и энергичным Владимиром Мономахом. Правда, в 1103 г. (первый большой поход) князья ударили по половцам, находившимся немного западнее распространения ранних типов статуй — в Лукоморье (на р. Молочной). Случилось это в апреле. Видимо, половцы подкочевали к берегу моря для весеннего лова рыбы и были предельно ослаблены и малоподвижны после тяжелой зимы (скот только начал выгуливаться и плодиться). Владимир с князьями, очевидно, прекрасно учитывали недееспособность половцев в тот период. Интересно, что невозможность принять сражение и в то же время невозможность отступления обсуждались с самими половцами, о чем сохранился рассказ в русской летописи. Старый и опытный хан Урусоба говорил: «просим мира в Руси, яко крепко ся имуть бити с нами», а «уныние» — молодые аристократы, привыкшие к легким победам и грабежам на русском пограничьи, отвечали ему: «аще ся ти боиши Руси, но мы ся не боим, сих бо избивше...» [\[110\]](#) Однако все в битву с русскими не ринулись, а послали вперед славящегося мужеством хапа Алтунопу. Только после полного уничтожения передового отряда половцы всеми силами «аки борове» двинулись на русских и были впервые разгромлены на собственной земле: «дремахи сами и конем их не бяше спеха у ногех», — заключает их характеристику летописец. Вежи были захвачены — «взяша бо тогда скоты и овце, и коне, и вель-блуды, и веже с добытком и челядью» [\[111\]](#). Последняя цитированная фраза интересна тем, что дает нам полное представление о составе половецкого стада, в которое входили все виды домашнего скота и, что самое важное, «скоты», т. е. крупный рогатый скот. Этот факт также свидетельствует о перестройке половецкой экономики на вторую стадию.

Все остальные походы, зафиксированные летописью, целенаправленно били по наиболее экономически развитому району Половецкой земли — по бассейну Северского Донца, или, как называет его летописец, Дона [\[112\]](#). В декабре 1109 г. там было взято воеводой Владимира Мономаха 1000 веж, в марте 1111 г. — огромный полон в два половецких города — Шарукань и Сугров. В 1116 г. два молодых русских княжича снова взяли оба эти города и еще один — Балин [\[113\]](#). Названия двух первых городков даны по именам крупнейших ханов — Шарукан и Сугр, которые были хорошо известны русскому летописцу (запись 1107 г.). Видимо, в этих городах находились зимние ставки обоих ханов. Что касается Балина, то не исключено, что это название происходит от тюркского слова «Ба-лиқ», означающего «город» [\[114\]](#). Возможно, что это была «безымянная» или коллективная зимняя ставка половцев. В рассказе о взятии этих городов весьма существенным и интересным является то обстоятельство, что в 1111 г. жители Шаруканя вышли встречать русских воинов с хоругвями, рыбой и вином, так как сдались им без боя и приветствовали как друзей и единоверцев, а в 1116 г. летописец отмечал, что из этих городков или во всяком случае «с Дона» один из княжичей — сын Владимира «при-веде себе жену, красну вельми, яьскаго князя дщерь» [\[115\]](#). Очевидно, в этих «городах» жили вместе с половцами остатки разоренного и почти полностью уничтоженного еще печенегами аланского (яьсского) населения Хазарского каганата [\[116\]](#). Сначала они дружески встретились с русскими, а

потом постарались породниться с ними.

Таким образом, у половцев на Северском Донце в самом начале XII в. уже были «городки», возникшие при активном участии земледельческого аланского населения и служившие становищами для половецких ханов. Именно в таких становищах население начинало осваивать ремесла. В частности, аланы вновь вспомнили навыки отливки и шлифовки бронзовых зеркал, широко распространившихся в степях (после хазарского времени) только в XII в. [\[117\]](#) Точно такое же «ремесленно-земледельческое» полуоседлое становище было основано половцами на развалинах взятой ими в 1117 г. Белой Вежи (Саркела) на Дону. Это зимовище состояло из небольших глинобитных, беспорядочно поставленных домиков [\[118\]](#).

Распространение каменных статуй по степям, т. е. дальнейшее освоение половцами степи, началось уже после разгрома их Владимиром Мономахом.

Судя по данным картографирования каменных статуй, половцы заняли сравнительно небольшую, богатую разнообразными угодьями территорию, ограниченную с запада р. Ингульцом, с севера — границей Руси, с юга — морем, а с востока — междуречьем Северского Доица и Дона [\[119\]](#). Далее на восток — у Волги их почти не было, зато на юго-востоке они занимали все предкавказские, калмыцкие и маньчские степи. Кроме того, Крым также находился во владении одной из половецких орд. Вне очерченной территории (на Волге и среднем Дону, в степях между

Ингульцом и Прутом) кочевало большое количество оставшихся здесь печенегов и торков-гузов. Были отдельные их орды и на собственно половецких землях. Однако благодаря каменным статуям мы знаем, что половцы в XII и XIII вв. владели уже вполне определенным районом степи.

Очевидно, у них появилась «своя земля», т. е. вполне закончился процесс, именуемый нами «периодом обретения родины».

Эта территория была разделена на более или менее крупные наделы, по которым кочевали различные по социальной значимости подразделения половцев (сначала курени, затем айлы-коши разной величины и экономической мощности). Эти подразделения объединялись в орды, возглавляемые наиболее богатыми аристократами — ханами. Орды в свою очередь объединялись в еще более крупные подразделения — союзы орд. Во главе их стояли великие ханы («великие князья», как называет их летописец). Сопоставление данных, полученных в результате обработки каменных статуй, с данными русских летописей позволяет восстановить картину возникновения, развития и географического размещения всех этих союзов [\[120\]](#). В конце XI — начале XII в. выделяются два союза: Приднепровский и Донской (Донецкий). К середине XII в. возникают Лукоморский, Приазовский, Иижиедонской, Предкавказский и Крымский, а в конце XII — начале XIII в. союзы укрупняются — Лукоморский объединяется с Днепровским, а Донской — с Приазовским. Постепенно на границах Руси вырастали два крупных государственных объединения, которые несомненно в будущем должны были слиться в единое государство. Данные для такого предположения у нас есть: в конце XII в. хан Кончак, управлявший Донским объединением, нередко возглавлял и отдельные, наиболее крупные акции днепровских половцев против Руси, а в начале XIII в. его сын Юрий Кончакович был назван летописцем «большой всих половець» [\[121\]](#). Русские политики прекрасно понимали, какая опасность вырастает у их южных и юго-восточных границ, все организованные русскими князьями удары по половцам были направлены на эти два объединения. Несомненно, русские походы сильно подрывали экономику половцев, мешали установлению единства, задерживая тем самым развитие государств. В 20-х годах XIII в. половцы были разгромлены татаро-монголами и вошли в Золотую

Орду, превратившись в податное население этого нового государства^[122].

Что представляли собой союзы орд этнически? Несомненно, что они были полиэтничны, как и любые другие кочевнические сообщества такого типа. Помимо самих половцев-кипчаков, которых было в целом не так уж много, в союзы входили остатки самого различного степного и лесостепного населения, обитавшего на данной территории до прихода сюда кипчаков. Это были аланы и болгары, сохранившиеся в глухих уголках лесостепи, печенеги и торки, полностью подчинившиеся кипчакам. Как археологические, так и летописные материалы подтверждают это многообразие и разноликость половецких союзов. Характерно, что кипчаки, имевшие, видимо, ярко выраженный южносибирский антропологический тип, очень быстро утратили его, растворившись в инородной массе южнорусских степей^[123].

Это же явление распространилось и на некоторые важные этнографические черты кипчаков, в частности на погребальную обрядность. Свойственный им обряд захоронения с конем, головой на восток, под каменной насыпью, сильно изменился и слился с обрядами остальных этнических групп, живших в степях синхронно с половцами и до них. В результате в большинстве погребений можно уловить черты, свойственные каждой из этнических группировок: печенегам, торкам (гузам), самим половцам, а некоторые из погребений несут черты, характерные еще для болгар, алан и даже сарматов^[124]. Сохранился почти нетронутым только один древний кипчакский обычай — установка статуй и святилищ в память об умерших.

Таким образом, здесь произошел тот же процесс, что и всюду при формировании этнической общности. Кипчаки были только организующей политической основой новой общности. Они дали ей этническое имя, которое не было связано с первоначальным названием пришедших сюда в первой половине XI в. орд. Новое объединение получило тюркское название «куманы», в переводе на славянский язык — «половцы», что означало «светло-желтые»^[125]. По-видимому, разница между кипчаками и куманами-половцами была так велика, что переложение старого наименования на совершенно иную общность было невозможно для современников.

Следует сказать, что в степях такое явление — получение нового имени для нового объединения — не редкость. Так, акациры, возглавившие объединение, начали называться хазарами — кочевниками, а все подвластные народы — скрылись под общей шапкой — Хазарский каганат. То же можно проследить и на примере формирования общностей в сибирских и среднеазиатских степях, что и будет сделано ниже. Вошедшие в каганат народы отнюдь не теряли своих собственных наименований (болгары, савиры, аланы и пр.). Так случилось и с половецкой общностью — включенные в нее печенеги и торки кочевали по половецкой земле отдельными равноправными ордами, помнящими свое происхождение и родство и даже сохраняющими кое-какие собственные обычаи. Как мы видели, аланы на Северском Донце тоже отделялись от половцев, и, судя по летописи, у них была даже своя религия — христианство. Тем не менее территория, занятая ими называлась Половецкой землей, а восточные авторы, хорошо знавшие кипчаков и факт их ухода на запад, именовали всю громадную европейскую степь «Дешт-и-Кипчак».

Единство половецкой этнической общности определялось прежде всего общим языком. Известно, что древне-болгарский (и хазарский), печенежский и половецкий языки относились к одной или близким группам тюркского языка^[126]. Кроме того, в половецком обществе стали вырабатываться единые культурные традиции: погребальная обрядность, религиозные представления, общие эпические сказания и песни^[127]. Несомненно, нивелировалась и материальная культура, создававшаяся в половецкой степи. Установилась единая мода в уборе коня и всадника, единство женских украшений и костюма. Впрочем, следует отметить, что в

различных половецких союзах возникали характерные именно для данного союза «этнографические особенности», что нам удалось уловить благодаря анализу деталей костюма каменных статуй, происходящих из разных участков степи^[128].

В степи происходили те же явления формирования культуры, что и в древнерусском государстве: в X— XI вв. каждое славянское «племя» характеризовалось рядом этнографических черт^[129]. В XII в. на Руси различия почти исчезли, только у вятичей вплоть до XIV в. сохранялся оригинальный набор женских украшений^[130]. Пожалуй, и у половцев к XIII в. различия в костюмах статуй разных районов почти не прослеживаются. Это и понятно, так как к этому времени крупные половецкие объединения начали сливаться в еще более крупные и сильные государственные образования.

Итак, оставшиеся в степях после многочисленных погромов печенеги и гузы (торки) вошли в половецкую этническую общность. Однако часть из них, пытаясь сохранить этническое лицо, подкочевала к самым границам Руси — на р. Рось и пошла на службу к русским (киевским) князьям, образовав прекрасный военный заслон от половцев. Земли Поросья были отданы им под пастбища. Территория была небольшой, каждая орда имела собственный надел. Многочисленные могильники, раскопанные в Поросье в конце XIX — начале XX в. Н. Е. Бранден-бургом^[131], являются свидетельствами полного освоения этого участка степи кочевниками. Картографирование могильников с различной обрядностью позволило, как нам представляется, наметить участки, занятые ордами, принадлежавшими печенегам и торкам^[132]. Помимо них, в качестве вассалов Руси в летописях упоминаются берендеи. Род баяндур (берендеи в русском произношении) известен и у кипчаков, и у гузов. Очевидно, баяндыры входили в гузский союз, а после разгрома торков обособились от них и в большом количестве перешли на службу к русскому князю. Их было даже больше, чем торков и печенегов вместе взятых. Во всяком случае упоминаются они чаще, а значит политически были много активнее. К середине XII в. все эти вассальные орды объединились в единый союз Черных Клобуков^[133]. Интересно, что новый союз, как и половцы, взял имя не самой влиятельной орды, а совершенно новое наименование — каракалпаки (по-русски — Черные Клобуки). При этом каждая из входящих в союз орд имела и собственное название. Так, в записи под 1169 г. говорится: «придоша ему (Мстиславу.— С. П.) берендичи вси и торци, и печенези, и вьсь Черный Клобук»^[134]. Помимо них, в союз входило еще несколько мелких орд, названия которых попадают в летописи по два-три раза. Это коуи, каепичи, турпеи, ба-стии. Последние первоначально назывались Бастеева чадь, т. е. были просто аилом (кошем) Бастия. Через 15 лет чадь разрослась в орду и имя Бастия стало самоназванием этой орды. Так на глазах летописца сформировалось кочевническое объединение. Очевидно, с того же начиналось формирование всех степных объединений^[135].

К концу XII в. в Поросье сложилась вполне определенная этническая и политическая общность Черных Клобуков. Ее культура отличалась от половецкой чертами, свидетельствующими о сильном влиянии Руси. Интересно, что в Поросье нередко попадаются христианские погребения кочевников (в случаях отсутствия вещей в могиле определения этнической принадлежности производились по антропологическому материалу). Очевидно, к Черным Клобукам не только проникали вещи, не только приходили из Руси ремесленники, снабжавшие кочевников предметами, мало распространенными до них в степи, например керамической посудой, но постепенно усваивалось и мировоззрение русского населения.

Другим фактором, влиявшим на складывающуюся чер-ноклобуцкую культуру, была, естественно, половецкая культура, формировавшаяся с нею почти синхронно. Особенно сильно влияние сказалось на сложении своеобразного, отличного от русского женского костюма. Моды

половчанок широко проникали в Поросье, где женщины, как и в половецких становищах, носили серьги с дутыми биконическими бусинами, высокие «шляпы» и «рога» на висках, сделанные из серебряных полуколец, нашитых на войлок, пользовались зеркалами, совершенно неизвестными русским женщинам, и некоторыми другими предметами, характеризовавшими половецкий костюм и быт^[136]. Существенным для нас является то обстоятельство, что культура Черных Клобуков, так же как и других кочевников, проходящих вторую стадию кочевания, была явно синкретичной.

Недостаток пастбищ привел орды Черных Клобуков к стремительному оседанию. Они оседали и в русских кре-постицах, тянувшихся по Роси, и основывали собственные «города». Самым крупным был г. Торческ — своеобразная столица Поросья. Внешне Торческ мало отличался от обычного становища, но был, видимо, укреплен^[137]. Собственные городки были у каждой орды. В записи 1177 г. упомянуто «6 городов берендич», взятых и разрушенных половцами. Несмотря на оседание, на наличие более или менее стационарных становищ, Черные Клобуки не перешли на третью стадию кочевания. Для этого не было прежде всего экономической необходимости — все нужное для пополнения средств существования они получали не от развития собственного хозяйства, а от грабежей, поскольку они были постоянным военным резервом киевского князя, участвовавшим в его войнах как против других русских князей, так и против половцев. Таким образом, историческая обстановка была по существу основным фактором, определявшим экономическое, а следовательно, и социальное развитие Черных Клобуков.

Мы специально остановились на характеристике этого небольшого степного объединения, поскольку сложение и развитие этого союза протекало в рамках второй стадии кочевания по тем же законам, которым подчинялись и многие другие кочевнические сообщества, не перешедшие по тем или иным причинам к третьей (полуоседлоземле-дельческой) стадии кочевания.

Мы рассмотрели несколько этнических общностей, начавших формироваться в эпоху раннего и развитого средневековья в европейских степях. Обратимся к анализу тех особенностей некоторых среднеазиатских и сибирских объединений, которые позволяют думать, что и там ведущей формой хозяйства было кочевое скотоводство второй стадии развития.

Вот как характеризует хроника Шицзи хунпов конца III в. до н. э.: «Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ па другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия; но у каждого есть отдельный участок земли. Письма нет, а законы словесно объясняются... Могущие владеть луком все поступают в латную конницу. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотой и тем пропитываются, а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить пабеги. Таковы суть врожденные их свойства»^[138]. Итак, у хунну в III в. было уже развитое скотоводческое хозяйство и, что самое важное, деление земли на родовые участки. Все они воины, но массовых нашествий с целью захвата пастбищ уже не фиксируется. Хунну того времени способны только на частные набеги на соседей — кочевых и оседлых, для грабежа и обогащения. Это положение начало изменяться после прихода к власти шаньюя Модэ, однако об этом мы поговорим в следующей главе данной книги.

Другим кочевым народом, синхронным и подчиненным хунну, были ухуаньцы, особенно усилившиеся в I в. до н. э. В хронике Хоуханьну дана общая их характеристика, весьма близкая

той, которую мы цитировали о хунну III в. до н. э. Однако в ней представлены некоторые подробности, конкретизирующие хозяйство и социальные отношения ухуаньцев. Представляет интерес сообщение о том, что ухуаньцы жили на «стойбищах», видимо более или менее постоянных, несмотря на перекочевки «по достатку в траве и воде». Кроме того, поскольку почва у них «хороша для посева неклеякого проса и дун-цян, они разводят [сеют] эти растения, а мужчины делают оружие и узду для копей, а также плавят золото и железо». Все они подчиняются власти «старейшин» — глав родов, в которые входят от ста до тысячи юрт. Старейшинами ставят наиболее способных и сильных руководителей, и память умерших старейшин, прославившихся в битвах, чтут наряду с поклонением небу, земле, солнцу и пр.

Ухуаньцы подчинялись хунну и вместе с ними совершали набеги на соседние страны и области^[139]. Характерно, что имя свое этот народ получил от гор, возле которых кочевал, а роды их, как указывается в хронике, получали название по имени старейшины. Очевидно, здесь протекали те же процессы, которые прослеживаются в европейских степях — род получает имя от своего главы, а затем, если род усиливается, он может дать имя и всему союзу родов (общине или орде) и даже союзу орд. Цивилизованные народы часто давали названия своим более варварским соседям по случайным признакам — по протекающей в той земле реке, по горам, даже по фасону платья или прически. Видимо, это не было самоназванием образующейся общности, однако кочевники нередко принимали имя, которое сначала существовало как условное, а затем могло быть принято вновь образованной общностью в качестве общего наименования (как, например, Черные Клобуки у границ Руси).

Так же получило имя и другое крупное этническое образование, выросшее на окраине империи Хунну, — сяньбийцы — по горам Сяньби-Шань. Дошедшие до нас источники свидетельствуют только, что по образу жизни сяньбийцы весьма напоминали ухуаньцев, однако этого недостаточно для того, чтобы говорить о господстве у них второй стадии кочевания, поскольку китайские летописцы не всегда отмечали такие подробности кочевнической экономики, как постоянные зимовища или наличие развитого многопородного стада у того или иного народа. Склонность же сяньбийцев к захвату пастбищ я нашествиям свидетельствует как будто о преобладании у них первой стадии кочевания — таборной.

В самом конце IV в. на историческую арену вышло новое кочевое объединение, названное в хрониках Бейши и Вейшу жуань-жуанями. Вейшу повествует также о Хойху, или Гаогюе. Однако по источникам невозможно в настоящее время говорить о том, какая форма кочевания была преобладающей в обоих этих объединениях. Можно предполагать, что она была второй (полукочевой), потому что союзы жуань-жуаней и гаогюйцев были уже «объединениями государственного типа», возглавленными ханами. Титул «хан» летописец переводил словом «император», следовательно, оба объединения мы можем считать «империями», аналогичными позднеполовецкому объединению Кончакидов. Это были этнические общности, состоявшие из разных по происхождению родов и орд, сплоченных властью более или менее удачливых ханов. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что экономика кочевников находилась тогда на второй стадии кочевания. Наконец, на это же косвенно указывает и вполне определенная ограниченность территории кочевания орд той и другой общности.

С пятого века появляются в китайских летописях упоминания нового этнического имени — тугю. Как и все остальные общности, тугю-тюрки состояли «из смешения разных родов, кочевавших в Пьхин-лян»^[140]. Возглавил их род Ашина. Родоначальник этого рода вместе со своей небольшой ордой (в 500 семейств) откочевал с китайского пограничья на южную сторону Алтайских гор. Там орда обрела спокойные пастбища, так как место «со всех сторон окружено было неприступными горами». Главное, что дало ей силу и преимущественное положение перед другими объединениями и группами кочевников, состояло в основном занятии тугю — они

освоили выплавку железа. Свое название они получили от формы гор, похожих на шлем (тукюе по-монгольски означает шлем). Имя Ашина также монгольское и значит — волк. Отсюда и возникла легенда о происхождении тугю от волка. Первые десятилетия своего пребывания в горах орда подчинялась власти жуань-жуаньского хана, но уже в середине VI в. тугю стали самостоятельны и начали громить и подчинять все окружающие их непрочные и рыхлые кочевые объединения. Вскоре власть тугю-тюрок распространилась по степи на тысячи километров: от берегов Тихого океана (кидани) до Черного и Каспийского морей (хазары, болгары и пр.) Почти сразу же тюрки разделились на два «крыла»: Восточный и Западный каганаты. Политическая история обоих каганатов написана Л. Н. Гумилевым ^[141], поэтому перечисление всех походов и битв, которые вели тюрки на востоке и западе, не представляет интереса для данной темы. Важно только отметить характер этих походов и роль их в сложении и развитии каганатов. Однако прежде всего рассмотрим те сведения, которые свидетельствуют об экономическом и социальном развитии тюрок периода расцвета каганатов.

Несмотря на освоение плавильного ремесла, несмотря на явное обособление его от остальной экономики, тугю-тюрки в середине VI в. и далее — все 100 лет жизни каганатов — находились на второй стадии кочевания: вначале они вели полукочевой образ жизни, позднее, видимо, полуоседлый, но тем не менее из рамок второй стадии их экономика так и не вышла. Как и гуннов, источники характеризуют их как «классических» кочевников: «живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде, занимаются скотоводством и звериной ловлей, питаются мясом, пьют кумыс... Искусно стреляют из лука с лошади, по природе люты, безжалостливы. Письмен не имеют... Обыкновенно пред полнолунием производят набеги и грабительства... Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли... Хан всегда живет у гор Дугинь. Вход в его ставку с востока, из благоговения к стране солнечного восхождения» ^[142].

Археологами до сих пор не выявлено ни одного поселения или городища, которое можно бы было связать с тугю. Дальше предположений о том, что они могли бы быть, поскольку экономический, социальный и культурный уровень тугю дает основание думать так, знание древнетюркских поселений не продвинулось. В то же время хорошо известны древнетюркские могильники и большое количество каменных статуй и каменных оградок, разбросанных на всей территории, занятой в свое время обоими каганатами ^[143]. Как мы знаем, статуи, т. е. небольшие святилища в память предка, могли ставить только на собственно тюркской земле, а значит появилось уже понятие своей земли — родины. К тому же если в начале возвышения рода Ашипа и образования каганата тугю, судя по приведенной выше цитате, не знали письменности, как и все остальные окружающие их тюрк-кочевые племена, то во времена расцвета обоих каганатов собственно тюркская письменность широко распространилась в сибирских и азиатских степях ^[144]. Об этом есть запись в китайской хронике: «Буквы письма их походят па буквы народа Ху... (тюрок)» ^[145]. Таким образом, развитие в отдельные отрасли ремесленных производств, в частности железоплавильного, единая письменность, единый язык, появление понятия своей земли, строгий государственный порядок в каганатах (разделение на аймаки, абсолютная власть кагана, сборщики податей и пр.) являются доказательством того, что каганаты были уже государствами. Несмотря на то что тюрки время от времени совершали набеги на соседей с целью обогащения той или иной орды или хана, их походы на запад, на государства Средней Азии, войны с Ираном и Византией свидетельствуют уже о большой государственной политике тюркских каганатов, заботящихся о международном престиже своего государства. О том же говорят и ведшиеся каганом переговоры о налаживании великого шелкового пути с востока на запад через земли каганата, что несомненно приносило бы

значительные доходы в казну кагана^[146].

Захват огромных территорий, распространение власти на многие страны и народы, в том числе и среднеазиатских земледельцев, привели к тому, что тюркам не нужно было для гармоничного развития экономики создавать собственную земледельческую базу. Продукты земледелия они получали от подвластного им среднеазиатского оазисного населения (как авары от славян в Аварском каганате). Симбиоз двух хозяйственных систем в этих государствах осуществлялся таким путем. Очевидно, за сравнительно короткий период времени, который существовало Тюркское государство (100 с небольшим лет), собственно тюрки, несмотря на ряд благоприятных для этого обстоятельств, так и не начали оседать на землю, а следовательно, не случайно, что археологи не нашли до сих пор ни одного поселения, оставленного тугю и датирующегося VI—VII вв. Видимо, обогащающие кочевников набеги и длительные походы, а также входящие в каганат среднеазиатские земледельцы были теми причинами, которые мешали развиваться в каганате процессам оседания и освоения земледелия кочевниками тугю.

Таков один из путей, обеспечивающих сохранение второй (полукочевой — полуоседлой) формы кочевания, несмотря на существование развитой экономики и высокой культуры в государстве. Рассмотрим еще несколько примеров сохранения второй стадии кочевания наряду с развитием в государственных объединениях земледелия, гра-до- и домостроительства.

На развалинах Тюркских каганатов и Евразии появилось несколько государств, в частности Кимакский каганат. В него входили крупные племенные союзы. История его образования и краткая социально-экономическая характеристика будут рассмотрены в следующей главе. Здесь же отметим, что самым крупным объединением, помимо давших имя каганату кимаков, были кипчаки. Характерно, что быстрое оседание кимаков, строительство ими городов, принятие письменности и прочее никак не влияло на их соседей, союзников и вассалов — кипчаков, которые продолжали вести полукочевой образ жизни^[147]. Мы попытались выше разобраться причины, по которым половцы сохранили вторую форму кочевания. Одной из самых существенных причин этого было тесное общение половцев с Русью, что обеспечивало их продуктами земледелия, а также занимающиеся в степях земледелием остатки хазарского населения и русские беженцы, оседавшие в половецких степях на протяжении всего XII в. Здесь же в кимако-кипчакском союзе полуоседло-земледельческую базу создавали кимаки, кипчаки же, заняв наименее пригодные для земледелия земли, являвшиеся прекрасными пастбищами для овец и коз, взяли на себя скотоводческое хозяйство этого государственного образования. Наличие постоянных мест кочевания и зимовок у кипчаков подтверждается находками кипчакских могильников, а также каменных изваяний и сооруженных для них небольших святилищ^[148].

Очень четко прослеживаются взаимоотношения земледельческой и кочевой скотоводческой отраслей хозяйства в монгольских государствах (Ордах). Как и тюрки, монголы захватили огромные территории, занятые как кочевыми объединениями, так и большими земледельческими народами. Это привело прежде всего к тому, что в Ордах начали возникать и разрастаться из ханских ставок города. Сначала это были административные центры, но очень скоро они стали в степях средоточием ремесла и торговли, т. е. превратились в типичные средневековые города^[149]. Земледельческой основой государств стала экономика захваченных земледельческих государств. Именно поэтому все земли в Ордах, пригодные для кочевания, были разделены между кочующими объединениями и остались за ними и в последующие века, вплоть до нашего времени. Мы знаем, что ногайцы, казахи и сами монголы до самого последнего времени оставались на второй стадии кочевания.

Объясняется это прежде всего географическими условиями — в данном случае их можно признать решающим фактором в установлении формы кочевнической экономики. Сухие степи

и полупустыни не были пригодны для земледелия, и там возможно было только кочевое скотоводство. Поэтому последнее оставалось у племен, союзов племен, народов, обитавших в степной засушливой зоне, ведущей и единственной формой хозяйства. Это наблюдение распространяется не только на кочевников евразийских степей, но и на все другие народы, кочующие или кочевавшие в сухих степях Передней Азии, Африки или Америки.

Интересно, что у арабов, например, перед образованием халифата и началом завоеваний вторая форма кочевания была господствующей, П. В. Пигулевская подчеркивает, что в V—VI вв. характерным типом их поселений были так называемые хирты — становища. Это не город, это лагерь, который «повторно разбивают в одном и том же месте, это привычная географическая точка» [\[150\]](#).

Около хирт и вокруг известных древних переднеазиатских городов кипела торговая жизнь — кочевники пригоняли к ним скот и меняли на продукты земледелия на ярмарках, которые постоянно функционировали у городских стен. Продукты земледелия кочевники, естественно, стремились получить не только мирным, но и военным путем, совершая набеги на оседлые поселения. Единственное, что они почти никогда не трогали, это идущие через их земли караваны, поскольку от них кочевники всегда получали выгоду — пошлину и продукты обмена. Итак, и в аравийских полупустынях кочевники-арабы путем торговли и частично грабежей осуществляли симбиоз двух хозяйственных систем (кочевой и земледельческой), что и подняло их на гребень истории.

В XI в. в Передней Азии процесс слияния двух систем протекал иначе. Пришедшие туда огузы-сельджуки встали в среднеазиатских степях на «тропу войны», т. е. перешли к таборному кочеванию и начали «нашествие». Придя в Переднюю Азию, они под воздействием завоеванных народов и за неимением мест кочевания сами стали активно оседать, и уже через 100 лет кочевание стало у них привилегией богачей [\[151\]](#).

В Северной Америке индейцы, как и в VI в. арабы, вели кочевание по второй форме, а продукты земледелия добывали путем обмена с земледельческими племенами, а также постоянными грабежами [\[152\]](#). Условий для образования государства в то время уже, естественно, не было. «Бледнолицые братья» стравливали индейцев между собой и в конце концов вместо слияния племен, образования какой-то единой этнической общности, а затем народа или народов индейцы просто начали вымирать целыми родами, племенами, поселениями.

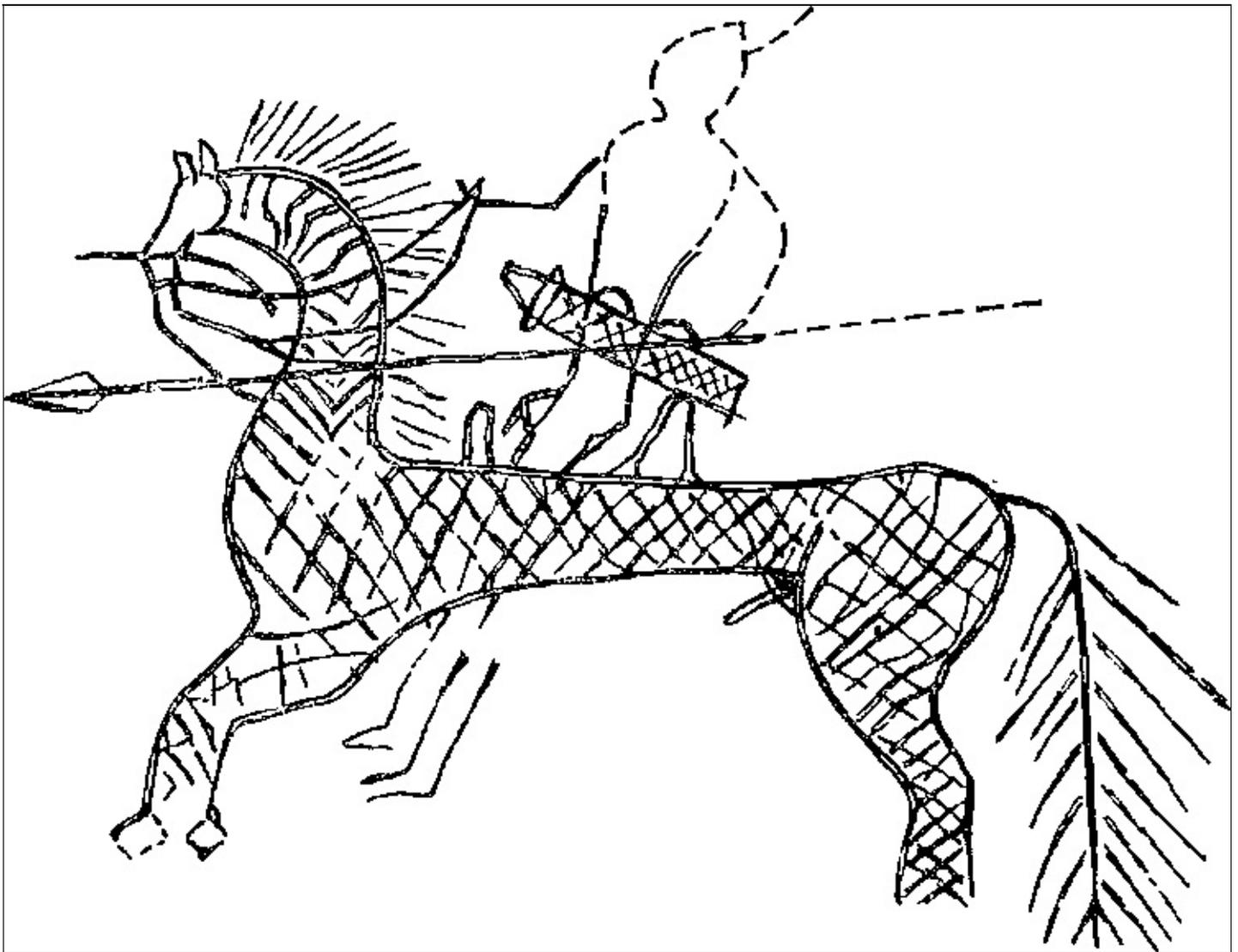
В заключение следует сказать, что на второй стадии кочевания в древности и в эпоху средневековья народность еще не складывалась и не могла сложиться, так как племена и орды были сильно разобщены, находились в постоянном движении. Грабежи и набеги друг на друга и на соседей также не способствовали слиянию орд в единый массив. Тем не менее зачатки формирования народов в виде больших этнических общностей проявляются именно на этой стадии. Во-первых, возникает понятие «родины», своей земли. Во-вторых, распространяется единый язык, а в ряде случаев — единая письменность. В-третьих, слабо соединенному конгломерату различных этносов дается одно (единое) имя. Обычно все эти предпосылки способствуют сложению государственных образований, а те в свою очередь убыстряют процессы формирования народа. Л. Н. Гумилев справедливо указывал в своих работах, посвященных азиатским кочевникам, что нельзя говорить о происхождении народа, имея в виду какое-то определенное племя, правильнее писать о его сложении из выходцев отдельных этнических общностей [\[153\]](#).

В течение всего средневековья все новые и новые этнические общности складывались из распадающихся старых общностей, а новые государственные образования — из разбитых старых государственных объединений и раннеклассовых государств.

Некоторые из этих общностей, связанные общим языком, культурой и политикой, начинали формироваться в более устойчивые образования, которые можно уже считать народами (например, кипчаки, гузы, печенеги, половцы). Однако, как правило, процессы формирования народов протекали уже в классовых обществах, в условиях раннеклассовых и феодальных государств.

Глава третья ТРЕТЬЯ СТАДИЯ КОЧЕВАНИЯ. ОСЕДЛОСТЬ

Третья стадия кочевания по существу уже не является «кочеванием» в полном смысле этого слова. Основная масса населения перешла на этой стадии к оседлости, занялась земледелием и освоила многочисленные ремесла. Ограничение территорий кочевания, определение путей перекочевок и постоянных мест зимовок и летовок привело прежде всего к тенденции оседлости. Мы уже говорили о том, что на зимовках на второй стадии кочевания ежегодно оставалась какая-то часть населения. Сначала это были, видимо, слабосильные старики и больные, т. е. люди, фактически не способные к передвижениям. Затем с изменением внутренней и внешней обстановки в степи эту способность начали утрачивать беднейшие члены кочевнических объединений. Именно они, чтобы не умереть с голоду, начинали распашку соседних с

зимовищами участков степи под бахчи, сады, пашни. Следует отметить, что недавние кочевники, как правило, заимствовали у соседей наиболее совершенные орудия земледельческого труда. Сначала их просто отбирали у земледельцев во время набегов, затем меняли и, наконец, осваивали их изготовление сами. Собственное производство орудий,

оружия, разнообразных предметов быта могло появиться только в обществе с всесторонне развитой экономической базой, а это значит, что и само общество было достаточно развито.

С возникновением оседлых поселений у богачей появилась необходимость отделиться от рядового населения; для этого они ограждали участки земли, занятые их аилами, укреплениями, а сами участки выбирали на видных, хорошо естественно укрепленных местах (речных мысах, отрогах гор и т. п.). Так появились в степях своеобразные кочевые феодальные замки. Они были настоящими зимовками, так как на лето богачи откочевывали из замков в степи. Однако вокруг замков особенно активно росли оседлые поселения, постепенно превращаясь в «посады» вокруг «детинца» — замка.

Возникали степные города. В них население занималось ремеслами и торговлей.

Предпосылки для превращения замка с окружающими его поселками в город складывались далеко не всюду. Для этого нужны были соответствующие условия; во-первых, удачное географическое положение (на пересечении степных дорог, на берегу крупной реки или моря) для налаживания активной торговли в этом пункте, во-вторых, политический вес хана — владельца замка в данном государственном объединении: чем могущественнее хан, тем больше вероятности создания вокруг его замка административного центра-городка.

Таков был путь «от кочевий к городам», проходимый всеми оседающими кочевниками третьей стадии кочевания.

По существу на конечной стадии этого пути «кочевники» уже не были кочевниками, поскольку кочевала только верхушка общества, выезжавшая в степь как в имение и обставлявшая свой выезд на кочевку традиционными праздничными церемониями. Основная масса населения была земледельческой, занималась параллельно разведением разнопородного скота, нередко в форме отгонного скотоводства (в предгорьях — на альпийские луга, в степях — в верховья рек, где поймы особенно широки и богаты сочными травами). Однако, несмотря на оседлость, весь быт новых земледельцев, их обычаи, обряды, верования были пропитаны традициями кочевничества. Все они по-прежнему оставались превосходными всадниками и воинами. В любое время они могли забросить возделанные поля, сесть на коней и вновь заняться привычным и радостным для них трудом кочевника-скотовода, дополнительно обогащаясь за счет грабежа соседних земледельческих народов.

Тем не менее именно развитие земледелия и оседлости, а значит и ремесел ведут за собой сложение новой материальной культуры, которая, несмотря на синкретичность, является уже вполне оригинальной. Развитие внутренней торговли, устанавливающееся единство культуры способствуют распространению и утверждению единого языка. В то же время высокая городская культура делает необходимым создание новой или принятие чужой письменности. Таким образом, высокоразвитая земледельческо-скотоводческая экономика, развитие ремесел, рост городов, крепнущее единство культуры, языка, появление письменности — все это признаки развивающейся и утверждающейся государственности.

Богачи — родовая аристократия — становятся феодальной знатью этого государства. Несмотря на то что по древним кочевническим традициям главу этого государства, как правило, выбирали на съезде аристократии, кандидатом на этих выборах всегда был представитель правящего рода: сын, племянник, дядя умершего правителя. Таким образом, власть в государствах была уже строго наследственной. В них создавался свой бюрократический аппарат (судьи, сборщики податей, полиция) и армия, строго регламентированная системой иерархически связанных друг с другом подразделений.

В большинстве средневековых письменных источников такие существовавшие в евразийских степях государства именуются каганатами, а их главы — каганами. Если на второй стадии кочевания мы можем говорить о создании рыхлых государственных объединений—

«кочевых империй», то, очевидно, для третьей стадии характерны устойчивые и организованные образования — «каганаты».

Намечающееся на второй стадии кочевания сложение этнических общностей внутри государственных объединений в государствах активизируется и стабилизируется, поскольку на всей территории централизованных государств население было обязано говорить и писать на одном языке, использовать одинаковую посуду и орудия труда, сражаться одинаковым оружием и носить одинаковые украшения. Все это, естественно, создавало условия для слияния входивших в этнические общности племен в единый массив, постепенно превращавшийся в единый народ.

Характерно, что этническое сообщество обычно получало имя по названию правящего в государстве рода (орды), несмотря на то что правящее подразделение в любом из этих государств не было большинством. Известны, впрочем, случаи, когда название правящего рода сохранялось только в имени государства, а сложившийся внутри государства народ брал имя самого крупного входящего в него племени (подразделения).

Весьма существенным в образовании и усилении государства и центральной власти в нем, а следовательно, и в сплочении этнических общностей является идеология, а именно единство религиозных представлений, превращение их в государственный культ. Уже на второй стадии культ предков — характернейшее для кочевников проявление религиозных представлений — сосуществовал с «культом вождей», т. е. с культом умерших глав орд и знатных воинов, а также и с обожествлением самой власти «вождя», которому приписывалась божественная сила и который был обязан выполнять функции главного жреца.

В каганатах наряду с культом вождей появился культ одного умершего хана или же культ бога неба Тенгри-хана: идея централизации и в религиозной сфере получила наибольшее выражение. Наряду с этим, как и во всех классовых государствах, в государствах типа каганатов выделился слой служителей культа — жрецов и начали внедряться мировые религии с их идеей единого бога-вседержателя (ислам, христианство и пр.).

В степных государствах изменилась не только экономика, внутренняя политика, идеология, изменилась и их внешняя политика, в частности характер войн. Это уже не были нашествия с целью захвата пастбищ, не были это и набеги за добычей. Это были настоящие войны за политическое господство или, во всяком случае, за преобладание. Интересно, что, как правило, захваченные области не разорялись дотла, а лишь облагались тяжелой податью и включались в состав каганатов. Союзнические отношения с соседними государствами также преследовали цель усиления внешнеполитического положения. Воины и армии каганатов не нанимались на службу к соседним государствам, а участвовали наряду с ними в военных кампаниях против общих врагов.

Древние и средневековые авторы много и часто писали о степных государствах типа каганатов. Иногда сохраняются и документы, написанные на языке этих государств. Таким образом, письменных источников о них до нас дошло довольно много. Тем не менее большое значение для исследования их истории и культуры имеют археологические материалы.

Это уже не только разбросанные по степям могильники и следы зимовок без культурных слоев, какие остаются нам от кочевников второй стадии кочевания. От третьей стадии сохраняется в земле громадное количество разнообразных памятников, позволяющих осветить все стороны экономической и культурной жизни государства. Это прежде всего остатки обширных поселений, характеризующихся ярко выраженным культурным слоем, насыщенным обломками костей животных и керамики. Обычно эти поселения располагаются в районах, пригодных для хлебопашества и садоводства и компануются в группы, объединенные общим центром — замком или городом. Остатки городов представлены чаще всего многослойными

городищами, а это значит, что они являются поселениями с многовековой историей.

Изучение замков и городов дает археологам материалы об архитектурных познаниях населения, о домостроительстве, ремеслах, быте, обычаях и даже некоторых событиях внешней истории изучаемого государства. Кости домашних и диких животных и остатки семян и зерен в слое и комплексах позволяют судить о составе стада, о видах диких животных, на которых охотились жители поселений, развитии земледельческой культуры региона. Интересно, что окрестности многих степных городов перерезаны многочисленными древними каналами, подтверждающими сообщения письменных источников об орошаемом земледелии, характерном для многих степных (засушливых) районов.

И поселения, и особенно могильники рядом с ними позволяют судить о социальном строе и религиозных представлениях населения. Причем нередко существовавшие в течение длительного времени могильники позволяют говорить об изменениях в идеологии, например о принятии частью или всем населением новой религии. Именно в погребениях прослеживается наибольшее количество черт кочевничества: это, как правило, погребения всадников с останками копей, сбруей, нередко роскошно изукрашенной, оружием — также часто богато орнаментированным и разнообразных украшений одежды — изделий своих и чужих ремесленников. Описания погребальных обрядов кочевников, сделанные древними авторами, также обычно подчеркивают особенности, характерные для всадничества. Наиболее живые рассказы о кочевнических погребениях помещены в хронике Тапшу, у Ибн Фадлана, у Карпини и Рубрука. Так, китайский летописец пишет о тюрках: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоюго пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают палатку на лошадях.

... Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут па лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжении жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву, до единой вывешивают их головы на вехах...» [\[154\]](#)

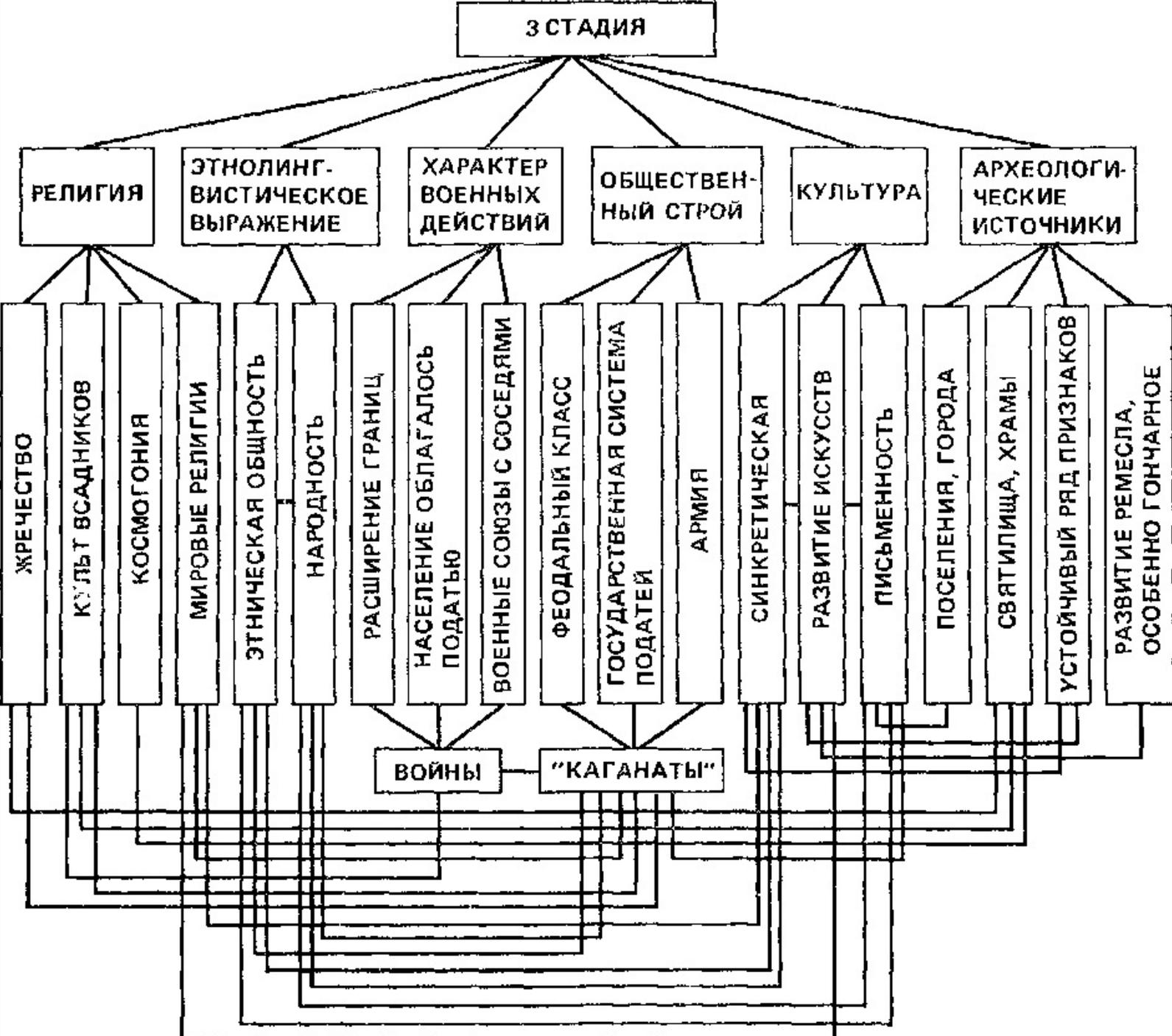
Значительно характернее для кочевников было не трупосожжение, а обычное трупоположение. Тем не менее типичные обычаи похорон всадника неукоснительно выполнялись при любом обряде. Ибн Фадлап писал о похоронах гуза таким образом: «Если умрет человек из их [числа], то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с наби-зом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накладывают над ним нечто вроде купола из глины (курбан.— С. П.). Потом возьмут его лошадей и в

зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И право же, они растягивают это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю» [\[155\]](#). Весьма близок к этому описанию рассказ Карпини: «Когда же он умрет, то... хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посредине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и копя с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на

двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней и копей, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сожигают...» [\[156\]](#) Рубрук добавляет к этому некоторые подробности, описывая обряд погребения команов, т. е. половцев XIII в.: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей — по четыре с каждой стороны мира; и они говорили про него, что он был окрещен...» [\[157\]](#)

Таким образом, все элементы кочевничества, в частности яркие черты всадников-воинов, нашли отражение в погребальном обряде кочевников. Всадничество воспевалось в фольклоре, всадники-победители изображались на скалах в горах и на стенах древних городов и замков. У древних болгар, например, был культ хана-всадника (Мадарский конник), а правители, делавшие ставку на войны, восхваляли всадников, и восхваление это было государственной политикой. Гуннский Хуханье шаньюй и его совет старейших сформулировали это так: «Сражаться на коне есть наше господство: и потому мы страшны перед всеми пародами. Мы еще не оскудели в отважных воинах» [\[158\]](#).

Переход к фактически полному оседанию и даже смена религии (по словам Рубрука) не мешали земле-

*Рис. 3.
Схема взаимосвязей признаков
на третьей стадии кочевания
(модель 3)*

дельцам — создателям культур и государств оставаться поголовно лихими всадниками, готовыми в любое время перейти в кочевничество. На этой особенности осевших кочевников мы еще остановимся специально в следующей главе.

Рассмотрим на конкретных исторических примерах историю нескольких каганатов и нескольких государств, которые не были названы в источниках каганатами, но по существу являлись ими, т. е. были могущественными государствами с крепкой экономической базой,

развитой культурой и сильной центральной властью.

Вновь обратимся к империи Хунну.

Историю державы Хунну, очевидно, следует начинать с Модэ шаньюя, ставшего во главе хуннского объединения в 209 г. до н. э. К этому времени хунну, по-видимому, освоили все земли своей огромной империи, как полупустыни, па которых они продолжали кочевать, так и плодородные земли, расположенные по берегам рек и использовавшиеся под пашни. Из ханских ставок возникали замки и небольшие городки, о которых мы знаем как по археологическим данным^[159], так и по сведениям письменных источников. Так, в 119 г. китайские войска «побили и в плен взяли до 19 000 человек (хунну.— С. П.), дошли до городка Чжао Синь Чей... и пошли в обратный путь»^[160]. В настоящее время благодаря археологическим исследованиям нет сомнения в полуземледельческом характере хуннской экономики, в существовании высокоразвитых ремесел и культурных традиций в их государстве. Модэ как бы подвел итоги тем достижениям, к которым пришли хунну за многовековой путь к цивилизации. «При Модэ, — писал китайский летописец, — Дом Хунну чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена па севере, на юге он сделался равным Срединному Двору»^[161]. Установлена была система государственных наследственных чиновников, создана регулярная армия с тысячниками, сотниками. Были приняты новые жесткие законы, поддерживающие порядок в государстве. При этом «суд более десяти дней не продолжался. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек». Этот факт также свидетельствует о большом внутреннем порядке в государстве. Во внешней политике преобладали серьезные государственные интересы. Шаньюй думал о расширении границ своей державы, заявляя: «земля есть основание государства, как мояшо отдавать ее?». С армией в 300 000 человек он легко присоединял к своему государству соседние владения и заставил императора Поднебесной империи писать ему вежливые письма о «мире и родстве». Сам Модэ выполнял функции верховного жреца государства, что еще больше возвышало его над подданными. В его ставке находился главный храм, куда ежегодно обязаны были съезжаться все сановники и вся знать. На этих собраниях решались важные вопросы управления, а также совершались, видимо, коллективные моления. Там приносились жертвы «предкам, небу, земле и духам», поклонялись солнцу и луне. Очевидно, наряду с древними патриархальными верованиями Модэ насаждал персонифицированный культ неба и солнца, культ космических сил, а сам шаньюй титуловался торжественно «рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною». Создавалась религиозная система, утверждающая власть единого бога на небе и единого властителя (шаньюя) на земле.

При сыне Модэ Лаошан-Гиюй шапыые чиновники завели строгий учет податей: в книгах были сделаны записи и по количеству имущества и скота народ был обложен налогом. Упоминание об этих книгах говорит, видимо, о том, что хунну владели письменностью. Сохранились о ней и более конкретные упоминания, причем интересно, что шрифт их письменности напоминал индийский^[162]. Если была письменность, то был и единый, принятый во всем государстве язык. О том, каким был этот язык, к какой лингвистической системе он принадлежал, существует в настоящее время целая литература. Вполне возможно, что это был какой-то вариант пратюркского языка, однако для решения поставленных в настоящей работе задач не столь важно, на каком языке говорили хунну. Существенно то, что он был общепринят. По-видимому, уже при ближайших преемниках Модэ из аморфной хунн-ской этнической общности начал формироваться хунн-ский народ. Общая территория, общий язык, антропологическое сходство и общая полуоседлая культура являлись надежной базой для этого. Правда, следует помнить, что в кочевнической среде некоторые процессы протекали значительно менее активно, чем у земледельческих оседлых народов. Так, мы знаем, что

несмотря на развитые классовые отношения в кочевническом, в частности хуннском, обществе сохранялась романтическая вуаль патриархальных отношений, а наряду с общими государственными культами продолжали жить древнейшие тотемные представления и патриархальный, характерный для родо-племенного общества культ предков. Так же замедленно мог протекать и процесс сложения народа. Однако в письменных источниках, рассказывающих об империи Хунну, всегда упоминается только одно этническое имя — «хунну», а значит, можно, видимо, считать, что это был уже достаточно слитый единый массив, который мы имеем право называть народом. Победенных и присоединенных соседей не называли хунну — они именовались собственными наименованиями, а значит, не входили в состав хуннской этнической общности, хотя и были включены в государство Хунну.

После раздела государства Хунну на северное и южное царства, после гибели обоих этих царств в евразийских степях почти пять веков не было оседлости. Для огромных империй Сяньби и Жужаней была характерна вторая стадия кочевания (оба ее этапа — полукочевой и полuosедлый). Вполне возможно, что объясняется это сравнительной краткостью существования империй — каждая из них просуществовала не более 100—150 лет. За это время вторая стадия просто не успевала перерасти в третью, так же как рыхлые этнические общности, образовавшие эти государственные объединения, не могли превратиться в пароды.

Не стала третья стадия кочевания господствующей формой экономики и в Тюркских каганатах. Причина этого также кроется, по-видимому, в краткости жизни этих могущественных государств (около 150 лет). Кроме того, тюрки, разбив эфталитов, овладели всеми среднеазиатскими оазисными государствами. Даже Хорезм подпал под их власть и влияние. Эти оседлые народы и страны с высокоразвитой культурой орошаемого земледелия, вероятно, стали основной земледельческой базой тюркского государства. Тюрки, занимаясь железоплавильным и иными ремеслами, могли позволить себе оставаться кочевниками. Во всяком случае у них, очевидно, не было необходимости создавать собственное земледельческое хозяйство.

Оставаясь кочевниками, объединенные тюрками племена были неисчерпаемым источником, поставляющим тюркским каганам воинов-всадников, сражавшихся под знаменами и штандартами, украшенными волчьими головами, на необъятных тысячекилометровых пространствах восточноевропейских степей. Каганат раздвинул свои границы на западе до Черного моря и Кавказского хребта, а на востоке — почти до Тихого океана. Несмотря на раздел этого рыхлого многоплеменного объединения на две части: западную и восточную, размеры обоих каганатов были огромными, а постоянные войны мешали сплочению и внутреннему развитию государств. Экономика и общественный строй и через сто лет оставались такими же, как в начале образования каганата, несмотря на то что агрессивная внешняя политика, основанная на силе и беспощадности тюркской хорошо слаженной военной машины^[163], поставила оба каганата в один ряд с крупнейшими феодальными государствами того времени: Китаем, Ираном, Византией. Однако время господства в степях двух тюркских государств было, видимо, как бы «подготовительным периодом» для возникновения после их гибели и распада ряда раннефеодальных государств-каганатов.

Во II в. пало под ударами сяньбийцев государство Хунну. И народ хунну двинулся на запад, на захват новых земель. С Тюркским каганатом произошло иное: государство, состоявшее из большого числа различных по размерам, по уровню экономического и социального развития и даже по языку этнических общностей, ослабев, распалось на многочисленные мелкие объединения. Все орды этих объединений продолжали жить и кочевать на прежних пастбищах. По существу в степях ничего не изменилось. Исчезла только военизированная верхушка тюркского правящего рода, вовлекавшая все население своего государства в длительные войны и

походы, несомненно мешавшие спокойному развитию входивших в каганат объединений. Из последних и начали формироваться новые государственные образования, более компактные, с четкими границами, прогрессирующей экономикой и устойчивым этно-языковым единством.

Рассмотрим основные вехи истории каждого из них и попытаемся найти те общие черты, которые и позволяют нам говорить об этих объединениях как раннефеодальных и феодальных государствах с высокоразвитой экономикой и культурой.

Первым достаточно сильным объединением, столкнувшимся с теряющим силы Тюркским каганатом, было уйгурское. Будучи под властью тюркского кагана, уйгуры вели обычный кочевой образ жизни. Вот, что писалось о них в хронике Таншу: «Они рассеяно обитали по северную сторону Великой песчаной степи... Ойхорцы храбры и сильны. Первоначально они не имели старейшин; смотря по достатку в траве и воде, перекочевывали с места на место. Искусны были в конной стрельбе из лука; склонны к воровству и грабежам. Они считались подданными тюкуевского Дома. Тукюесцы их силами геройствовали в пустынях севера»^[164].

В середине VIII в. образовалась самостоятельная федерация племен, возглавленная уйгурами. Центр их объединения находился в бассейне р. Орхон, но территория его в результате нескольких окончившихся победой военных столкновений была очень обширна: от Балхаша на западе до Забайкалья и верховий Амура на востоке, что равнялось в длину примерно 3000 км. Однако это было все-таки значительно менее крупное объединение, чем Тюркские каганаты, размеры которых с запада на восток превышали 6000 км. Л. Н. Гумилев совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает, что уйгурское правительство с самого начала существования своего обширного федеративного государства не стремилось к дальнейшим завоеваниям, предпочитая в целом мирные отношения с соседями^[165]. Вполне возможно, что мирная политика первых уйгурских каганов была вызвана длительной гражданской войной, которая разгорелась в каганате при втором уйгурском кагане Моянчуре. На борьбу за внешнеполитическое господство просто не было времени и сил. Тем не менее, когда мир в стране был восстановлен и все помогавшие повстанцам соседи присоединены к Уйгурскому каганату, в государстве установилось относительное спокойствие. И как следствие этого в стране на всех пригодных для того местах началось активное освоение земледелия и оседание части кочевников в бывших зимовках, превращение последних в поселения, замки и города. Характерно, что земледелие сразу заняло в экономике каганата видное место, превратившись в развитую ее отрасль. Л. Р. Кызласов полагает, что оно было не только плужным, но в засушливых районах — и орошаемым. Помимо небольших городков и замков с великолепно разработанной системой обороны, были у уйгуров и крупные города, служившие ремесленными, торговыми и административными центрами. Таковой являлась, видимо, столица Уйгурии Орду-Балык на Орхоне. О развитии ремесел и внешней торговли в каганате свидетельствуют археологические материалы^[166].

Классовый (феодальный) строй Уйгурского каганата не вызывает у исследователей сомнений. Помимо собственной уйгурской аристократии, у всех присоединенных к уйгурам племен были свои беги, участвовавшие в военных походах уйгуров вместе со своими дружинами и являвшиеся, очевидно, вассалами кагана.

Для поддержания престижа среди окружающих его стран каганат вел с ними почти непрерывные войны. Чаще всего это были ответные набеги на вырвавшееся и крепнущее на его северных границах хакасское государство — Кыргызский каганат и походы в Китайскую империю. С последней отношения были особенно сложными, поскольку каганату приходилось отстаивать в борьбе с нею не только частные вопросы владения той или иной территорией, но и свое равное положение с империей. Интересно, что для достижения этого уйгуры, стараясь предельно обособиться от Китая, приняли чуждую ему религию, религию, ни в одном

государстве Центральной, Восточной и Средней Азии не признанную, а именно — манихейство^[167].

Проведение твердой самостоятельной линии в политике и сильная вассальная армия способствовали признанию каганата как одного из могущественных государств, с которым невозможно было не считаться. Об этом говорит хотя бы тот факт, что китайский император, желая закрепить мирные отношения с уйгурами, отдал за кагана свою дочь. Однако манихейство в конечном счете привело это государство к гибели. Оно отделило и выделило уйгуров из окружения. Очевидно, не только внешняя политика начала страдать от этого обособления, но и внутри каганата начались распри. Другие присоединившиеся к уйгурам племена и этнические общности не признавали этой религии, придерживаясь языческой веры предков. Старейшины этих племен наряду с манихейскими священниками правили государством при слабых и бездеятельных уйгурских каганах. Очевидно, они и возглавили борьбу за власть в каганате. Постепенно входившие в каганат этнические и политические общности стали отпадать от уйгуров. Уже в начале IX в. кыргызский хан Ажо говорил уйгурскому кагану: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя»^[168].

В 40-х годах IX в. Уйгурская держава перестала существовать. Таким образом, период быстрого и пышного расцвета этого государства и его не менее стремительного упадка и гибели длился всего 100 лет.

За этот короткий период у уйгуров успела сложиться достаточно высокая культура. Объясняется это тем, что процесс сложения культуры населения Уйгурского каганата начался значительно раньше — еще в Тюркском каганате, территория которого полностью перекрывала уйгурскую. Уйгурский каганат стал как бы наследником и преемником Тюркского. В уйгурский период перешли не только орудия труда и оружие, широко распространенные на землях Тюркского каганата, но и формы и орнаменты воинских поясов, форма сосудов, обычаи, а вместе с тем и искусство ваяния каменных статуй, письменность^[169]. Причиной, а в какой-то степени и следствием быстрого развития и распространения культурных традиций в Уйгурском каганате явилось, видимо, то, что уйгуры стремительно сложились не только в единую этническую общность, но и в более крепкий монолит — в народ. Именно поэтому с гибелью своего огромного государства уйгуры не сошли с исторической арены. Устойчивое земледелие, высокая и тоже устойчивая культура, манихейская религия, очевидно, привели к тому, что собственно уйгуры в большом количестве и после потери главенствующего положения остались в степях Центральной Азии. Однако большая их часть переселилась в Восточный Туркестан, и там вновь появилось самостоятельное, хотя и небольшое, Уйгурское государство, просуществовавшее вплоть до татаро-монгольского нашествия (до 1250 г.).

Уйгурский каганат пал под ударами своих северных соседей — хакасов, появившихся на страницах исторических хроник еще в эпоху Тюркского каганата — в VI в. В период господства могущественного Тюркского каганата сравнительно небольшое объединение хакасов не могло играть в Сибири заметной роли, хотя уже тогда определились основная территория этого объединения и его внешнеполитическое лицо — объединение оставалось, несмотря на незначительные размеры, самостоятельным как при господстве в Азии тюрков-тугю, так и при уйгурах. Однако расцвет его начался только после падения Тюркских каганатов, т. е. синхронно с возвышением Уйгурского государства.

Размеры хакасского государственного образования даже в период его политического взлета не превышали 1000 км в поперечнике. В экономике хакасов преобладающее значение имело земледелие. Возникло оно у этих первоначально кочевых племен очень рано — еще в хун-нское время и с тех пор благодаря прекрасным географическим и климатическим условиям

(Минусинская котловина), отдаленности от грабящей и интригующей среди соседей Китайской империи, а также от основных военных маршрутов степняков, постоянно передвигавшихся с востока на запад и обратно, не прекращало своего развития. Они «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень», однако поскольку «атмосфера наиболее холодная, даже большие реки до половины промерзают, то нет там ни плодов древесных, ни овоща огородного». Интересно, что далее летопись отмечает: «Богатые землепашцы водят их (скот.— С. П.) по нескольку тысяч голов» ^[170]. Таким образом, земледельцы имели большие стада. И хотя скотоводство было пастушеским, а не кочевым, состав стад, в которых главенствующее место занимали лошади разных пород и овцы, говорит о том, что традиции кочевнического хозяйства сохранялись у хакасов. В засушливых районах, там, где земледелие было невозможно, отдельные группы населения занимались кочевническим скотоводством (второй формой). Развитие у хакасов разнообразных ремесел, среди которых особенно выделялось железоплавильное и кузнечное, в настоящее время не вызывает у исследователей сомнения: это подтверждается и письменными источниками, и археологическими материалами ^[171]. Развитая экономика способствовала оживлению торговых связей — как внутригосударственных, так и внешних, причем экспорт у них превышал импорт, а это значит, что государство постоянно богатело. Особенно усилились эти связи после гибели Уйгурского каганата — в IX и X вв. Одним из важных товаров, шедших на экспорт, были меха, которые поступали к хакасам от «ясачных пародов». Последними были лесные самодийские племена, покоренные хакасами. Таким образом, дань с соседних народов также была важной статьёй дохода государства.

Социальный строй у хакасов, по мнению исследователей, был развитым феодальным. Об этом свидетельствует не только экономика государства, но и письменные данные — китайские летописи и собственные древнехакасские надписи. Во главе государства стоял каган, принадлежавший всегда к правящему роду «кыргыз». К этому роду относилась вся правящая верхушка государства — его «эль» ^[172]. По нему древнехакасское государство нередко в древности и в современной исторической литературе называется «Кыргызским каганатом».

Как уже говорилось, эта традиция характерна для многих степных народов Евразии. Во всяком случае всюду, где у нас есть возможность проследить истоки названия того или иного объединения (социального или этнического), всегда в основе его лежит имя правящего рода или старейшины этого рода.

Как и все средневековые государства Кыргызский каганат вел частые войны, особенно с уйгурами, которых ему необходимо было победить, освободиться от их власти и затем расширить за их счет территорию своей страны. Хакасы стремились подчинить себе окружающие их племена, но при этом не уничтожали их, а заставляли платить дань (подать) в казну кагана. С Китайской империей поддерживались торговые отношения, ни военных союзов, ни войн с нею не зафиксировано в источниках. Китайский император в письме к кагану писал: «Нас разделяют различные народы и нашим государствам трудно действовать общими силами». И действительно, хакасы были более уйгуров и тюрок свободны от влияния и интриг китайского двора, что несомненно способствовало росту их собственной государственности и культуры.

В каганате была уже тонко разработанная административная система: «Чиновники делятся на шесть разрядов, как-то: министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и дигани. Министров считается семь, главноначальствующих три, управителей десять. Делоправителей считается пятнадцать: предводители и дигани не имеют чинов...» — сообщалось в хронике Таншу ^[173]. Вся эта масса разнообразных управителей строго следила за порядком в войсках, за налогами, за выполнением суровых законов.

Естественно, что при высокоразвитой и разносторонней экономике, при строгой власти, опиравшейся и на экономическое благополучие, и на сильные войска, набравшиеся «из всех

поколений», расцвела и культура этого государства. Помимо широко распространенной письменности, аналогичной тюркской и уйгурской, у них была развита музыкальная культура («из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестные»), а также культура общественных зрелищ, своеобразный цирк: «из зрелищ употребительны: верблюд и лев — обученные, вольтежирование на лошадях и балансирование на веревке» [\[174\]](#).

Центрами ремесел, торговли, администрации и культуры были города, о которых рассказывают арабские и персидские авторы.

Несмотря на развитие всех отраслей хозяйства, быта и культуры, на их явно оседло-земледельческий характер, следует особенно подчеркнуть, что весь быт и мировоззрение хакасов были проникнуты кочевническими традициями. Так, наличие оседлых поселений с укреплениями из дерева, наличие сложенных из бревен домов с крышами из коры не исключало сохранившуюся любовь к юртам («палатки, обтянутые войлоком») и к привычной для кочевников пище — мясу и кобыльему молоку. Калым при браках платился лошадьми и овцами, т. е. опять-таки животными, наиболее полно отражавшими склонность хакасов к недавнему кочевничеству. Естественно, что все они были всадниками. Всадничество — основной мотив всех наскальных рисунков. Всадники обычно изображались тяжеловооруженными. Это рыцари, закованные в панцири. Разнообразное оружие, которым владели и которое научились ковать хакасы, использовалось, как правило, именно этими рыцарями. Рядовые конники были вооружены луком и стрелами, т. е. традиционным оружием всех воинов-кочевников.

Традиционными, патриархальными остались и религиозные представления в каганате. Там господствовал культ духов, жертвы которым приносились в открытой степи шаманами. Умерших хакасы сжигали.

Естественно, что с развитием общественных отношений в хакасском государстве возникла необходимость как-то изменить религию, поставить ее над подданными. Аристократия жаждала обособления от черного люда (кара-будун). С этой, очевидно, целью часть хакасской верхушки, в том числе и род кыргызов, приняла в середине IX в. манихейство. Не обошлось это и без влияния уйгуров. Однако в отличие от последних даже среди богатых и знатных манихейство не приобрело популярности. Уже в XI в. источники не упоминают о манихейских обрядах у населения Кыргызского каганата. Что же представляло собой это население? Преобладало в государстве этническое объединение хакасов с правящим элем «кыр-гыз». Входили в него и другие этнические группы, которые, как и хакасы, за 300 с лишним лет жизни каганата (до татаро-монгольского нашествия) сформировались, очевидно, уже в народности [\[175\]](#).

Араб Идриси в середине XII в., рассказывая о городах киргизов, писал, что все они заселены «трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости короля кима-ков, желчного принца, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» [\[176\]](#).

Итак, одним из самых серьезных врагов Кыргызского каганата в XII в. было государство, расположенное к западу от него — Кимаковский каганат.

Сохранилась легенда, записанная Гардизи в XII в., о происхождении кимацкого союза, переросшего затем в государство. Мы рассмотрим ее подробно потому, что в ней необычайно точно и в то же время живо рассказывается о начале сложения кочевнического государства на обломках погибшей «материнской империи» — в данном случае Тюркского каганата.

Легенда начинается с описания междоусобицы, разьедавшей в VIII в. Тюркский каганат (у Гардизи тюрки названы татарами): «Старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился».

Итак, тюркский царевич (Шад) откочевал на свободную территорию. Далее в легенде говорится, что к нему присоединилось «7 человек из родственников татар (т. е. тюрков.—С. П.): первый Ими, второй Имак, третий Татар, четвертый Байандур, пятый Кыпчак, шестой Ланиказ, седьмой Аджлад. Эти люди пасли табуны своих господ, в тех местах, где (прежде) были табуны, не осталось пастбищ, ища травы, они пришли в ту сторону, где находился Шад», который «принес с собой большую добычу с охоты и угостил их, они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад, травы там было много и всю зиму они провели там». Весной они все же послали одного человека в тюркскую ставку. «Тот, когда пришел туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор, он рассказал своим друзьям о положении Шада, все они направились к Иртышу. Прибыв туда, все приветствовали Шада как своего начальника и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить сюда; собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада, потом, когда они размножились, они рассеялись по городам и образовали семь племен по имени названных семи человек» [\[177\]](#).

В этой легенде рассказывается о формировании нового политического и этнического объединения, возглавленного двумя первыми «племенами» — Ими и Имак: кимаками [\[178\]](#). Причины возникновения его точно указаны в этом рассказе: междоусобица, поиски новых пастбищ, энергия Шада, сумевшего «накормить» и объединить вокруг себя несколько родов, и, наконец, гибель того государства, в которое они прежде входили. По-видимому, все эти причины имели место и при образовании других аналогичных кимакскому объединений начиная от жуаньжуа-ней и тюрков и кончая Кыргызским и Хазарским каганатами. Все они, как правило, состояли из нескольких родственных, а иногда и неродственных племен, а вернее из выходцев (изгоев) из этих племен, образовавших затем новые группы. При этом не всегда сохранялось даже прежнее наименование племени. Нередко оно давалось по имени хана, возглавлявшего данное племя в период его формирования.

Произошли эти события в период распада Тюркского каганата, т. е. примерно в середине VIII в. К середине IX в. довольно четко наметилась территория нового объединения, включавшая Прииртышье, приаральские степи и северо-восточное Семиречье [\[179\]](#). Размеры его в поперечнике, не превышали 1000—1200 км, а значит, были равны соседнему с ним Кыргызскому каганату.

Хозяйство в каганате определяется исследователями как полuosедлое. В подавляющем большинстве письменных источников, упоминающих об экономике кимаков, подчеркивается ее кочевой уклад. Однако в них постоянно говорится о летней и зимней ставках кагана; следовательно, два оседлых поселения, игравших роль административных центров, зафиксированы далее в ранних источниках. Абу-Дулаф в X в. писал, что в стране кимаков растет виноград, а в XII в., согласно данным Ид-риси, земледелие было орошаемым. Археологические материалы подтверждают письменные свидетельства. Об оседлости у кимаков говорит большое количество обна-руженных археологами оседлых поселений, а в позднее время — в XII—XIII вв. — городов. Интересно, что не только археологи, но и письменные источники сообщают о наличии у кимаков двух типов жилищ — юрт и полуземлянок.

Мы уже говорили, что даже в Кыргызском каганате, где оседлость и земледелие были преобладающими формами жизни и хозяйства, в засушливых, непригодных для пахоты районах население продолжало кочевать. Так и у кимаков скотоводство, конечно, было кочевым, а поскольку площадей, пригодных для кочевания, в Кимакском каганате было много больше (в частности, все аральские степи), то и удельный вес кочевничества в этом государстве был много больше. Кимаки разводили в основном лошадей и овец, лошади у них выводились нескольких

пород, а скотоводство было специализированным — в каждом районе занимались разведением особого вида скота, как это практиковалось и в более позднее время, вплоть до XIX в.

На поселениях, многие из которых постепенно перерастали в города, развивались ремесла, хотя долгое время здесь преобладало домашнее производство. Однако археологические материалы позволяют говорить об оригинальной культуре кимаков, а это значит, что продукция ряда мастеров распространялась на всей территории этого государства, что и давало культуре собственный, свойственный только кимакам облик ^[180]. В настоящее время можно считать вполне доказанным существование у кимаков древнетюркской письменности ^[181].

Поскольку первая руническая надпись из земли кимаков (из Прииртышья) была обнаружена на обратной стороне бронзового зеркала, т. е. на обычном бытовом предмете, логично заключить, что письменность была широко распространена среди населения каганата. Абу-Ду-лаф упоминает об этом бегло, как о хорошо известном и непримечательном факте: «у них растет тростник, которым они пишут».

Б. Е. Кумекоев полагает, что образование кимакского государства следует относить к концу IX — началу X в. ^[182] Во всяком случае первые упоминания о нем в источниках относятся именно к этому времени. Думается, что процесс образования государства начался значительно раньше, упоминания о нем появились, естественно, уже после того, как новое государство окрепло и начало играть в Азии заметную политическую роль. Правитель государства взял высший тюркский титул — каган, который носили все наиболее сильные и развитые экономически преемники обоих Тюркских каганатов. Власть его, по сведениям Идриси, была строго наследственной. Политическое устройство в государстве было аналогично хакасскому: оно также было разбито па уделы, управители которых, назначенные первоначально каганом из родовой аристократии, также передавали власть по наследству. Следует сказать, что в X в., видимо благодаря расширению государства, в него входило уже не семь «племен», как в VIII в., а 11. При этом самым значительным, кроме собственно кимаков, были кипчаки, о которых мы уже говорили в предыдущем разделе. Судя по данным Худуд-ал-Алам о титулатуре кипчакских правителей, главы уделов назывались «маликами». О внутреннем устройстве кимакского общества, к сожалению, известно очень немного. Однако из фразы Идриси о том, что «только знатные носят одежду из красного и желтого шелка», и его яе сообщения о наличии у кимаков конного и пешего войска мы все же можем сделать вывод о резком расслоении кимакского общества на социальные группы. О том же несомненно свидетельствуют находки богатых и бедных погребений.

Очевидно, в пользу кагана и маликов с населения государства взимали налоги, глухие сведения о которых мы получили опять-таки из труда Идриси ^[183].

Силу центральной власти — кагана — правительство пыталось утвердить и введением какого-то единого мировоззрения, характерного только для Кимакского каганата. Так, Гардизи писал о культе Иртыша — главной р. Кимакии: «Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: „Река — бог человека"» ^[184]. Кроме того, под непосредственным влиянием Уйгурии и Кыргызского каганата у них появилось манихейство, а в XII в. к ним начало проникать мусульманство. Не исключено, что две последние религии стали утверждаться в каганате из-за роста центробежных стремлений — отдельные малики, чтобы отъединиться от кагана, могли обращаться к религиям врагов каганата: хакасов на востоке и среднеазиатских государств на юге. Все нововведения, очевидно, мало влияли на основной культ, принятый всем населением каганата, — патриархальный культ предков. Вещественными доказательствами его распространения на всей территории расселения кимакских племен являются каменные статуи, оставшиеся в небольших оградках-святилищах на

древних степных курганах. Этот обычай, как и самый титул главы государства, а также многие другие обряды и обычаи перешли к кимакам из Тюркского каганата (как и в Уйгурский каганат). Его расцвет совпадает с расцветом каганата, поскольку только богатые и к тому же не боящиеся неожиданных вторжений на родовые земли жители каганата могли позволить себе возведение каменных памятников своих предков.

Следует сказать, что торжественно обставленный обряд почитания предков являлся безусловно одним из существенных элементов сплочения кимакско-кипчакского этнического объединения в единое целое. Известно, что кипчаки, в начале XI в. двинувшиеся на завоевание новых пастбищ, унесли этот обычай как собственный этнографический признак в южнорусские степи. Откочевка огромного количества орд с территории распадающегося каганата помешала сложению кимакского (кипчакского) народа, распространению этого этнического наименования на все население, обитавшее на землях каганата. На протяжении всей своей истории, которая длилась около 200 лет (с середины IX до начала XI в.) Кимакский каганат был деятельным и сильным государством, успешно утверждавшим свое внешнеполитическое положение.

Идриси писал: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» [\[185\]](#).

Таким образом, тюркоязычный мир хорошо знал силу Кимакского каганата, а судя по тому вниманию, которое уделялось кимакам в арабских рукописях, знали и учитывали эту силу и далеко за пределами евразийских степей. Войны, которые велись каганатом, были войнами за политическое господство. Завоеванные области не разорялись, а присоединялись и облагались данью, а сильных противников, особенно Кыргызский каганат, кимаки держали в напряжении постоянными набегами.

В XII в. государство кимаков перестало упоминаться в источниках — под влиянием многих обстоятельств, которые также подчиняются общим для всех степных государств закономерностям и будут рассмотрены в следующей главе, оно распалось на отдельные небольшие ханства.

Последним сильным государством, бывшим прямым наследником Тюркского каганата, был Хазарский каганат — крайнее западное объединение кочевых племен, обитавших в европейских степях [\[186\]](#). О начальном периоде жизни этого объединения мы уже говорили. Сами хазары, возглавленные тюркским родом Ашина, оставались традиционно кочевниками до самой гибели каганата. Другие этнические объединения, входившие в каганат, были полуседлыми или оседлыми.

Первый период истории Хазарского каганата, начавшийся в середине VII в., весьма напоминал описанный в легенде период формирования кимакского объединения. Тогда в прикаспийских степях нынешнего Дагестана так-же собрались кочевые и полукочевые племена, вассальные Тюркскому каганату. Часть из них обитала (кочевала и оседала) в дагестанских степях еще с гуннского нашествия, часть (например, тюрки рода Ангина) пришла из восточных областей каганата, спасаясь от междоусобных неурядиц и вражеских набегов. Все они были не только носителями своих «племенных» традиций, но в значительной степени и носителями и хранителями культуры Тюркского каганата. И в данном случае можно говорить, что хазарское государство складывалось не на пустом, неподготовленном для государственности месте.

Местные племена с земледельческим складом хозяйства, соседство высокоцивилизованных стран с развитой культурой и классовым строем способствовали быстрому формированию в дагестанских степях земледельческо-кочевой комплексной экономики и сложению поселений

городского типа. В этом заключалось своеобразие хазарского государственного объединения дагестанского периода, отличающегося от остальных каганатов, развивавшихся в экономическом отношении медленнее.

Жизнь этого объединения изменилась и потекла по обычному руслу полукочевых государств с середины VIII в. — после разгрома, который был учинен ему в дагестанских степях и предгорьях арабами. Города были разграблены, пашни заброшены, стада угнаны. Разорение, как это часто случалось в кочевнических государствах, было как бы толчком или даже стимулом для стремительного продвижения на новые земли — в низовья Волги, Подопье, Приазовье и частично Крым. При этом следует помнить, что только Приазовье и Крым были заняты кочующими и кое-где оседающими болгарскими ордами, а весь бассейн Дона и степи на Волге были практически свободными. Возможно, что по ним кочевали разрозненные небольшие орды, оставшиеся здесь от гуннского нашествия, однако сведений об этом в письменных источниках не сохранилось, а археологи до сих пор не могут обнаружить здесь следы населения VI—VII вв.

Таким образом, продвижение в северные степи не носило характера нашествия. Для части племен это была откочевка, а для большинства — расселение (переселение), поскольку они в дагестанских степях и в предгорьях Кавказа перешли уже к оседлому образу жизни и к земледельческому хозяйству.

Размеры каганата выросли после этого события примерно в три раза, т. е. превысили размеры как Кыргызского, так и Кимакского государств.

Мы уже говорили, что экономика каганата основывалась в первую очередь на земледелии и отгонном скотоводстве, как правило сопровождающем земледелие в полукочевом государстве. Некоторые районы этого громадного объединения, в которое входили земли, мало пригодные для пашен, использовались для кочевнического скотоводства все годы существования каганата. На этих землях археологи не могут сейчас найти остатков оседлых поселений. Такие районы намечаются благодаря археологическим разведкам в восточном Приазовье и в сальских и калмыцких степях^[187].

Земледелие было несомненно высокоразвитым, хотя оросительных каналов в Подонье не обнаружено. Думается, что последние и не были там нужны, поскольку реки Подонья многоводны, а климат и без орошения вполне подходит для возделывания самых разнообразных культур. Помимо возделывания хлебных культур, население Подопья занималось, как и в Дагестане, садоводством, огородничеством, а па нижнем Дону — виноградарством.

Судя по остаткам костей на поселениях, открытых на территории Хазарского каганата, жители разводили все виды скота, типичные для развитого скотоводства, даже ослов и верблюдов. Естественно, что в районах, где кочевание сохранилось на второй стадии, в стаде преобладали овцы и лошади, а в районах развитого земледелия — крупный рогатый скот и свиньи.

Всюду на поселениях появлялось ремесло, сначала домашнее, затем постепенно выделяющееся в отдельную отрасль хозяйства. Возникновение выделившихся ремесел вело к развитию внутренней торговли. Внешняя торговля со странами Закавказья, Передней и Средней Азии, с крымскими провинциями Византии и с самой Византийской империей была очень оживленной.

Помимо обычных неукрепленных поселений и замков, в каганате было несколько более или менее крупных городов. Самым большим среди них был Итиль — столица государства, выросший из ставки кагана и во все время жизни этого государства остававшийся зимовищем хазарской знати, продолжавшей кочевать в течение семи месяцев в году^[188].

В городе каган владел изолированной от остальной территории крепостью. Она и была, очевидно, тем военно-административным ядром, вокруг которого вырос затем ремесленный и

торговый центр всего государства^[189]. Итиль располагался на нижней Волге. В нижнем течении Дона находился еще один известный в средневековых источниках город — Саркел, раскопки которого показали, что это был не очень большой город, хотя через него и проходили степные торговые пути: с юга на север — сухопутный, с запада на восток — речной^[190]. Кроме этих городов, выросших из каганских крепостей, на берегу Азовского моря и в Крыму хазарскому правительству принадлежало несколько древних портов, усиленно отстраивавшихся и населявшихся в период расцвета Хазарского каганата^[191].

Создавшаяся крепкая экономика была надежной базой вполне устоявшихся классовых отношений. Как и хакасы, население этого каганата делилось на черных и белых. Черные — кара-будун — были податной частью населения. Белые — класс феодалов, складывавшийся из родовой знати. Знать в свою очередь была разделена на группы, стоявшие друг к другу в сложных иерархических отношениях. Верховная власть в каганате принадлежала кагану, избираемому на аристократическом съезде, но всегда из одного правящего рода. Впрочем, по свидетельству кагана Иосифа, власть передавалась по наследству от отца к сыну и съезд по существу только «ратифицировал» восшествие на трон нового кагана. Сохранявшийся обычай выборов и сопутствовавшие ему обряды свидетельствуют о пережитках патриархального строя или о пережитках времен военной демократии. Таков, например, обряд «удушения» перед избранием, описанный в X в. Ал-Истахри и Ал-Масуди: «Когда они желают поставить кого-нибудь этим хаканом, то приводят его и начинают душить шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: «Как долго желаешь царствовать?» — он отвечает «Столько-то и столько-то лет». Если он раньше умрет (то его счастье), а если нет, то его убивают по достижении назначенного числа лет царствования...»^[192] В этом жестоком обряде, перешедшем к хазарам, видимо, из Тюркского каганата^[193], отражается вера в божественную силу кагана-вождя. Он сам должен в состоянии эйфории определить, на сколько лет хватит этой силы. Когда она исчезает — вождь должен уйти. В период военной демократии вождь всегда выполнял и функции верховного жреца^[194], т. е. обладателя сверхъестественной силы. Каган был носителем такой силы. Поэтому все его действия были строго регламентированы и постепенно каган превратился в носителя древних традиций и потерял реальную власть. Государством правил царь. Его называли в источниках иша (шад).

Интересно, что и в других одновременных Хазарскому каганатах, кроме кагана, государством нередко правил шад. Чаще всего это был сын или брат кагана. Таким образом, двоевластие, как и «удушение», не были необычными явлениями, характерными исключительно для хазар. Однако в Хазарском каганате «двоевластие» абсолютно устранило кагана от управления своим государством. Объясняется это, вероятно, тем, что царь не принадлежал к роду кагана, как это было в других государствах, а выдвигался из числа наиболее влиятельной аристократии другой этнической группы, входящей в состав каганата.

Ал-Истахри писал, что «у хакана власть номинальная... хотя хакан и выше царя, но его самого назначает царь»^[195], ибн Руста добавляет к этому: «царь не дает отчета никому, кто бы стоял выше его... он сам распоряжается получаемыми податями и в походы ходит со своими войсками»^[196]. Войска обязана была поставлять, видимо, на основе вассальных взаимоотношений феодализировавшаяся родовая знать, «сколько могут они по количеству имущества своего». Кроме того, у царя было войско в 10—12 тысяч всадников, находившихся на жаловании.

В государстве был развитый бюрократический аппарат: правители портовых городов и завоеванных даннических областей (тудуны), сборщики податей, судьи и, вероятно, даже полиция, роль которой могли выполнять воины из царского войска (лариссии)^[197].

Таким образом, несмотря на своеобразную, характерную для кочевников «вуаль» патриархальных отношений, брошенную на все стороны жизни населения каганата, его социальный строй мы вполне можем считать развитым феодальным.

Большие оседлые земледельческие области, города с ремесленным производством, связанные друг с другом внутренней торговлей и администрацией, естественно, способствовали распространению единообразной государственной культуры на всей территории каганата, что также в свою очередь приводило к сплочению населения вокруг центральных областей, вокруг городов.

В настоящее время мы уверенно говорим о широком распространении тюркской рунической письменности в каганате, которой пользовались не только правительственные круги, но и рядовые жители, писавшие свои имена на стенах замков и делавшие надписи на бытовых предметах — баклажках, амфорах и пр.^[198] Очевидно, общепризнанным государственным языком в каганате был тюркский, хотя не исключено, что в отдельных областях разные этнические общности, отдаленные от центральных районов, говорили на своих языках.

Объединяющим фактором для всего населения была общность религиозных представлений. Примерно во второй половине VIII в. многоликая языческая религия была, видимо, несколько унифицирована. В государстве был принят общий культ Тенгри-хана — бога неба, солнца, огня. Культ всех этих элементов свойствен языческой религии, объединение их означает, по-видимому, стремление централизовать религиозные представления и возвысить власть кагана, который был олицетворением Тенгри-хана на земле^[199] (как в Кыргызском каганате).

В унификации религиозных представлений хазарские власти пошли еще дальше — они, как известно, приняли иудейскую религию. Впрочем, сделано это было скорее из соображений внешнеполитических^[200]. Наступавшие на каганат с юга и запада арабы-мусульмане и византийцы-христиане были основными врагами государства. Каган полагал, видимо, что новая религия лучше, чем языческий культ Тенгри-хана, уберет его подданных от религиозных воззрений вражеских государств. Письменные и археологические источники свидетельствуют, что к началу IX в., когда был принят иудаизм, население каганата во многих областях, особенно сопредельных с арабскими и византийскими провинциями, перешло к исповеданию христианства и мусульманства. Опасаясь не столько религиозного, сколько политического влияния и порабощения со стороны обеих империй, каганат выбрал для себя наиболее чуждую и враждебную им религию — иудейство.

Стремление сохранить и упрочить международное значение своего государства не ограничивалось, конечно, выбором религии. Каганат вел с соседями постоянные войны и дипломатическую борьбу, нередко участвуя в сложных внутренних интригах и вторгаясь в отношения между Арабским халифатом и Византией^[201]. В течение полутора столетий каганату удавалось удерживать свои владения и даже увеличивать их за счет северных соседей, которые выплачивали ему дань. Таким образом, войны носили уже политический захватнический характер, преследуя основную цель — захват новых территорий для обложения их данью.

Постоянная и деятельная борьба за объединение государства под властью хазар и в то же время разросшееся до уродливых форм «двоевластие» объясняются в первую очередь тем, что в каганат входило несколько сильных этнических общностей, отличающихся друг от друга по языку и даже антропологически^[202]. Прежде всего это было огромное количество болгарских племен как из числа живших в Дагестане, так и оставшихся в Приазовье после развала Великой Болгарии. В последнюю, кроме собственно тюркоязычных и родственных хазарам болгар, входили какие-то угроязычные орды. Кроме того, на территории каганата кочевали пока

неуловимые археологически предки венгров, образовавшие в начале IX в. собственное объединение «Леведию», входившую в состав каганата и подчиненную ему. Наконец, в каганат входили ираноязычные аланские племена, переселившиеся с Северного Кавказа в середине VIII в. в лесостепные области Подоалья. В эпоху расцвета каганата ему несомненно подчинялись на правах вассалов и князя алан, оставшихся в предгорьях Кавказа и только в X в., после ослабления каганата, создавшие самостоятельное государство Аланию [203]. Таким образом, обитавшее на территории каганата и объединенное под властью хазарского правящего рода население было разделено по крайней мере на три крупные этнические общности. Каждая из них имела не только свой язык, но и свои экономические и этнографические особенности, свою территорию. Поэтому мы можем сказать, что Хазарский каганат был федерацией таких общностей. В каждую из них входили разные племена, объединенные между собой языком, традициями, общим историческим прошлым. Очевидно, для того чтобы сложиться в народы, этим общностям необходимо было еще несколько спокойных столетий. Однако этих столетий у истории не оказалось — каганат был разгромлен во второй половине X в.

Итак, мы видим, что все выросшие на обломках Тюркских каганатов степные государства характеризуются общими чертами, которые определяли их внешнюю и внутреннюю жизнь и общие исторические судьбы.

Размеры государств (не более 1000—1500 км в поперечнике), получение названия от имени правящего рода, полуоседлая экономика, развитие ремесел и торговли, раннефеодальный строй с многочисленными патриархальными пережитками, высокая и единая материальная культура и расцвет на ее основе духовной культуры, появление и распространение письменности и общего государственного языка, возведение «всадничества» в государственную идеологию и даже в религиозное мировоззрение, установление культа единого бога, принятие мировых религий, государственная внешняя политика — борьба за приоритет и, наконец, сложение этнических общностей, постепенно, если было время, перерастающих в народы,— вот то общее, что характеризует государства, возникшие в степях почти синхронно и разделившие их на «сферы влияния».

Единство экономики и политики этих государств подчеркивается еще одной особенностью, а именно отсутствием в них собственного монетного чекана, хотя торговля была достаточно развита, чтобы способствовать распространению металлических денег. Правда, в Хазарском каганате известны попытки чеканить монеты-подражания византийским [204], но широкого применения они не получили и чеканка, видимо, играла более престижную, чем практическую роль. Не пользовались каганаты и чужими монетами, хотя и принимали их иногда в качестве платы за вывозимые товары и использовали затем в переплавке на украшения. Объяснение этому явлению мы находим, как мне представляется, у Маркса, который писал, что «кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой форме» [205]. По-видимому, деньгами в кочевых и полукочевых государствах оставался скот — основная обменная единица. В этом опять-таки сказывается приверженность населения каганатов к прежним патриархальным и привычным формам ведения хозяйства — к скотоводству.

Скотоводство (отгонное и кочевое) и всадничество — два основных фактора, делающих материальную и духовную культуру степных государств необычайно сходными и в ряде случаев по-существу тождественными.

Единство в быту, одежде и сбруе, в оружии и способах ведения войны, бродящие по степям общие былины и сказки, общие имена и общие эпические герои позволяют нам переносить наблюдения, сделанные на материалах одного каганата, на все остальные. В будущем это несомненно поможет не только исследовать с максимальной полнотой их культуру, но и

дополнить или понять недостающие звенья в их истории.

Современное состояние источников позволяет говорить о том, что в период образования и расцвета каганатов (в VI—X вв.) в степях кочевало огромное количество племенных объединений, сплачивавшихся под влиянием обстоятельств в этнические общности различной прочности и устойчивости. Следует помнить, что большинство этих общностей находилось в прямой зависимости от одного из каганатов, однако случалось, что внутри каганата или рядом с ним созревало новое объединение, которое в свою очередь и в свое время образовывало сначала военизированный союз племен, а затем — государство и народ.

Рассмотрим три конкретных примера. Все три государства характеризуются известным сходством исторических судеб при вполне естественных различиях исторических условий.

I. В IV в. последнее крупное ираноязычное объединение — аланы были разбиты гуннами. С этого времени хозяевами степей на многие столетия стали тюркоязычные племена и общности. Однако аланы, как и любое иное население в аналогичной ситуации, не исчезли с лица земли. Они приняли самое активное участие в гуннском движении на запад^[206]. Значительная их часть отошла к Кавказским горам и там в тесном контакте с местными кавказскими племенами создала культуру, ставшую одним из важнейших компонентов культуры Хазарского каганата.

Население, создающее культуру, должно владеть ремеслами, а это значит, оно стало уже оседлым или полuosедлым. Действительно, в предгорьях вести кочевой образ жизни было невозможно. Скотоводство у алан было отгонным (па альпийских лугах). Параллельно развивались разнообразные ремесла, особенно керамическое и ювелирное^[207]. Великолепные произведения гончаров (лощенная посуда), женские украшения, амулеты и мужские поясные наборы с характерным орнаментом придали своеобразие не только культуре собственно алан, но и культуре всех восточноевропейских кочевых народов I тысячелетия н. э., быстро внедривших эти предметы широкого обихода в свой быт.

Уже один только факт развития товарного производства говорит о развитом социальном строе раннесредневековых алан. У них были все условия для создания государства. Однако в соседстве с мощным Хазарским каганатом образование самостоятельного государства было невозможно. Зато аланы внутри своей в целом довольно ограниченной территории быстро начали сплачиваться в единый народ. Во всяком случае к моменту образования аланского государства (к середине X в.) кавказские аланы были уже не общностью, а народом. В X в. в Алании были города, своя аристократия и князь^[208]. Молодое государство вело собственную международную политику, князья заключали союзы с могущественной Византией. Для поддержания постоянного мира с нею и для противопоставления себя хазарам-иудеям, печенегам-язычникам, арабам-мусульманам аланы приняли христианство.

Мы знаем, что большое количество алан в середине VIII в., спасаясь от арабских погромов, переселилось (или откочевало?) в верховья Северского Донца, Оскола и Дона^[209]. Ко времени переселения аланы были уже народом со сложившимися традициями, обычаями, культурой. Все свои этнографические признаки они перенесли в верхнее Подонье. Однако в Подонье началось смешение их с другими этническими группами, входившими в Хазарский каганат — в первую очередь с древними болгарами (праболгарами), кочевавшими в Нижнем Подонье и Приазовье и постепенно в то же столетие продвигавшихся в более северные районы степи. Донские аланы как самостоятельная этническая группа внутри хазарского объединения не упоминаются в источниках. Не исключено, что даже язык этих алан стал со временем тюркским. Об этом свидетельствуют тюркские рунические надписи на стенах Маяцкого городища, расположенного в области распространения типичных аланских памятников и, судя по керамике и погребальному обряду, относящемуся в основном к кругу аланских древностей^[210]. Таким

образом, значительная часть алан приняла участие в хазарском этногенезе, войдя вместе с болгарами, самими хазарами, несколькими угорскими и тюркскими племенами и ордами в хазарскую этническую общность.

II. В середине VII в. хазары разбили приазовское объединение государственного типа — Великую Болгарию. Старший хан Батбай подчинился власти хазар и, слегла потеснившись в Приазовье и заняв новые земли по Дону, остался в восточноевропейских степях по существу полноправным правителем. Брат Батбая — хан Ас-парух со своей ордой, не пожелав покориться власти хазар, откочевал па Запад и остановился в удобных для пастбищного скотоводства землях на южном берегу Дуная.

В Подунавье именно он со своей военизированной ордой возглавил новое государственное объединение — Дунайскую Болгарию. В отличие от одновременно с ней образовавшихся каганатов Дунайская Болгария включила в свой состав племена самых различных этнических и языковых общностей: потомков местных фракийцев и славян, появившихся в этих районах всего на 50—70 лет раньше болгар^[211]. Несмотря на это при первых болгарских ханах дунайское государство болгар весьма напоминало обычное полукочевое государство. Во главе его стоял кочующий вместе со своим родом и родовой кочевнической аристократией хан (как в Хазарском каганате). У хана была зимняя резиденция в центре его домена. Этим центром служила ставка, впоследствии превратившаяся в первую столицу государства — Плиску.

Болгары, попавшие в Подунавье, кочевали довольно длительное время — почти полтора столетия и поэтому не оставили нам от того времени заметных материальных следов своего пребывания на этих землях. Земледельческую основу государства создавали славяне и местные племена. Этим они несомненно задержали оседание болгар, так же как среднеазиатские оазисные земледельческие государства, подчинившись тюркам, задержали переход последних к оседлости, к строительству собственных городов и поселений.

Тем не менее именно под воздействием своих сограждан и болгары постепенно начали переходить к земледелию — к X в. в государстве уже не было кочевников. Надо думать, что к этому же времени разноэтничная общность слилась в единый народ. Некоторое время болгары пытались, видимо, утвердить свой язык в качестве государственного. Они принесли с собой и руническое письмо^[212]. Однако наиболее экономически сильное славянское ядро государства победило — болгары начали активно усваивать славянский язык. В середине IX в. была принята новая письменность, ничего общего не имеющая с тюркскими рунами,— славянская кириллица^[213].

Единственное, что сохранялось в Первом Болгарском царстве от основателей его — кочевников-болгар, было всадничество, переросшее в IX в. в культ всадника-бога. О всадничестве, т. е. о внедрившейся в сознание населения идеологии всадников-воинов и о почитании их, свидетельствует большое количество изображений коней и всадников на стенах Плиски и Преслава. Датируются они не только временем расцвета культа всадника-хана (Мадарского конника), но и значительно более поздним временем полной христианизации страны преславского периода (X в.)^[214].

III. Расселение и откочевки хазарских болгар совершались не только на запад, но и на север, в частности на среднюю Волгу, где болгары образовали при слиянии с местным угрофинским населением государство, просуществовавшее в качестве самостоятельной политической единицы до монголо-татарского нашествия (первая половина XIII в.)^[215]. Сюда, на Волгу, начали переселяться уже оседающие в каганате болгары (в IX и X вв.), поэтому те элементы кочевничества, которые наблюдались при образовании Дунайской Болгарии, слабо прослеживаются в Волжской. Не чувствуется в ранней культуре этого государства культа коней

или всадничества. Объясняется это также и тем, что, стремясь освободиться от хазарского владычества и противопоставить себя кагану, волжские ханы приняли мусульманство, засушившее и выхолостившее всю степную кочевую романтику. Интересно, что несмотря на явное преобладание в Волжской Болгарии местного населения (угро- или финноязычного) победил и распространился в государстве тюркский язык. Произошло это оттого, что в отличие от Дунайской Болгарии, где слияние или соединение двух этносов происходило, видимо, мирно и победил при этом естественно язык количественного большинства, здесь происходило жесткое подчинение местных племен болгарской власти, внедрившей в государство свой язык. Письменность уже в X в.

была арабская — документы составлялись, видимо, даже не на тюркском, а на арабском языке. Таким образом, считать Волжскую Болгарию государством, происшедшим (или производным) от полукочевых степных государств, нельзя, несмотря на то что образовали ее выходцы из Хазарского каганата — несколько бежавших оттуда небольших болгарских орд, к тому же приобретших к IX в. земледельческо-оседлые навыки в производстве средств существования и в быту.

Однако внутри Волжской Болгарии обитали какие-то группы населения, которые в IX в. объединились в общность (языковую и культурную), отличающуюся ярко выраженным всадничеством. Археологи только начинают исследовать ее. Прямые аналогии культуре этой общности известны в восточных и юго-восточных областях, т. е. в кушнаренковской и каракуповской культурах^[216]. Исследователи связывают ее с венграми, известия о которых в письменных источниках относятся к IX в. Так, примерно в начале IX в. где-то на территории Хазарского каганата Константин Багрянородный локализует небольшое объединение, называвшееся Леведией^[217].

Что побудило часть населения Ириуралья и бассейна Камы уйти с насиженных мест? Письменные источники ответа на этот вопрос не содержат. Не исключено, что причина кроется в общей обстановке, сложившейся во второй половине VIII в. в степях. Кимакский и Хазарский каганаты вытесняли соседей с хороших пастбищ, отнимали земли для пашен. В начале IX в. болгары заняли большой участок в Волго-Камском междуречье. Видимо, все это способствовало обезземеливанию угорского населения, а это в свою очередь заставило наиболее дееспособных членов приуральской угорязычной общности двинуться сплоченной массой на Запад. Единой группировке не могли противиться болгарские правители, о чем можно судить по тому, что один из могильников этой группы (Больше-Тиганский) находился в непосредственной близости от основных городов Волжской Болгарии. Угорское военизированное население явно заняло в ней заметное место. Другой могильник (Танкеевский) свидетельствует о слиянии двух этнических группировок — болгарской и угорской в единое целое.

Те же процессы слияния происходили и на территории Хазарского каганата и еще западнее — в Ателькузе. Это тем более вероятно, что в болгарском населении каганата, оставшемся от Великой Болгарии, было большое количество угорских племен. К ним могли принадлежать все известные в источниках племена с окончанием имен на «гуры», в том числе и давно трактуемые учеными как болгарские оногуры и кутригуры^[218]. Это были те самые «угры белые», которые участвовали в войнах с Ираклием (VII в.) и которых хорошо знает и отличает от следующей угорской волны русский летописец^[219]. Новых угров летописец именовал «черными». Именно они, потеряв свои кочевья в приуральских степях в IX—X вв., начали проникать в восточноевропейские степи.

Мы уже говорили об этих венграх в предыдущих разделах книги, поскольку в пределах Хазарского каганата они находились на первой и второй стадиях кочевания. В первые годы X в. венгров из Ателькузы изгнали печенеги. «Турки (т. е. венгры.—С. П.), обратившись в бегство и

ища новой земли для поселения, пришли и выгнали жителей из Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут поныне», — так рассказал об этом Константин Багрянородный [220]. С этого начинается история венгерского государства. Русский летописец останавливается на нем, вполне отдавая себе отчет о значении этого факта: «устремишася (угры.— С. П.) через горы великия яже прозвашася горы Угорьския и почаша воевати на живуцая ту волохи и словени... Посем же угрии прогна-ша волохи и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки и поплеишша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня» [221].

Таким образом, как и болгары в Дунайской Болгарии, венгры слились здесь со славянами, однако языком-победителем остался венгерский. Нам кажется, что причина этого различия с болгарями заключается в некотором различии исторической обстановки. Мы видели, что в Болгарии слияние произошло сравнительно мирно: славянский язык не считался языком врагов — им, судя по славянскому названию столицы (Плиска), пользовались наряду с тюркским. Славян не изгнали и даже не потеснили с занятых территорий — очевидно, славянских поселений не было на землях, захваченных праболгарами и военного столкновения не получилось. В Паннонии, судя по словам Константина Багрянородного и русского летописца, венгры прежде всего должны были отвоевать себе жизненное пространство, изгнав славян и волохов. Впрочем, часть (видимо, значительная) славян осталась на прежних местах и в первое время их хозяйство (как в Болгарии) играло роль земледельческой базы вновь организованного государственного объединения. Сами венгры, чтобы утвердиться на захваченных землях, начали активную военную деятельность, воюя с соседями и Византией. Славяне, еще совсем недавно бывшие гражданами собственного государства Великой Моравии, деря^ались, вероятно, враждебно. Венгры же, возглавив государство, требовали от всех своих новых подданных владения своим языком. Так утвердился в Паннонии угорский язык.

Очень быстро венгерское государство стало государством с устойчивой земледельческо-скотоводческой экономикой. С кочевым прошлым венгров связывали только глубоко внедрившиеся в быт всаднические традиции (конная армия, сабли в качестве основного оружия, погребения всадников с оружием и конями и т. п.).

Итак, в евразийских степях после падения Тюркских каганатов во второй половине I тысячелетия н. э. обстоятельства складывались так, что кочевнические орды — выходцы из степей, проникая на оседлые территории и воссоединяясь мирным или военным путем с местными оседлыми племенами, образовали еще несколько государственных объединений. От присоединенных земледельцев они (как и тюрки в Тюркском каганате) получали крепкую экономическую базу, а сами, обладая сильным военным потенциалом, обеспечивали населению относительную безопасность, предпочитая к тому же грабить не это население, а соседей, с которыми вели постоянные войны. Все это способствовало сложению экономики, процветанию ремесел, возникновению высокой духовной общей с побежденным населением культуры и, главное, сложению из разноэтничных общностей единых народов (болгар, венгров и пр.).

Почти в «полуглобальном» масштабе все эти процессы жестоких и стремительных завоеваний, разорение и гибель оседлого населения и его культуры, создание на основе разрушенных цивилизаций новой культуры, которую можно назвать синкретической, прекрасно прослеживаются на примере сокрушающего монгольского нашествия Чингисхана и последующего за этим образования нескольких несомненно процветавших государств — орд [222].

По существу история огромной империи Чингисхана, его завоевательных войн, создание после его смерти отдельных меньших государств — орд, весьма напоминает историю сложения Тюркского каганата и возникших в степях после его гибели государственных образований,

внутри которых спланивались в народы различные тюрко-язычные этнические общности.

Начиная с Чингисхана в степях значительное место занимают монголоязычные орды. От Тибета до Черного моря прокатился по степям монголоязычный вал, поскольку в Империи, а затем и в Ордах монгольский язык был государственным.

До нас дошло большое количество источников, рассказывающих о зарождении монгольской империи, о Темуч-жине, которого монгольские ханы избрали ханом над собой и нарекли Чингис-хаганом (кааном) ^[223], а следовательно империю Чингисхана мы имеем право именовать каганатом, как и тюркское государство VI—VII вв. История образования, развития и захирения монгольского государства характеризуется в целом теми же чертами и событиями, что и остальных степных государственных объединений начиная с Хунну и сяньбийцев и кончая каганатами VIII — X вв.

Рассмотрим эти черты, возможно полное выявление которых осуществимо благодаря обилию дошедших до нас источников и особенно важно потому, что многие из них ретроспективно можно переносить на более ранние государства. Во всяком случае неясные, глухо освещенные источниками явления, происходившие в кочевнических государствах более раннего времени, в ряде случаев именно благодаря источникам монгольского периода становятся понятными или хотя бы гипотетично объяснимыми.

Благодаря «Сокровенному сказанию» и «Истории монголов», написанной персом Рашид ад-Дином, мы хорошо знаем первые шаги образования монгольской империи. Монголы кочевали на определенных каждому айлу (семье) участках, а это значит, что они находились на второй стадии кочевания. В «Сокровенном сказании» подробно рассказывается о начавшемся еще до Темуч-жина брожении в ононских степях, о вражде племен, о борьбе их за главенство, о кровной мести, о возвышении одних родов и подчинении или гибели других. При этом постоянно подчеркивается существование в степях двух социальных групп населения: баатуrow, которые роднятся между собой и решают судьбы остального населения, и простых пастухов — неравноправных членов айлов. Совершенно ясно, что баатуры были родовой аристократией монгольской этнической общности. Ясно также и то, что им было тесно в степях. Баатуrow было много, земель же, скота, подданных и работников мало. Этим и объяснялось постоянное кипение в степях — угоны скота, истребление одного рода другим с обязательным уводом в плен женщин и детей, захваты чужих территорий. Среди разделившегося на классы общества невозможно было существовать патриархально-родовым коллективам. «Люди, что стоят на речке Тунгелик, живут — все равны: нет у них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта. Ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим», — так говорил Бодончар своему брату. И пятеро баатуrow захватили все большое кочевье, и «стали те у них слугами-холопами, при табуне и кухне» ^[224]. Таким образом, этот небольшой пример говорит о том, что задолго до рождения Темучина монголы разделились на классы, у них выделился значительный пласт родовой аристократии, жаждущей легкой наживы в войнах и набегах. До поры эти баатуры ограничивались грабежами внутри своей степи. Но они были уже подготовлены всем ходом истории к более обширным завоеваниям, к далеким походам. Требовалась организация и человек, который бы возглавил эту организацию. Появление в монгольских степях Темучина, выбранного за безжалостность, жестокость и непобедимость каганом в 1206 г., не было неожиданностью.

Завоевания Чингисхана в два десятилетия расширили государство на тысячи километров. В него были включены народы и государства, уже тысячелетиями существовавшие, с разработанной классовой иерархией. Однако представляет интерес тот факт, что Чингисхан в своей империи предпочел установить собственную иерархию, аналогичную той, которая была выработана в предшествовавших монгольскому степных государственных образованиях. Прежде

всего была сохранена родо-племенная система. Общество делилось на племена, на сходках которых выбирались вожди — ханы, нередко объединявшие две функции административную и жреческую. Сам Чин-гис также был выбран па сходке.

С другой стороны, вся административная система была военизирована, делясь на десятки, сотни, тысячи, тьмы, так же как и в других степных государствах-завоевателях. Вассальные, т. е. ярко выраженные феодальные, отношения связывали хаанов только с их нукерами (дружинниками). Пожалуй, ко времени воцарения Чингиса можно было говорить, что побеждает в степях не тот хан, чей род (племя) сильнее, а тот, у кого больше нукеров и у кого они сильнее и вернее. Личная дружина Чингиса достигла 10000 воинов. Это было ядро армии, и в то же время они были обязаны следить за внутренним порядком в огромной империи (как лариссии у хазарского царя).

Завоевания предоставили в распоряжение империи почти неисчерпаемый экономический потенциал, поставили в зависимость от кочевников массу земледельцев и ремесленников [225] и этим на столетия приостановили естественный процесс оседания, который всегда шел внутри любого кочевого, организованного в государство сообщества. Монголы времен Чингиса и его ближайших преемников практически все были воинами, т. е. вели кочевую походную жизнь, занимались облавными охотами в мирное время и грабежом в военное. Крупные аристократы, поддерживавшие Чингиса, и его любимые нукеры занимались, помимо войны, и административной деятельностью. В степях начали появляться административные центры, постепенно перераставшие в города. Возникали они на местах зимних становищ, которые издревле были постоянными. Очевидно, те явления, которые прослеживались в других кочевых государствах, медленно проникали и к монголам. Так, на местах зимовищ, судя по сохранившимся сведениям, оставались какие-то, видимо все-таки неимущие, монголы. В одном из китайских источников сообщается, что на зимовище у р. Керулен «есть несколько лачужек с земляными кровлями, много возделывают землю, но сеют только коноплю и пшеницу», а в районе г. Каракорума «жители много занимаются земледелием и орошают поля водопроводами (арыками), попадают и огороды» [226]. Сам же г. Каракорум быстро превратился из ставки хана и административного степного центра в настоящий город с собственными ремесленниками и оживленной торговлей. В Каракоруме, как и в хазарском Итиле, находилась зимняя ставка хана.

Таким образом, несмотря на огромные земледельческие ресурсы, захваченные монголами в Китае, Средней Азии, Восточной Европе, монголы, как и все рассмотренные нами выше кочевые народы, с организацией государственного объединения типа империи поддались общим процессам: возникшее экономическое неравенство и резкое деление населения на классы привело к появлению даже в сердце монгольской империи экономически неимущих кочевников, вынужденных наряду с покоренными народами заниматься земледельческим трудом. Следует сказать, что монгольская знать и богачи быстро освоили для жилья утепленные капами (внутренним отоплением) дома и дворцы, явно предпочитая их в зимнее время юртам. Летом же богатые монголы выезжали в степи, где пастухи пасли скот, а знать занималась облавными охотами, которые были для монголов прекрасной школой войны [227]. Тем не менее навыки земледелия, навыки оседлой жизни мощной струей вливались в монгольскую державу.

Развитая экономика, классовый феодальный строй, войны за мировое господство, т. е. за политическое преобладание, при которых не разоряли экономику захваченных стран, а заставляли ее служить себе вместе с податным населением,— все это типичные черты степного, государства. Огромные размеры этого государства, состояние постоянной войны, абсолютизм, доходивший до культа, позволяет называть его империей и сближать с империей Хунну времен шаньюя Модэ, империей Аттилы, Тюркской империей VI в. Многотысячекилометровые степные государства, объединявшие сотни народов и этносов, только что потерявших

самостоятельность и поэтому, естественно, полных центробежных стремлений, могли существовать лишь под властью исключительно сильной личности. Поэтому, как правило, они распадались сразу же после смерти «императора».

Распалась и империя монголов. Уже при жизни Чингисхана из нее начали выделяться отдельные улусы, или Орды^[228]. Как уже говорилось, монгольские Орды напоминают каганаты, возникшие на руинах Тюркского. Так, Золотая Орда во многом повторяет историю развития Хазарского каганата.

Рассмотрим основные черты, сближающие эти два степных государственных образования.

1. Прежде всего оба они занимали крайний запад евразийской степи, вплотную подходя к границам оседлых земледельческих европейских государств. Территория их фактически почти совпадает: Поволжье, Подонье, Предкавказье, Крым и Приазовье. Власть над степями простиралась у тех и других до Днепра и даже далее — до Днестра и Прута. Правда, хазары столкнулись в правобережных днепровских степях и Поднестровье с отошедшими сюда венграми и с передовыми постами Первого Болгарского царства и поэтому не смогли захватить эти районы (близкая с развитой хазарской культура Болгарского царства прослеживается на всех степных памятниках Прутско-Днестровского междуречья). Ханы Золотой Орды не встретили никаких препятствий в днепровском правобережье, и потому все степи западнее Днепра были подчинены им. На территории современной Молдавии локализовался даже отдельный центр золотоордынской культуры^[229].

2. Поскольку территории, занятые обоими государствами, разнятся только незначительными деталями, соседи их были теми же, несмотря на полтысячелетие, отделяющее одно государство от другого. Наиболее крупными и серьезными врагами у каганата были сначала славянские племена, частично платившие кагану дань, а позднее молодое, только еще складывавшееся государство — Киевская Русь, а у Орды — побежденные, но не покоренные русские княжества.

3. Вассальными формирующимися государствами Хазарского каганата вплоть до начала X в. были Волжская Болгария и Алания. В тех же отношениях они находились и с Золотой Ордой. При этом культура их влияла на сложение культуры Орды.

4. Население Хазарского каганата в основной массе состояло из подчинившихся хазарской власти оседающих болгарских орд. Самых хазар было в государстве немного. Так было и в Золотой Орде, основным населением которой были кипчаки (половцы). Существенным отличием являлось, правда, то обстоятельство, что хазары не уничтожили болгарскую родовую аристократию, результатом чего явился захват ею фактической власти в каганате. В Золотой Орде половецкая знать была безжалостно вырезана. Последнего половецкого «смутьяна» — Бачмана с группой удальцов лично зарубил на одном из волжских островков брат Менгу-каана Бучек^[230]. Монголы сами стали правящей аристократией кипчаков, превратив последних в податный слой населения, постепенно от бедности начавший оседать на зимовищах у речных переправ, рыбных промыслов и т. п.^[231] Несмотря на частичное оседание кипчаков не они стали создателями земледельческой — оседлой и ремесленной — экономической базы

Орды. Земледельцами в Орде были другие покоренные народы, а ремесленниками — нагнанные с полумира мастера побежденных стран. Особенно много их было захвачено на мусульманском Востоке. Именно поэтому культура Орды сразу стала подчеркнута мусульманской, несмотря на то, что даже Батые хоронили еще по языческому монгольскому обряду. Об этом с раздражением писал ал-Джизджани: «У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом»

Своеобразная, хотя и несомненно синкретическая, культура Золотой Орды (опять-таки, как и культура Хазарского каганата) складывалась и расцветала в золото-ордынских больших и малых городах.

Центр Орды находился в Нижнем Поволжье, поэтому большинство крупных городов строилось именно там, хотя и в других захваченных землях монголы возводили новые города (на Северном Кавказе, в Крыму, в Молдавии). Все они были отстроены по приказу правящих ханов без оборонительных стен. Стены не разрешалось возводить потому, что ханы боялись проявления малейшей самостоятельности со стороны населения, собранного в городе. Незащищенный стенами город был подвержен любой прихоти хана: мог быть разрушен, сожжен, жители его могли быть поголовно вырезаны. Население городов — ремесленники, купцы, рабы знатных семей — было не монгольским и поэтому оно могло бы, конечно, подняться против монголов, которые были правящим классом в Золотой Орде.

5. Большинство золотоордынских городов было выстроено на новых местах — на пустынных берегах рек^[233]. Однако, естественно, взяв какой-либо крупный город, стоявший на выгодном и удобном месте, монголы не разрушали его до тла. Приказывали только срыть стены. Затем налаживали в нем жизнь такую же, как и в новых городах. Правда, если у новых городов основная функция была административная, то у старых она оставалась прежней. Так, захватив портовые торговые города Крыма, монголы через них установили торговые связи с Передней Азией и Европой, т. е. население этих городов продолжало свою торгово-ремесленную деятельность под новой властью. Это происходило так же, как и при хазарах, которые, захватив Крым, всячески старались поощрить развитие экономической жизни этой области.

6. Внутри Золотой Орды шел интенсивный процесс слияния этнических общностей в новое этническое образование. Об этом свидетельствует известный рассказ ал-Омари о Дешт-и-Кипчак, в котором он пишет, что татары смешались с кипчаками, «и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)»^[234].

По археологическим материалам мы знаем, что примерно те же процессы протекали в степи и в хазарское время. Они были характернейшим явлением любого степного государства, возникавшего в Евразии в эпоху средневековья.

7. Золотая Орда просуществовала недолго — всего около 200 лет, т. е. примерно столько же, сколько длился второй период жизни Хазарского каганата. В этот период не успела окончательно сложиться культура государства, не сложился и единый народ. Орда пала сначала под ударами Тимура, затем — русских войск. Интересно, что и каганат кончил свою жизнь под копытами коней печенегов и после них — русских дружин Святослава.

От каганата остались в степях какие-то отдельные, нередко разноэтничные образования, большей частью влившиеся в орды новых кочевников. Орда также развалилась на несколько небольших ханств, долгое время тревоживших набегами Московское государство. Только после появления в степях казачества кочевники уступили европейскую степь земледельцам.

Наиболее характерной чертой всех кочевнических государств, быстро переходивших под воздействием ряда исторических обстоятельств к полuosедлому существованию, было, помимо значительной доли скотоводства в экономике страны, всадничество. Мы проследили его проявления во всех рассмотренных выше степных государствах. Естественно, был культ всадничества и в Орде. Однако, как и в Волжской Болгарии, из-за мусульманства, которое стремительно распространилось в этом растущем феодальном государстве, он был меньше заметен (слабее отражался) в материальной культуре и в обрядности. В духовной культуре — в

эпосе, в легендах, сказках, обычаях — он несомненно проявлялся очень выразительно. В частности, необычайно ярко идея героя-всадника выступает в «Сокровенном сказании». Принятые и даже введенные в государственную повинность облавные охоты в мирное время также необычайно способствовали героизации всадника-воина — степного рыцаря. Похожие на облавные охоты сборы податей также возвеличивали беспощадных к врагам и немонголам воинов.

Следует сказать, что эта черта полукучевых (или бывших кочевых) государственных образований прослеживается всюду на арабском Востоке. Культ рыцаря, правоверного воина-всадника был весьма распространен прежде всего среди арабов^[235]. Правда, непонятно, почему этот культ не отразился в арабском фольклоре — знаменитых арабских сказках. В них вообще отсутствует героический образ воина-завоевателя. Там сложнейшие приключения выпадают, как правило, на долю купеческих сыновей, т. е. «бюргерства». Видимо, сказки были основательно переработаны именно в городской многоэтничной среде в те столетия, когда арабские купцы, путешественники, ученые из арабских халифатов заполнили весь Старый Свет.

В VII в. кочующие на своих участках арабские племена соединились в государственное образование — халифат. Новая религия — мусульманство — как нельзя лучше способствовала идейному и политическому единению арабов. Начались грандиозные завоевательные арабские войны.

Все эти ступени развития, как нам представляется, весьма напоминают только что рассмотренные нами вехи монгольской истории. Арабы, как и монголы, завоевали «полмира» — от Кавказа до Пиренеев. На этой громадной и поэтому почти неуправляемой территории неизбежно выросли новые государства-халифаты, в целом аналогичные каганатам и Ордам тюрок и монголов.

Характерно, что завоеватели так и оставались кочевниками. Они не оседали на землю, т. е. не приобщались к земледельческому труду (за редкими исключениями). В основном оседающие арабы осваивали старые восточные города, в которых уже были развиты ремесленные производства и торговля (внутренняя и внешняя). В этих городах, так же как и во вновь основанных, арабы чаще всего занимали административные должности и были придворными при халифских дворцах. В государствах, которые возглавляли арабы, кочевое скотоводство нередко вообще отсутствовало или, во всяком случае, не играло ведущей роли в экономике страны.

Завоевания и концентрация в результате этих завоеваний культурных и производственных сил в центрах, находящихся под защитой непобедимых войск, привели к сложению замечательной, синкретичной по содержанию так называемой арабской культуры^[236].

Культура эта была многоэтнична, так же как и население халифатов. Несомненно, основными объединяющими чертами арабской культуры были, помимо религии, язык и, главное, арабская письменность, изысканность которой делала ее нередко одним из основных элементов орнамента (арабесок).

Несмотря на единство религии, внедрение государственного языка, распространение письменности и даже художественных вкусов, внутри халифатов не сложилось единой этнической общности и тем более — единой народности. В каждой захваченной арабами стране пароды оставались прежними, и арабы, даже в случае активного освоения ими новой земли, растворялись в ее населении.

Очевидно, здесь вступали в силу те же закономерности развития, что и в монгольских Ордах, в которых «земля одержала верх над природными и расовыми качествами» завоевателей.

Арабы и монголы остались как этническое целое (как народ) только на собственной

территории — в степях и полупустынях, откуда они начали свои многотысячекилометровые стремительные рейды и завоевания.

Таким образом, сравнительный анализ процессов, протекавших внутри государственных степных образований, показал, что несмотря на разницу в веках, территориях и этносах развитие этих государств было подчинено достаточно четко выявляющимся общим закономерностям, распространявшимся на все стороны жизни этих государств:

экономической: обязательное создание комплексной земледельческо-скотоводческой базы;

социальной: разделение общества на два основных класса — «черных» и «белых»;

культурной: возникновение ремесленных производств и сложение общей синкретичной материальной культуры;

этнической: сложение этнических общностей, растворение завоевателей в побежденных этносах, нередкое принятие единого языка разными этносами, что в конце концов приводило к сложению народностей;

политической: создание сильного административного аппарата и скованной железной дисциплиной, прекрасно организованной армии, борьба за политическое господство в окружающем внешнем мире;

духовной: распространение единой идеологии всадничества, единых культов и мировоззрения, распространение письменности и сложение эпоса, наполненного степными «бродячими сюжетами», и, наконец, принятие одной из мировых религий — мусульманства, христианства, буддизма, иудаизма.

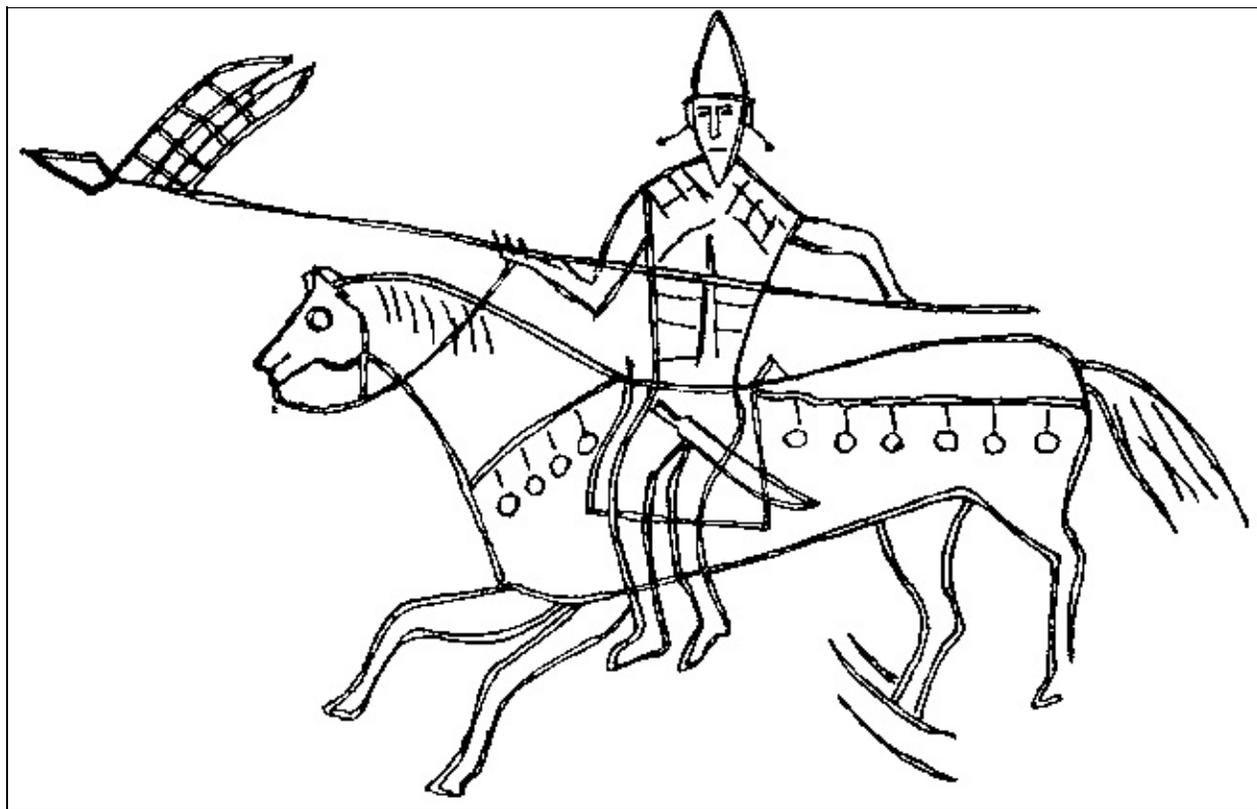
Прослеженные нами закономерности характерны для всех кочевых обществ, экономическое и социальное развитие которых было на том же уровне развития, что и в рассмотренных нами средневековых степных государствах Евразии.

Глава четвертая СУДЬБЫ СТЕПНЫХ ГОСУДАРСТВ И ОБЪЕДИНЕНИЙ

Процессы, протекавшие в степях в периоды возникновения и расцвета степных государств, несмотря на различия во времени и месте событий, как мы видели, удивительно едины. Объясняется это теми закономерностями развития, которые нам удалось выявить при сравнительном анализе нескольких наиболее крупных и хорошо изученных государственных объединений.

Условия, способствовавшие падению государств, можно, как нам представляется, разделить на четыре основные группы.

Первая группа включает внешнеполитические события. Степное государство терпит сокрушительное поражение со стороны более сильного соседа или же, что еще хуже, со стороны кочевых орд, находящихся на первой стадии кочевания — стадии нашествия. В последнем случае земли государства оказывались захваченными под пастбища нового населения. Впрочем, в обеих ситуациях,

помимо военного потенциала, уничтожалась экономическая база государства — вытаптывались пашни и сады, сжигались поселения, разорялись города, гибли ремесла и торговля.

Вторая группа условий объединяет внутривнутриполитические события. Это прежде всего междоусобицы. Раннефеодальное государство разрастается, родовые аристократы становятся феодалами, жаждут самостоятельности и начинают борьбу с центральной властью. Центробежные стремления при слабости центральной власти, наступающей в результате длительного пребывания у кормила одного постепенно вырождающегося рода, неизбежно приводили государство к расколу и краху. Междоусобицы переходили иногда и в гражданские

войны, т. е. к феодалам примыкал и «черный люд». Тогда всеобщее разорение затрагивало и экономику страны, ослабление которой и движение к полному краху протекали более стремительными темпами.

Третья группа условий — климатические изменения. Климат резко ухудшался, наступал длительный засушливый период или же сильное похолодание, сопровождавшееся длинными снежными зимами, которые не мог вынести пасущийся круглый год на естественных выпасах скот. Случалось, что на государство обрушивалась какая-то страшная болезнь, губящая скот или и скот, и людей одновременно. Совершенно ясно, что в этой ситуации в первую очередь гибла экономика страны, что влекло за собой все остальные несчастья.

Четвертая группа как будто прямо противоположна трем первым. Экономика процветает — стада растут, население поселений и городов множится. Происходит своеобразный «демографический взрыв», который приводит к частичной гибели экономики и к настоящей необходимости отселения (перекочевки) части населения из страны на новые земли.

Таким образом, мы перечислили возможные группы условий или причин гибели государств в чистом, как бы рафинированном виде.

На самом деле в реальной обстановке все эти условия нередко вытекали одно из другого, были крепко связаны друг с другом, накапливались нередко постепенно и, выявившись, неожиданно и единовременно приводили любую, далее крепкую государственную организацию к крушению и полному исчезновению.

Можно назвать десятки реально существовавших «моделей», соединяющих в себе серии губительных причин. Все они в зависимости от преобладания той или иной конкретной причины приводили полукочевое «всадническое» население разваливающихся степных государств к различным вариантам переразвития.

Первый вариант наиболее распространенный. Уничтожение экономической базы и недостаток земель приводили к тому, что самая активная часть населения вновь садилась на коней и под руководством лихих вождей вставала на «тропу войны», т. е. переходила к нашествиям, захвату новых земель, к первой стадии кочевания. Другая часть населения этого государства оставалась на прежней территории и нередко становилась этнической основой государства завоевателей.

Обыкновенно этническое имя населения этого государства переходило вместе с завоевателями на новые государственные объединения. Таким образом, этническая общность с единым этническим именем продолжала свою политическую историю — ее имя не сходило со страниц истории или появлялось на них через какой-то промежуток времени.

Второй вариант заключался в том, что разбитое и завоеванное население оставалось на прежних землях, подчинившись завоевателям. При тотальном разгроме, сопровождавшемся уничтожением людей, у побежденного населения не находилось сил, которые бы позволили ему двинуться для захвата новых пастбищ. Правда, нередко часть населения, не желая подчиниться завоевателям, уходила (эмигрировала) из родных степей и просила убежища у более сильных соседних государств. Однако основная масса продолжала свое существование под властью новых орд. Она теряла при этом свои наиболее удобные уголья, политический престиж и свое прежнее имя.

Характерно, что оба пути вели к почти полному уничтожению прежней, созданной в государстве материальной и, очевидно, духовной культуры. В культуру завоевателей она входила только незначительной составной частью. Те же, кто сами становились завоевателями, быстро теряли свою прежнюю культуру, сохраняя только отдельные ее элементы, касающиеся в основном вооружения, т. е. орудий производства кочевника в периоды нашествий.

Третий вариант переразвития складывался обыкновенно в тех случаях, когда завоеватели не

захватывали землю, а присоединяли ее к своему обширному государству, побежденное же население облагалось более или менее тяжелой податью. Государство как политическая самостоятельная единица, естественно, переставало существовать, но население сохранялось полностью (исключая довольно большое количество молодых людей, погибших в войне). Однако гибель значительной части молодых, активных сил и самый факт поражения деморализовывал покоренных настолько, что они примирались с разгромом, особенно если победители мало отличались от них этнически.

Население обычно не теряло даже уже сложившегося в рамках прежнего государства этнического единства, и поэтому нередко этнические общности спокойно «дозревали» под чуждой властью в исторически хорошо известные, дожившие до наших дней народы. Политическую же международную известность эти складывавшиеся народы постепенно теряли — их знали только ближайšie к ним соседи.

Четвертый вариант бывал следствием междоусобиц. Огромные империи разваливались на ряд более мелких государств, управляемых членами правящего рода «материнской империи». В них шло активное формирование народов со своей собственной культурой.

Наконец, пятый вариант развития проходил вообще без катаклизмов — настолько мирно, насколько это позволяла жестокая эпоха средневековья. Сильные, в целом незаинтересованные в общении соседи, невозможность расширить за их счет территорию, постепенное ухудшение климатических условий, ведущее к снижению экономического потенциала, и связанные со всем этим застой и медленное затухание культуры характеризует пятый путь. Следует отметить, что ситуация в целом вела как и военная катастрофа, к забрасыванию пашен и к переходу от оседлости к кочевому образу жизни. Созданная еще сильным государством этническая общность продолжала существовать и складывалась в единый народ. Иногда из нее выделялись небольшие группы, получавшие собственные наименования и заселявшие смежные районы. Если группа разрасталась, то впоследствии она также формировалась в близкородственный основному этническому массиву небольшой народ.

Культурное развитие таких народов постепенно отставало от развития соседей. Оно как бы останавливалось на том моменте, когда государственное объединение переставало жить активной политической жизнью.

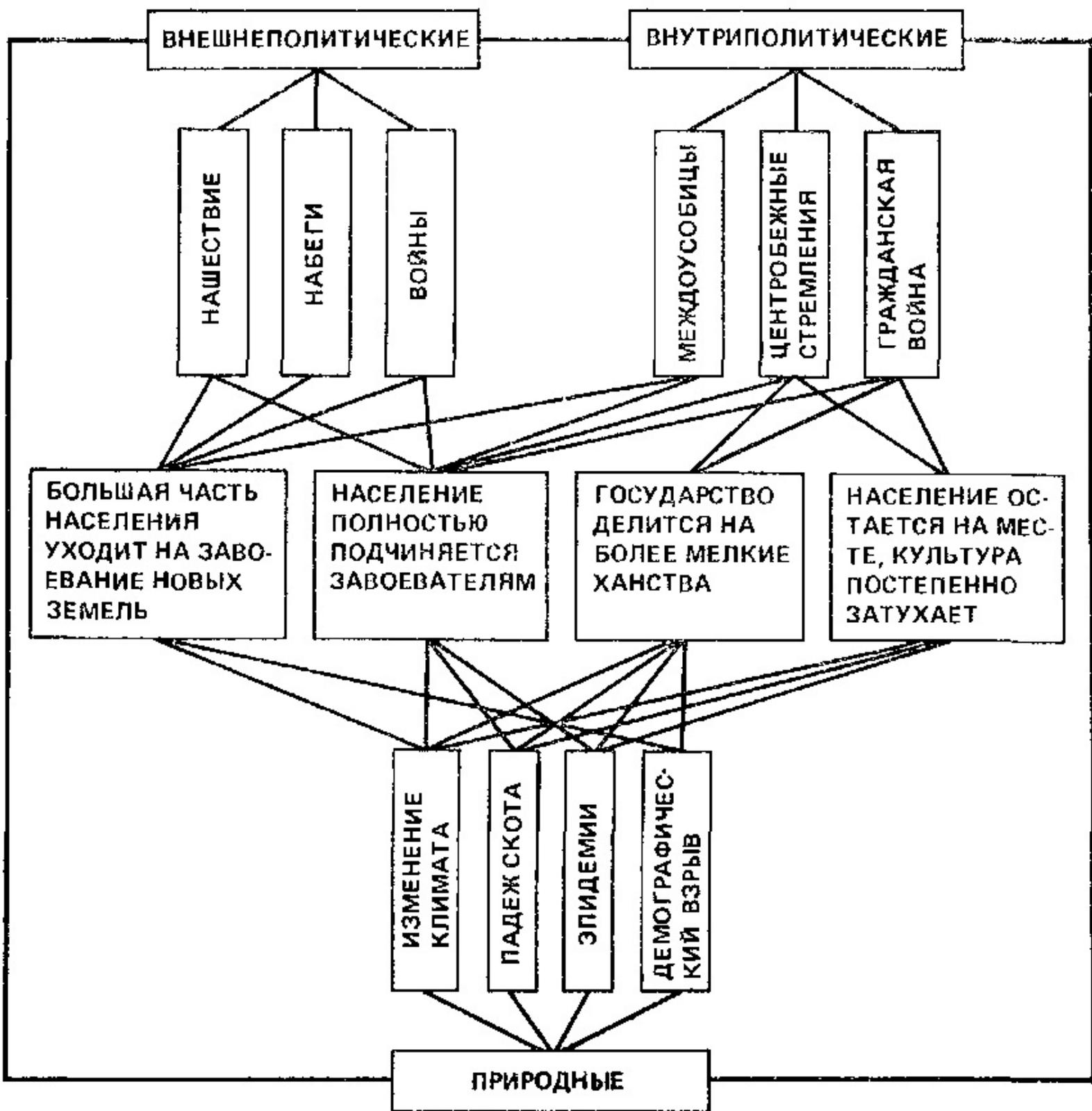
Таковы основные варианты (пути) переразвития мощных кочевнических объединений, существовавших в степях в эпоху средневековья.

Рассмотрим конкретные исторические примеры с наиболее выраженными моделями причин и вытекающими из них последствиями, т. е. путями переразвития государств и государственных объединений. Следует сказать, что мы остановимся па судьбах не только степных государств (империй и каганатов), но и крупных объединений государственного типа, не успевших стать государствами. Те и другие представляют для нас равный интерес, поскольку принадлежность их к определенному типу политической организации также является обстоятельством или причиной, обуславливающими судьбу входящего в него населения.

Наиболее характерным примером первого пути переразвития являлась история империи Хунну, которая этап за этапом была рассмотрена нами в предыдущих главах. Основной причиной гибели государства было вторжение сяньбийских орд Таншихая, о чем мы уже говорили в первой главе. Однако были, конечно, и другие причины.

Империя Хань постоянными интригами и военными действиями добилась раскола хунну на южных, подчинившихся Хань в качестве пограничных вассалов, и свободных северных. Интересно, что нередко китайцы, узнав о готовящемся походе, просто травили ядом активного шаньюя и этим вносили временное замешательство в дела северных соседей. Эта методика устранения соперников через несколько десятилетий стала весьма типична и внутри империи

Хунну. Так, вначале Ив. шаньюи Мо, Хань, Ди, Су, Чжан менялись почти каждый год. В государстве шла тихая междоусобная борьба, в ходе которой каждый шаньюй, не успев взять власть, умирал по неизвестной причине^[237]. От неустойчивости центральной власти империя Хунну неизбежно теряла силы, что с удовольствием констатировали хронисты Китайской империи: «В сие время у северных неприятелей происходили великие замешательства, к которым присоединился голод от саранчи»^[238]. В этой фразе, как мы видим, говорится не только о внутренних политических неурядицах, но и об

Рис. 4.

Схема взаимодействия причин и следствий гибели степных государств

усложнении экономического положения страны в результате «естественных» природных бедствий. Таким образом, сумма обстоятельств привела хунну к необходимости искать в

длительном нашествии новых пастбищ, богатств (добычи), стад. Повернулось колесо истории, и устойчивая этническая общность распалась, государство развалилось и его население вновь перешло на круглогодичное кочевание, пройдя огнем и мечом и затоптав копытами огромных стад многие города и культуры, уничтожив десятки и сотни тысяч людей и вовлекая в нашествие большое количество чужих, разноэтничных и разноязыких орд.

Следует сказать, что переход к нашествию и первой форме кочевания происходил чаще в тех случаях, когда у кочевников еще не сложилось вполне устойчивой экономической комплексной базы и государства. Обычно к нашествиям были готовы перейти орды, находившиеся на второй стадии кочевания и объединенные в образования государственного типа, которые нередко можно было за величие и могущество считать и величать империями.

Примером может служить прежде всего Тюркский каганат, кочевое население которого так и не перешло к земледелию, поскольку земледельческой его базой стало завоеванное население среднеазиатских оазисов^[239]. Основной причиной (условием) гибели каганата были многочисленные междоусобицы. О них хорошо были осведомлены как дипломаты и хронисты далекой Византии, так и политики Китайской империи. Рассказывая о военных действиях тюрков в Закавказье, Феофилакт Симокатта писал: «В ту минуту, когда победа уже, по-видимому, улыбалась кагану, среди тюрков разразилась гражданская война»^[240]. Несколько десятилетиями позже китайский император говорил своим приближенным: «Ныне у тукю-есцев происходят гибельные смятения. Власть хана не признают...»^[241] Таким образом, в отличие от хунну, у которых шаньюев просто тихо травили, здесь между претендентами на престол шла кровопролитная борьба. По мнению Л. Н. Гумилева, народ и даже дружины ханов не были заинтересованы в этой борьбе, так как ослабление центральной власти всегда вело к ослаблению государства в целом, а походы ханов разоряли население, т. е. подрывали экономику. В VIII в. каганат стал распадаться. Удары подстрекаемых Китаем карлуков, интриги империи, создание на территории каганата нового образования — Уйгурского каганата — все это уже не смог выдержать Тюркский каганат.

Помимо Уйгурского, в степях образовалось несколько каганатов-наследников. Мы видели, что все они прошли путь начиная с первой стадии кочевания, т. е. находились на вполне определенной и традиционной ступени экономического, общественного и этнического развития.

После гибели Тюркского каганата на его крайне западных землях, в Причерноморье, была создана Великая Болгария, просуществовавшая всего около 30 лет. Болгарские орды кочевали здесь и до объединения, поэтому первую стадию кочевания, стадию, для которой характерно нашествие, они пережили, будучи еще в составе и под властью Тюркского каганата. Кочевое население Великой Болгарии находилось на второй стадии кочевания. После разгрома этого государственного объединения Аспарух со своей ордой двинулся на запад. Движение это не было простым переселением. Это было нашествие, потому что во время своего пути орда Аспаруха как снежный ком обрастала новыми кочевниками, постепенно превращаясь в могучее соединение. Придя на правый берег Дуная, кочевники превратили все степные пространства прежде всего в пастбища и в течение почти 100 лет, несмотря на соседство и несомненное воздействие и влияние славян и Византии, вели кочевой образ жизни. Судя по отсутствию остатков зимников и могильников VII в., их образ жизни и экономика соответствовали первой стадии кочевания. Постоянные походы на Византию и земледельческая база на славянских землях, т. е. военный быт, богатая добыча и наличие продуктов земледелия способствовали тому, что первая стадия долго оставалась ведущей формой кочевнической экономики в Дунайской Болгарии. Лишь с VIII в. древние болгары начали переходить к оседлости.

Интересно, что аналогичный путь развития прослеживается и у венгров. Печенеги,

воспользовавшись отсутствием основных сил венгров, напали на их земли в Атель-кузе и уничтожили остававшееся там население. Здесь, в междуречье Днепра и Серета, венгры, видимо, начали переходить уже ко второй стадии кочевания. Вернувшись из похода, венгры нашли свои зимники полностью разграбленными. Их пастбища заняли печенеги. Венгры направили свое нашествие на Дунай — в Паннонию. Придя туда, они прежде всего изгнали местное население (славян и волохов) и захватили земли под пастбища. Правда, венгры значительно быстрее болгар перешли ко второй, а затем и третьей формам кочевания. Менее столетия потребовалось им для превращения в развитое земледельческо-скотоводческое государство. Объясняется это, очевидно, тем, что славяне в X в. были уже на классовой ступени социального развития, владели уже сложившейся культурой и потому значительно активнее влияли на пришедших кочевников, чем славяне VII в., столкнувшиеся с ордами Аспаруха.

- Теми же «внешнеполитическими» причинами объясняется и нашествие печенегов в восточноевропейские степи. Все наиболее активное и организованное в дееспособные группы население ринулось под давлением огузов и кипчаков на запад — в Причерноморье. Через несколько десятилетий печенеги перешли уже ко второй стадии кочевания, однако и тут они были настигнуты кипчаками-половцами. Потерпев от них, а главное от русских дружин сокрушительное поражение, печенеги, как это всегда происходило в степях при аналогичных обстоятельствах, вновь разделились на три основные группировки. Одна из них осталась в степях, войдя в половецкие орды, другая, заключив вассальное соглашение с киевскими князьями, поселилась на южных границах Руси,^[242] а третья, собрав силы, попыталась двинуться в «нашествие» — на поиски земель, пригодных под пастбища. Однако историческая обстановка не благоприятствовала этому. Печенежский ударный кулак остался в изоляции — к нему никто не примкнул, а земли, на которые они направили свои удары, были заняты уже достаточно сильными и централизованными государствами, отразившими их- натиск (Болгария, Венгрия). Не присоединились они и к нашествию печенегов на Византию, хотя несомненно поддерживали или, скорее, провоцировали его. печенегов, пришедших на территорию Византии, не хватило сил для захвата пастбищ^[243]. По существу нашествие превратилось в набег. Правда, ослабевшая Византийская империя и ее император Алексей Комнин не могли самостоятельно справиться с печенегами. Для этого Алексей обращался ко всем европейским правителям. Откликнулись на его призыв только половцы, сами заинтересованные в окончательном разгроме печенегов, не подчинившихся их власти. В результате вмешательства половцев печенеги были истреблены на Балканском полуострове^[244].

Причины, приводившие полуоседлое население государственных образований к нашествиям, были, как уже говорилось и более мирными, а именно: к нашествию вынуждали иногда климатические изменения и «демографические взрывы». Таковы были обстоятельства, приведшие в движение кипчаков и гузов. В X в. из-за усилившейся засушливости ряда степных районов Сибири началось передвижение населения в степи с более влажным климатом — на запад. Прибывающие в Кимакский каганат разноэтничные орды занимали его земли, подчиняясь центральной власти кагана. Тем не менее положение в государстве становилось тяжелым из-за перенасыщенности его людьми и стадами, которые в конечном счете начинали разрушать его экономику, уничтожая поля и превращая их в пастбища.

Совершенно ясно, что при таком положении наиболее кочевая часть Кимакского каганата, т. е. орды, находившиеся на второй стадии кочевания и заселявшие при этом самые западные пределы каганата, двинулись в заволжские, а затем и донские степи вслед за печенегами. Это были кипчаки, которые прошли, насколько это позволяют установить источники, в южнорусских степях две стадии экономического развития — первую и вторую. Изменение климата и невозможность прокормить в новых климатических условиях разросшиеся стада

привели к движению и огузов, направивших свое движение в Переднюю Азию (сельджуки) [245]. Основная масса огузов шла путем, огибающим Каспийское море с юга. Намереваясь взять богатую Византийскую империю в тиски, часть огузских орд двинулась к ее северным границам через Подонье и Причерноморье. Отсутствие огузских памятников в южнорусских степях свидетельствует о том, что огузы находились тогда на первой стадии кочевания, стадии нашествия.

Развитие Сельджукского государства шло обычным для кочевников путем — огузы возглавили новое государство, в недрах которого была создана своя экономика, своя новая культура, опирающаяся на старые традиции и мировоззрение, и образовался новый народ — турки. Огузы северной ветви после разгрома их Всеволодом Ярославичем фактически слились с печенегами, которых было значительно больше, и в подавляющем большинстве вместе с печенегами поселились на границах Руси, став вассалами киевского князя. Только там, в Поросье, они перешли ко второй стадии кочевания.

Мы рассмотрели несколько примеров первого пути переразвития степных государственных образований, когда в результате тех или иных условий часть населения снималась с родных земель и для нее начиналась эпоха, которую можно коротко определить формулой «от кочевий к городам». Другая часть населения оставалась на месте и, как правило, входила в состав образующегося там нового объединения или государства.

Однако далеко не всегда у населения, пережившего тот или иной «катаклизм», хватало энергии для создания достаточно сильной группировки, которая могла пойти на завоевание новых пастбищ. Случалось и так, что этому просто не благоприятствовала общая историческая обстановка — вокруг были сильные государства, бороться с которыми было невозможно. Мы видели, что движение печенегов на запад после разгрома их русскими захлебнулось в Византии, и печенежские орды рассеялись по степным окраинам всех существовавших тогда государств.

Нередко все побежденное население оставалось в целом на прежних землях, уступая лучшие из них завоевателям. Именно такая ситуация сложилась, как нам представляется, в X в. в Хазарском каганате. Мы уже говорили, что печенеги буквально смели с лица земли сотни поселений в бассейне Дона и в Приазовье. Экономика и культура государства были уничтожены. Очевидно, значительная часть обитателей этих поселений была истреблена. В степях, помимо сожженных и явно разрушенных поселений, мы находим остатки просто оставленных жителями поселков. Население из них ушло и попросило убежища у соседей.

Известно, что культура Волжской Болгарии в конце IX в. пополнилась так называемыми салтовскими элементами, что, видимо, можно связать с переселением туда части населения из донских степей. Какие-то группы «салтовского» населения попали и на славянские земли (к боршевцам, в Киев и пр.) [246]. Однако подавляющее большинство жителей осталось в степях и вошло в состав печенежских орд. При этом, естественно, они приняли и образ жизни печенегов, т. е. перешли к первой стадии кочевания, и затем вместе с печенегами начали переходить ко второй стадии. Это местное (хазарское) население оставалось в степях и в половецкое время. Очевидно, оно быстрее, чем печенеги или половцы, переходило к полuosедлому образу жизни, но в целом приняло экономику завоевателей и не смогло восстановить своей материальной базы, а значит и материальной культуры.

В XIII в. то же произошло с половцами, наголову разбитыми и рассеянными татаро-монголами. Аристократия половцев была уничтожена, а сами они стали основным податным населением Золотой Орды. В обоих случаях складывающиеся этнические общности потеряли имя и исчезли из истории, действуя уже под другими этническими наименованиями.

Произошло это, вероятно, оттого, что к моменту завоевания ни жители каганата, ни половцы не сложились еще в народности. Это были этнически рыхлые общности. У хазар она

была даже более разноликой и слабо сплоченной, чем у половцев. У обоих объединений не хватило времени для слияния в единое целое — народ.

Характерно, что и Хазарский каганат, и половецкие объединения погибли от внешнеполитической причины, т. е. от напора врагов. Однако их ослабление и неспособность противостоять этому напору были вызваны внутренними распрями: у хазар — войной кабаров, а у половцев, очевидно, отсутствием сильной центральной власти и центробежными стремлениями ханов, жаждавших самостоятельности.

Татаро-монголы завоевали и включили в состав своего государства и Кимакский каганат — прародину половцев. Очевидно, кипчакская этническая общность была уже настолько устойчива, что смогла выдержать нашествие и сохранить свое имя. Сохранились в родовых названиях казахов и другие племенные наименования Кимакского каганата, но кипчаки неоднократно упоминались в позднесредневековых письменных источниках, а это значит, что они продолжали существовать как политическая группировка и в то время^[247].

Татаро-монголы подвергли страну разрушению, тем не менее население каганата смогло восстановить свою экономику. Культура кимаков и кипчаков не погибла и не растворилась в общей мусульманской среднеазиатской пышной культуре, хотя несомненно принятие мусульманства значительно снивелировало ее с окружающим миром.

По существу судьба кимаков и кипчаков — это уже третий путь переразвития государственных образований, основной особенностью которого является то, что разрушение экономики, уничтожение населения, гибель культурных центров в период нашествия не были, видимо, тотальными или сокрушающими, поскольку жизнь после этого не замирает и через несколько лет или десятилетий налаживается вновь. Несомненно появляются какие-то изменения в экономике и культуре: в них прослеживаются черты культуры завоевателей и, что особенно важно, прежняя культура никогда не восстанавливается полностью. Так, кимаки в массе снова перешли к кочевому образу жизни, совершенно утратили древнюю тюркскую письменность, а многие ремесла и традиционные торговые связи не были восстановлены.

Еще более выразительной представляется нам судьба другого каганата — Кыргызского, или Хакасского. После того как долгое и упорное сопротивление хакасов было сломлено монголами и государство перестало существовать, хакасы остались сплоченной этнической группой, которую с полным основанием можно назвать народом. Сохранилась у них и культура. Однако экономическая база этой культуры была подорвана, сократились посевы в связи с разрушением оросительной системы, прекратили существование многие ремесла, особенно художественные. Самой существенной потерей была, как и у кимаков, утрата собственной тюркской письменности, а это значит, что пострадала не только материальная культура, но и духовная^[248].

Несмотря на все эти беды и потери народ все же сохранился, он характеризуется и по сей день вполне определенными антропологическими, лингвистическими и этнографическими признаками.

Третье государство, возникшее под властью кочевников — Волжская Болгария, также погибло от вторжения татаро-монголов, разрушивших все его города, сжегших сотни поселений. Мы знаем, что экономика Волжской Болгарии была в XIII в. уже вполне оседлой — земледельческой. Население государства, состоявшее в массе из финно-угорских племен, не могло перейти к кочеванию, и поэтому после разгрома оно деятельно занялось восстановлением земледельческого хозяйства. В значительной степени это удалось ему, и Золотая Орда включила Волжскую Болгарию в свои пределы, многое заимствовав из культуры этого государства для себя^[249]. Не будет преувеличением сказать, что волжскоболгарская культура явилась одним из основных компонентов золотоордынской.

Представляется интересным тот факт, что, несмотря на очевидно устойчивую культуру, в Волжской Болгарии до татаро-монгольского завоевания народ еще не сложился. Видимо, государство объединяло разноэтничные и разноязыкие племена, составлявшие отнюдь не стойкую этническую общность. При вторжении татаро-монгольских армий она развалилась на несколько частей. Часть вновь объединенного под эгидой Золотой Орды населения, не приняв имени прежних завоевателей — болгар, взяло имя новых — татар, основав после гибели Золотой Орды небольшое государство — Казанское татарское царство [\[250\]](#).

То же явление мы можем констатировать и в самой Золотой Орде, распад которой начался после похода Тимура.

Мы уже говорили, что в XIV в. в Золотой Орде сложилась высокая и в целом единая культура. Однако несмотря на это культура была многоэтничной и государство — тоже, и поэтому при наступившем после разгрома упадке из Орды выделилось несколько разноэтничных ханств: Крымское (XIV в.), Казанское и Сибирское, Ногайская Орда (первая половина XV в.), Астраханское ханство (вторая половина XV в.) и, наконец, в центральных областях Золотой Орды осталась так называемая Большая Орда [\[251\]](#). Интересно, что и экономика этих ханств была различной. Крымское и Казанское ханства были фактически земледельческими и земледельческо-торговыми государствами, Астраханское и Большая Орда — полукочевыми, а в Сибирском и Ногайской Орде господствовала вторая (кочевая) стадия. Несмотря на то что силы разрозненных ханств были уже не те, что в период золотоордынского расцвета, все они продолжали грабительскую политику по отношению к своим соседям. Однако это не был сбор регулярной подати, это были набеги на пограничье, весьма напоминающие набеги половцев на русские княжества в XII в. По существу Ногайская Орда и состояла в основном из потомков половецкого населения, включенного в середине XIII в. в состав Золотой Орды.

Таким образом, несмотря на общее единство культуры отдаленные и географически различные районы Золотой Орды имели различную экономику и были заселены разными этническими группировками — в основном населением, оставшимся в Золотой Орде после завоевания монголами всей этой громадной территории. Эти группировки и начали откалываться от Орды после Тимура. Ясно, что народа внутри Золотой Орды не слаялось — для этого было слишком мало времени (около 100 лет).

В этом отношении Золотая Орда напоминает Тюркский каганат, который также существовал не более 100 лет и тоже распался на ряд каганатов, начинавших свою экономику с первой, а чаще со второй стадии кочевания. Однако, как мы видели, каганаты нередко достигали огромных размеров и становились государствами, перед силой которых склонялись и заискивали крупнейшие земледельческие державы того времени.

Ханства, образовавшиеся на территории Золотой Орды, не стали такими государствами, видимо, вследствие того, что у них не хватило сил на восстановление разоренной армиями Тимура экономики и на одновременную с этим важным процессом борьбу с соседней Московской Русью, молодым, с каждым годом набирающим силу государством, начавшим активную и победоносную борьбу сначала с Золотой Ордой, а затем с ее преемниками.

В результате все эти ханства и Орды, в том числе и пришедшие в XVI в. из монгольских степей ойраты (калмыки), вошли в состав России [\[252\]](#). При этом интересно отметить, что ханства, в которых господствующим типом хозяйства было земледелие, оказали Руси серьезное сопротивление (например, Крымское и Казанское), а ханства, в которых преобладала вторая стадия кочевания, присоединились к России, поскольку им необходим был для ведения планомерного скотоводческо-кочевого хозяйства союз с земледельцами. Развитые феодальные отношения требовали развитой комплексной земледельческо-кочевнической экономики, а

осуществить переход к земледелию в засушливых калмыцких и нижневолжских (прикаспийских) степях было невозможно. Невозможно было и расширить свою территорию за счет могучего земледельческого соседа — России, поэтому единственным путем дальнейшего существования стало слияние своего хозяйства с чужим — земледельческим [\[253\]](#).

Тот же путь «переразвития на месте» из большого в малые государства с различным этническим обликом и хозяйственным укладом претерпел и Арабский халифат. Заняв земли, простирающиеся почти на 10000 км (от Средней Азии до Испании), арабы не смогли удержать власть над всеми ими, тем более что в центре государства почти с первых десятилетий могущества началась междоусобная смута. Государство быстро рассыпалось на ряд более мелких халифатов. Эти халифаты номинально признавали Багдадский, но фактически были абсолютно свободны и не связаны друг с другом.

Точно так же были независимы от центра монгольской империи все государства, основанные татара-монголами, хотя верховная власть «чингисидов» признавалась всюду.

Сходство между великими империями — Тюркским каганатом, Арабским халифатом и Монголией периода Чин-гиса и его ближайших преемников — заключалось еще в одной особенности. Все они раскидали своих воинов на просторах Азии, Африки и Европы. В армии набиралась молодая и наиболее энергичная часть населения. Таким образом собственно на прародине оставалось, как и в периоды нашествий, население, менее всего готовое и пригодное к поддержке сильной государственной организации. Поэтому, как правило, здесь государственность после смерти выдающихся ханов постепенно отмирала. Население, состоявшее из остатков этноса, завоевавшего огромные пространства, и из придворной ханской челяди-аристократии в силу этого так и оставалось на второй стадии кочевания. Рядовое население не желало переходить к земледелию, предпочитая уходить во всаднические армии соседних родственных государств, а аристократы, как и при хане (или халифе), продолжали заниматься охотами, военными играми, барантой и интригами. Так, арабы центральных областей остались кочевать в Аравийских полупустынях, а монголы — в суровых (сухих — летом и холодных — зимой) монгольских степях.

Такое «мирное» развитие жизни представляется нам четвертым путем переразвития, по которому проходило население кочевых государств после гибели государственности. Как мы видели, этот путь создает наиболее благоприятные условия для сохранения кочевого скотоводства.

Итак, мы рассмотрели четыре основных направления переразвития степных государств. Каждое направление в значительной степени обуславливалось вполне определенной суммой причин.

При этом отметим интересную особенность, заключающуюся в том, что чем сильнее и тотальнее было разграбление государства, тем вероятнее был переход части населения к «нашествию» (к первой стадии кочевания).

В данном случае, очевидно, мы имеем право говорить о связи выявленной исторической закономерности с известным законом природы: сопротивление материала равно оказываемому давлению или «действие равно противодействию».

Характерно также, что, говоря о причинах гибели того или иного государства, никогда нельзя указывать одну причину. Обыкновенно мы можем назвать целый комплекс причин, создающих условия гибели. Победоносное вторжение врага и потеря своих земель и самостоятельности всегда подготавливались внутри страны в течение нескольких десятилетий. Вторжение становилось возможным именно благодаря внутреннему комплексу причин, оно как бы венчало гибель государства или государственного объединения.

Чем длительнее и разрушительнее была «внутренняя подготовка», тем полнее был разгром.

Маршруты кочевнических нашествий всегда были направлены в самое слабое место окружающего их мира. Таким слабым звеном оказывалось ослабленное междоусобицами или природными бедствиями степное государство. Интересно, что если слабого звена в степях не было, то нашествие приостанавливалось с первых шагов или же не начиналось совсем.

Мы попытались внести какую-то систематизацию, как-то классифицировать события, происходившие со степными народами в периоды после гибели государственных образований, находившихся на разных ступенях экономического и социального развития. Следует помнить, что любая схематизация явлений упрощает сложную картину, которую мы наблюдаем при исследовании конкретной исторической обстановки. Однако, пристально взглядевшись в события, мы находим выявленные нами комплексы причин и неизбежно вызываемых ими следствий, легко вписывающихся в предложенную нами в данной главе систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная нами систематизация процессов, протекавших в кочевнических сообществах, является первой попыткой выявления на основе этой систематизации общих для всех степных народов закономерностей развития.

Все явления экономической, общественной, этнической, культурной жизни кочевых объединений связываются в прочные цепочки, или социально-экономические модели.

Первая модель характеризуется следующими признаками: 1) первая стадия кочевания; 2) нашествие; 3) военная демократия; 4) рыхлая многоэтничная и многоязыковая общность; 5) религия — шаманизм и культ предков; 6) отсутствие стабильных археологических памятников.

Вторая модель: 1) вторая стадия кочевания (полукочевание) ; 2) набеги; 3) распадение родового строя и военной демократии, становление раннеклассового общества; 4) формирование государственных объединений;

5) формирование этнической общности и общего языка;

6) появление первых черт этнографической культуры;

7) религия — культ вождей и всадников, связанный с космогонией; 8) археологические памятники — могильники без соседних устойчивых поселений и следы сезонных стойбищ (зимников) по берегам рек.

Третья модель: 1) третья стадия кочевания (полуоседлость) ; 2) войны за политическое господство; 3) феодализм; 4) государство; 5) устойчивая этническая общность с единым языком, превращающаяся в народ; 6) развитая культура с письменностью; 7) торговля; 8) города; 9) принятие мировых религий; 10) археологические памятники, как у оседлых земледельческих народов.

Зная по источникам хотя бы об одном или о двух явлениях-признаках и пользуясь моделями, мы можем представить общую картину экономической и общественной жизни любого ранее мало известного по источникам кочевого или полукочевого степного объединения. Так, если в источниках рассказывается о чертах военной демократии, характеризующих общественный строй объединения, то совершенно ясно, что кочевники находились на первой стадии кочевания со всеми типичными для этой стадии явлениями. Тот же вывод можно сделать из отсутствия археологических памятников населения, имя которого неоднократно упоминалось в различных источниках на данной территории. И в то же время факт появления на этой земле могильников говорит уже о наличии второй стадии кочевания.

Таким образом у нас появляется возможность восстановить жизнь и, главное, степень общественного развития десятков упоминаемых в источниках «народов» и государственных образований.

Представляется, что выявленные закономерности и связи явлений характерны не только для средневековых кочевников. Им в той или иной мере подчинялись сообщества скотоводов-кочевников начиная с первых веков их появления в степях и кончая XX в.

Только восстановив развитие каждого этноса и народа, а значит и определив место, занимаемое каждым объединением в разные периоды мировой истории, мы получим возможность начать работу по написанию обобщающего труда по истории кочевничества Евразии, Африки и Америки.

Таков главный результат установления закономерностей развития экономики и общественных институтов степного населения.

Концепция о закономерностях позволяет дополнительно обосновать выдвинутый учеными-

кочевниковеда-ми тезис о том, что чистых кочевников в степях практически никогда не было. Мы видели, что кочующим круглогодично население бывает только в периоды нашествий. Уже на второй стадии (самой распространенной в степях) оно начинает оседать на землю и заниматься земледелием. Особенно активно это протекает на территориях, расположенных вдали от земледельческих государств, из которых кочевники мирным или военным путем получали продукты земледелия. Переход к оседлости убыстрялся в том случае, если при образовании государства в него входила какая-то часть земледельческого населения. Однако в таком случае орда правящего рода, возможно, из политических соображений оставалась кочевой, желая тем самым как бы подчеркнуть свою обособленность от рядового податного населения.

Таким образом, из закономерной обусловленности перехода кочевников к оседлости и земледелию мы можем сделать три вывода: 1) кочевнический способ ведения хозяйства не может существовать оторванно от земледельческого; 2) для кочевнической экономики необходимы большие земельные массивы, при невозможности расширить территорию кочевание начинает отмирать; 3) без комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства не может быть государства. Поэтому последние возникают только на третьей стадии кочевания.

Большой интерес представляют четко прослеживающиеся благодаря выявлению закономерностей отношения двух хозяйственных систем — земледельческой и кочевнической, принадлежащих к разным (разноэтничным) государственным объединениям.

Исходя из преобладания в письменных источниках сведений о постоянных войнах между земледельческими государствами и кочевниками, считается вполне доказанным, что отношения были резко враждебными и кочевники несли государствам разруху, бедствия, разорение, гибель. Несомненно, что этот тип отношений действительно был ведущим. Кочевники на первой и второй стадиях нуждались не только в продуктах земледельческого труда, но и в изделиях ремесленников своих более цивилизованных соседей. Мирным путем (торговлей, откупам) взять все это не всегда удавалось. Кроме того, кочевникам нужны были пленные для продажи на восточных рынках. Поэтому нашествие сменялось набегам, разницу между которыми соседи-современники не могли даже уловить, поскольку только сейчас нам ясно, что в результате нашествия земля отторгалась под пастбища, а во время набега земля хотя и подвергалась разграблению, но оставалась во владении прежних хозяев или их наследников. Враждебные отношения выгодны для кочевников до тех пор, пока сами они в результате частичного оседания или ограничения территории кочевания не становятся доступными для своих оседлых соседей.

Как только соотношение сил между этими двумя мирами меняется, кочевники всеми силами стремятся поддерживать мирные отношения с соседями. Мирные отношения выражаются прежде всего в заключении военных союзов, направленных против других оседлых или кочевых объединений. По существу тактика кочевников не меняется — это по-прежнему набеги, но одобренные, поддерживаемые и оплаченные союзником. К тому же они получают добычу и пленных. Только тогда, когда кочевническое объединение становится государством с устойчивой экономикой, военные союзы заключаются на равных правах, и оба государства одинаково заинтересованы в политических результатах победы (в овладении землей, торговыми путями, портами и прочим для большего международного веса своего государства).

Военные союзы подкрепляются обыкновенно мирными договорами, касающимися прежде всего укрепления родственных связей между правящими домами, путем заключения браков. Характерно, что в тех случаях, когда правящий род стоял во главе сильного государства, то владельцы оседлых государств не только брали из степи жен в свои гаремы, но, что весьма существенно, отправляли туда и своих дочерей и сестер, подчеркивая этим свое уважение к

степному властителю и его равноправие с ними. По тому, отдавали в степь или брали из нее жен, можно судить о степени влиятельности изучаемого кочевнического объединения. Исключения, конечно, бывали, и они неприятно поражали современников. Так, например, в 50-е годы XII в. в половецкую степь сбежала русская княгиня-вдова к хану Башкорду^[254]. Бежала она, видимо, по сердечной склонности, но это было явное нарушение уже установившегося равновесия между русскими княжествами и половецкими ордами, и потому летописец весьма холодно упомянул об этом родстве, подчеркнув тем самым, что такие факты были нетипичны и, главное, не могли по расстановке сил иметь место.

Кроме военных и родственных отношений, обе стороны были заинтересованы в поддержании мирных торговых связей. От кочевников в оседлые государства шел скот и рабы, а из земледельческих государств — хлеб, вино и многочисленные предметы роскоши (дорогие ткани, сложные ювелирные украшения и т. п.).

Что касается вооружения, то в этой области шло активное взаимовлияние. Естественно, что обе стороны интересовались оружием врага и заимствовали из него все наиболее прогрессивное. Следует сказать, что в вооружении кочевники никогда не отставали от любых своих соседей, а нередко и опережали их.

Мы уже говорили, что кочевники на стадии нашествия теряли культуру государства, из которого вышли, но они несли с собой все достижения этого государства в области оружия. Достижения же эти были, как правило, весьма значительными, поскольку в этих государствах с синкретичной в основе своей культурой были сконцентрированы производственные достижения всех завоеванных и соседних с ними государств.

Несмотря на то что тяжеловооруженная конница и земледельцев, и кочевников была внешне почти одинакова (закованные в броню и кольчуги всадники и кони), разница между ними все же была, видимо, весьма разительна, о чем хорошо были осведомлены все современники. В частности, об этом неоднократно писали русские летописцы, противопоставляющие кочевническую саблю русскому мечу, кочевнические стрелы русским броне и щиту и т. п.^[255] Обмен оружием происходил обыкновенно в мирные периоды — во время заключения мира, в торговом обмене и значительно реже — во время войны и даже непосредственно на поле боя.

Следует сказать, что если кочевники стремились к миру только в тех ситуациях, в которых они явно уступали в силе своим соседям, то земледельцы были заинтересованы в нем всегда. Как только появлялся в степях новый кочевой народ, земледельческие государства прежде всего старались наладить с ним союзнические отношения с максимальным использованием их военной силы. Наибольшего эффекта такое использование достигало в тех случаях, когда кочевнические орды становились в вассальные отношения с земледельческим государством.

Военный союз с кочевниками достигался путем подкупов и откупов, которые шли в руки кочевой аристократии, а также предоставлением рядовым воинам права грабежа захваченных в совместном походе территорий. Вассалитет же опирался на значительно более серьезные отношения, а именно — на жалование земель.

Обычно кочевники, потерявшие свои земли в степях, пытались занять пограничные земли земледельческого государства. Разумеется, эта попытка начиналась с военного столкновения или серии набегов с целью насильственного отторжения земли (под пастбища). В таких ситуациях можно говорить как бы о нашествии в миниатюре (небольшие группы, на небольшие земли, расположенные в непосредственной близости от прежних кочевий). Однако такие действия, как правило, заканчивались полным разгромом кочевнических соединений. И тогда разгромившее их государство предлагало им эти беспокойные пограничные области для заселения с условием охранять границы и в случае надобности участвовать в походах,

предпринимаемых сюзереном. В степях в разные эпохи существовало несколько хорошо известных по источникам вассальных кочевых объединений. Так, они зафиксированы на северных границах Китайской империи на протяжении всего I тысячелетия н. э., в Грузии в XII в., на Руси в XI — начале XIII в., в Византии и Венгрии в середине I и начале II тысячелетия н. э.

Благодаря средневековым источникам нам известны случаи, когда в зависимость или в вассальные отношения попадало и земледельческое население. Мы не имеем в виду ситуаций, в которых кочевники, победив, уничтожали население, чтобы занять его земли под пастбища. Речь идет о том, что кочевники, подчинив земледельцев, начинали сосуществовать с ними на одной или на соседних территориях. Когда бывали побеждены соседние земледельческие народы и кочевники не занимали при этом их территории, то земледельцы выплачивали обыкновенно дань кочевому объединению. Так было и со среднеазиатскими оазисными государствами в эпоху Тюркского каганата, и со славянами и русскими, платившими дань хазарам и Золотой Орде. В тех же случаях, когда после победы кочевники занимали земли оседлых народов, происходило довольно быстрое (одно-два поколения) слияние с ними и основная масса кочевников стремительно переходила к земледелию (болгары, венгры) [\[256\]](#). Интересно, что даже печенеги и гузы (торки), поселенные киевскими князьями в Поросье, начали с первых лет своего пребывания там под влиянием какой-то части оставшегося на берегах Руси древнерусского населения переходить к оседлости. Известно, что почти сразу после заселения у них появились небольшие городки, в частности Торческ, много раз упоминавшийся в русских летописях.

Таковы все аспекты сложных взаимоотношений кочевников и земледельцев, которые можно разделить на четыре типа: 1) враждебные; 2) союзнические; 3) даннические; 4) вассальные.

Мы специально остановились на краткой характеристике этих отношений потому, что тема эта прямо связана, как нам представляется, с закономерностями развития кочевнических обществ. Связи двух миров были одним из сильнейших стимуляторов перехода кочевников к оседлости и земледелию. Обратное явление, т. е. переход земледельческих народов к кочеванию, происходил только тогда, когда земледельцы сами были недавние кочевники, вполне освоившие уже земледельческий труд, но и не расстававшиеся с прочными традициями «всадничест-ва». Для настоящих потомственных земледельцев такой переход был невозможен. Правда, некоторые земледельческие народы и этнические общности, постоянно общавшиеся с кочевниками, в конце концов выбрасывали из своей среды в степи (обычно на пограничье) целые группы людей, переходивших на полукочевой образ жизни. Так, в восточноевропейских степях в середине I тысячелетия и. э. это были анты, на Руси — «бродники», в России — казаки [\[257\]](#). Все они проникались духом кочевой жизни, теми традициями «всадничества», которые существовали и культивировались в степях несмотря на любые изменения, которые происходили в экономике и политической жизни степного населения. Распространение увлечения этими традициями среди соседнего земледельческого населения (особенно среди аристократов) сквозит, как нам представляется, и в распространении «модных аварских причесок» при византийском дворе в VII в. [\[258\]](#), и в восторженно-нежных стихах китайского поэта о голубой юрте [\[259\]](#), и, наконец, в характеристике русского князя Святослава, данной ему русским летописцем: «Самъ хоробръ и легок, ходя аки пардус, войны многи творяше. Возъ по собе не возяше, ни котла, ни мясь варя, но по топку изрезав конину или зверину или говядину на оугълехъ испекъ ядеше. Ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше, а седло въ головах. Тако же и прочий вой его вси бяху...» [\[260\]](#) Это образ идеального всадника-воина, легкого, как барс,

скромного в быту, жадного в войнах и в организации войн. Культ этого всадника царил в степях. Иранский, тюркский и монгольский эпос и сказки полны им.

Таким образом, мировоззрение «всадничества» было основным элементом любой кочевнической культуры, элементом, который всех их объединял в своеобразную «культурную общность», раскинувшуюся по всей евразийской степи.

Культ всадника был связан с культурами огня, неба, солнца, коня, распространенных также у всех кочевых народов. Обычаи и обряды, подчиненные этим культам и вытекающие из них, также, естественно, были очень сходными у разных племен и орд, отделенных друг от друга громадными расстояниями. Например, погребальный обряд с сопровождающим человеческое захоронение конем или его частями известен от скифской эпохи почти до современности и от дальневосточных степей до дунайской равнины.

То же можно сказать и о материальной культуре. Прежде всего характерно, что все амулеты, связанные с перечисленными выше культурами, имели всюду не только одинаковую смысловую нагрузку, но и близкое по виду исполнение.

Вторым, не менее важным компонентом, свидетельствующим о единстве культурных традиций, является изготавливаемая ремесленниками сбруя коня (удила с оголовьем и стремяна с седлами), а также украшения сбруи (наборы разнообразных блях).

Третьим компонентом, имеющим непосредственное отношение к всадничеству, является наступательное оружие и оборонный доспех, а также типичнейший для воина-кочевника атрибут — пояс, состоящий, как правило, из набора бляшек, наконечников и пряжки. Пояса служили рыцарским знаком воина, игравшим ту же роль, что и золотые шпоры у западноевропейского воинства.

Наконец, культурная общность выражалась и в весьма единообразных изображениях всадников и коней, разбросанных на скалах и камнях по всей евразийской средневековой степи, а также в своеобразии доходящих до нас орнаментов, которые являются по существу сложными и весьма абстрагированными идеограммами духовной жизни создавшего их населения.

Культурная общность была своеобразна для каждой эпохи, т. е. она изменялась во времени, но очень мало — в пространстве. Все многочисленные выделенные археологами культуры являются локальными или локально-временными вариантами огромной и сложной кочевнической (всаднической) культурной общности в каждую эпоху, охватывающую всю евразийскую степь. Характерно, что гибель отдельных вариантов этой общности не изменяла и не нарушала ее развития в целом.

Вопросы формирования и существования в средневековых степях культурных общностей крепко связаны с закономерностями социально-экономического и этнического развития кочевого населения Евразии. Именно поэтому постановкой этой проблемы мы и завершим наше исследование [\[261\]](#).

SUMMARY

Nomads first appeared in the steppe towards the beginning of the 1st millennium B. C. and in the next 500 years completely replaced pastoral population. The European and Asian steppe and forest-steppe zone were thus for more than three thousand years turned into a nomad area.

Nomadism, according to modern ethnographers, is characterised by a producing economy based on extensive cattle-breeding, with most of the population roaming with their herds all year round. This definition, however, concerns only the economic aspect of nomadism, for nomadism is more than an economic system. It is a way of life, with its own material and spiritual culture and religious beliefs, social and political history.

A study of nomadism in its totality or of its individual aspects will reveal law-governed regularities equally applicable to any nomad community. We can thus group, for the purpose of comparison, different peoples and ethnoses which roamed the steppe at different periods.

The purpose of this book is to disclose these regularities and to construct, on their basis, certain socio-ethnic and cultural models of the different stages of economic development.

Ethnographers now identify three types of the nomad economy: complete nomad economy with no forms of agriculture or settled way of life; semi-nomad economy with permanent winter camps and partial stockpiling of fodder; semi-nomad economy, with parallel existence of agriculture and settled way of life. Each type had its own pattern of social relations: ail-communal social relations, and in the third, class relations.

Let us examine the complete nomad type, which may be called the tabor type, no longer extant in the Eurasian steppe. Yearround mobile pasturing remains an unavoidable form of cattle-breeding only in the especially arid Cicumcas-pian and Mongolian steppe and semi-deserts. There the cattle can be fed only by moving the herds from one meagre pasture to another.

In the Middle Ages lengthy droughts and frosty winters lorced the nomads to seek new pastures. The search was often a long and tortuous process, and in these conditions the tabor economy was the only possible choice.

The need for new territories for pasture and battue hunting made warriors of the nomads, for no people would cede their territory voluntarily. Nomad invasions were aimed at the seizure of a territory through the complete or partial annihilation of its population. In some cases part of the conquered people would be incorporated into the nomad community. The invasions involved the entire nomad population, men, women, children, old and young (young women joined the ranks of mounted warriors) with their herds and tents. At this stage termed «military democracy" by the classics of Marxism, the socio-political structure took the form of conglomerations of the tribal-union type, usually led by active members of influential and rich clans, one of which had initiated the invasion.

As a rule, the armed drive for new lands originated in a limited steppe region and was the result of events that made it inevitable. Most of the population mounted their horses or followed the warriors in covered carts, carrying with them their property and leading their herds. At the start, the population usually belonged to one ethnic and linguistic group compact enough to be considered an ethnic community, but one in a state of constant division into related ethnic groups.

Such detached groups began to roam the steppe on their own in search of «vacant» territory, i. e., occupied by a military weaker ethnoses. The advancing hordes would, on their way, conquer, ruin and absorb parts of tribes and ethnoses. Thus, the prerequisites were created for the formation of a new ethnic community, and, above all, of a new socio-political conglomeration. The same applied to material culture: every group was a bearer of the «material cul-ture» which practically disappeared in

the long and tortuous wanderings, hard-fought battles and cultural assimilation. Only military innovations which had brought victories to the conquerors remained unchanged.

A new syncretic culture was formed, a blend of many disparate cultures and influences.

What remains to the archaeologist of the early nomad culture? This multi-ethnic, multi-cultural, multi-lingual conglomeration of tribes and hordes, tied into tribal and horde unions by their leaders, continuously roved the vast hostile steppe. They had neither permanent winter camps where cultural layers may be found nor permanent clan burial grounds. Usually they buried their dead in mounds, common in steppe, left over from previous epochs (the so-called secondary burials), or in thoroughly concealed ground burials. The custom of concealing burials was followed by the nomad nobility up to the 13th century. The tabor period has left the archaeologist single burials in the steppe, seldom intact, which one can come across only by chance, though precisely these burials yield interesting information: different burial rites testify to patchy ethnic patterns; «equal» burial complexes (with the exception of the gold-covered burials of chieftains) testify to the prevalence of the military democracy.

There is no doubt that this stage was common to all the nomadic peoples of the Eurasian steppe. Unfortunately, historical sources concerning the nomads at this initial stage are of a scanty, fragmentary and, very often, distorted character: an avalanch of nomads destroying everything on its way gave rise to hatred and horror, rather than ethnographic interest.

The seizure of new lands was followed by adjustment of relations with the conquered tribes and neighbouring states and peoples. This ushered in the next period, a «pe-riod of finding a new homeland", and this entailed economic development of the seized territory. Pasture lands were allotted to each tribe and clan, according to their sizes, and permanent seasonal camps were established. At first, the allotted territories were large, accomodating a large, usually consanguineal collective. It was called kuren by B. Ya. Vla-dimirtsov and the corresponding economic type — kuren economy. The rise of the kurens marked the beginning of the decay of the clan-tribal society. This process started within the framework of the military democracy and further developed in the early class society.

Consolidation of class relations, the impoverishment of common nomads and the concentration of wealth in the hands of individual families, led to the division of the kuren communities into smaller economic units. The first to leave the kurens were the rich families with their kinsmen and large herds. These smaller economic units are termed ails. Very often the ails were also fairly large as rich families were joined by poorer ones. Having not enough cattle to roam by themselves, poor people pastured the cattle of the rich, receiving payment in kind or, which was an important development, changed over to agriculture.

Thus, the first period of the second stage of nomadism was characterised by kuren roaming, while the second period — by ail roaming. Military democracy gave way to early class society marked by extreme patriarchy unknown to settled peoples. The patriarchal system enabled the rich (the clan nobility) to mask their tendencies to absolute power. The more influential and rich aristocrats were «elected», according to an ancient custom, leaders (khans) of large conglomerations and simultaneously became supreme priests. A basically new form of conglomeration of a number of independent ails arose on the former kuren territory. Such conglomerations came to be known as «horde». Their essence was everywhere the same — they were agglomerations of non-consanguineal families and even included alien elements. Kurens and hordes were always ready to start military actions (the character of which had changed markedly) provided there were enough warriors, for at the second stage of nomadism wars were waged by warriors, and not by the entire population as at the first stage. Women, children, old men, the horseless poor and domestic slaves comprising a large part of the ail population were not directly involved. Wars were now fought not for more pasturage, but for booty, slaves and the rich ransom imposed on a defeated enemy.

The nomads were confined to limited territory and gradually settled in their winter camps, where they frequently stored their considerable treasures. They thus became easy prey for their neighbours. Raids, known in the steppe as *baranta*, organised by neighbouring ails and hordes against each other, undermined their economy and impoverished the bulk of the cattle-breeders.

This situation of constant danger and uncertainty and the emergence of economically stronger and politically more powerful ails and hordes, created the vital necessity for large unifying organisations capable of regulating, albeit to a minimum degree, the external and internal policies of the steppe peoples. Such organisations took the form of horde unions, the prototype of the state or of state-type conglomeration, ruled by khans elected by the nobility from among the richest and most active elements. Their main functions were settlement of foreign policy problems (alliances with more developed states, organisation of large-scale raids) and prevention of internal strife and internecine wars. All this united ails and hordes around the khans.

On the whole, these conglomerations were more like tribal unions of the first stage of nomadism rather than states, for there was neither a regular army (the army was formed of volunteers), nor an administrative apparatus (judiciary, police, tax collectors), nor a tax system. Nevertheless, these were often far-flung and powerful conglomerations, usually referred to as empires in written sources. They owe their origins, first, to favourable historical conditions and, second, to the personality of the khan, his wisdom and energy, military skill, political shrewdness, diplomatic dexterity and ruthlessness towards his enemies. But the empire rested on the will of one man, the khan. His death would set off centrifugal tendencies, discord and internecine wars. The empire gradually disintegrated until it vanished from the chronicles and later from the face of the earth. In spite of this, the second-stage conglomerations became the cradle of a unified common culture, a unified world outlook and a common language.

Large amorphous first-stage communities were sociopolitical conglomerations. At the second stage they gradually acquired common ethnic features, the dominant among ones being language and culture. They thus contributed to the emergence of ethnic communities — the prototypes of peoples.

Archaeological monuments of this period differ considerably from earlier ones. Permanent seasonal camps on the territory of an ail or a horde where traces of human activity were discovered (broken artifacts, pottery, bones) and permanent burial grounds nearby, where the dead were buried in graves with small stone or earthen mounds provide valid archaeological material. Besides, the steppe people began building ancestor cult sanctuaries during the patriarchal-clan period, and of the military leader cult in the period of the disintegration of tribal-clan relations.

The second stage of nomadism is the most typical of cattle-breeding economy.

Primary forms of the settled way of life emerged as a result of limited pasture areas, which necessitated permanent seasonal camps. The population left behind in the winter camps during wars turned to agriculture, planting melons, cereals, even starting orchards. They acquired agricultural implements from their settled neighbours, at first by simply taking them away during raids, then changing them for products of their labour. Finally they started making similar implements themselves, evidence of an advanced stage of social and economic development.

With the appearance of permanent settlements, the rich began to isolate their homes with walls and moats. They stationed their ails on naturally fortified terrain, such as river banks or hills, turning them into a kind of steppe castle. These were winter residencies; in summer their owners roamed the steppe. With time settlements arose around the castles, steppe towns that were to become administrative, handicrafts and trading centres. Naturally, not every castle developed into a town; much depended on its geographic location (at a crossroads, on the seashore) and on the political influence of the owner, his ability to protect the neighbouring steppe population.

Agriculture and a settled way of life brought with them crafts and, hence a new material culture

which, while remaining syncretic, already had its own identity. The new, unified culture, internal trade and the rudiments of government stimulated the dissemination and consolidation of a common spoken language, and the development also of a written language on an original or a borrowed basis. These were all signposts on the road to statehood.

In the early state, the aristocratic element became the feudal nobility. In keeping with an ancient nomad custom the head of state was elected at assemblies of the nobility, but candidates were chosen from the ruling clan, usually a relative (brother, son) of the deceased ruler: state power had acquired a hereditary character. Next came the bureaucratic machinery (judges, tax collectors, police) and, more important, a regular army (supplemented by detachments the feudal lords were under obligation to provide in times of war). And the nature of wars had changed: they were no longer invasions or raids, but pursued political aims. Conquered regions were not plundered, heavy indemnities were imposed and they were incorporated in the state. Political alliances with neighbouring states and joint wars against common enemies (armies of semi-nomad states were no longer mercenaries but allies) helped to strengthen a country's international status.

More or less organised states of the third stage of nomadism are known from written sources as kaganats and their rulers as kagans. Ethnic consolidation processes which had begun at the second stage became more pronounced at the third. For in well-organised kaganats conditions favoured the gradual formation of a people out of different ethnic groups. Not infrequently the ruling clan, though not ethnic majority of the kaganat, gave its name to the state and the maturing ethnic communities; in other cases the ethnonym was derived from the name of the biggest ethnic group.

A unified ideology in the form of a state religion shared by all the population of the state played a major role, together with the material culture, in the state and, hence, in ethnic consolidation. Centralisation in the religious sphere took a form of the Tenghri-Khan (God of Heaven) cult, which for some time coexisted with the leader cult, the cult of famous ancestors or of legendary heroes inherited from the second stage. A new social group, the priests, arose in all class states, and the world religions (Islam, Christianity and others) with their dominating image of a single God, gained ground in all communities.

Though the kaganats were the subject of many works by Mediaeval authors, and historical documents in their languages are not infrequently met with, the main source for the study of their culture and history are archaeological monuments. And these are not only the rare remains of first and second stage winter camps and burial grounds spread over the endless steppe, but also a wide variety of monuments presenting a broad picture of the economic and cultural life. First of all, there are the remains of large settlements, their cultural layers abounding in pottery sherds and bones, remnants of dwellings and their auxiliary buildings. Most of these communities were in areas suitable for crop farming and gardening. They formed groups with common centres, a castle or a town surrounded by a network of irrigation canals. These are described in ancient sources as typical of many arid steppe regions.

Social, political and ethnic processes characteristic of the emergence and consolidation of the steppe states are strikingly uniform despite chronological and regional differences. The same may be said of the decay and disintegration processes, the causes of which can be classified into four groups.

The first group — external political causes, i. e., defeat in a war with a more powerful neighbour with resultant economic devastation — ruined crops, stolen herds, burned settlements.

The second group — internal political causes, i. e., internal strife expanding with the growth of the state as the feudal lords seek independence of the central power, which inevitably leads first to disorganisation and then to utter collapse. The feudal and clan nobility, the bulk of the military forces, perished in the ceaseless feuds. Some of these grew into economically ruinous civil wars in which the feudal lords were joined by common people.

The third group — natural climate causes, i. e., unpredictable climatic changes which brought prolonged droughts or very cold winters both of which destroyed cros and cattle, with all the other misfortunes this entailed.

The fourth group had, at first glance, nothing in common with the first three. Economic affluence led to a population explosion)) forcing part of the people to migrate to other areas. This, too, was a cause of disintegration of the state.

The crisis precipitated by the interplay of these causes and imperceptibly prepared by the all previous development, would bring on the collapse and disappearance of. even the mightiest empires. The concrete variant of the process depended on the prevalence of one or another cause.

The first variant. Economic ruin following an invasion forces the most active part of the population led by bold and adventurous leaders, launch out on the conquest of new lands. Those who stayed behind often formed the ethnic core of the state of the conquerors. The ethnonym of the defeated thus belonged to those who had left and in due time a new state conglomeration would be formed bearing this name. Thus the ethnic community continued to figure in political life und in the annals of history.

The second variant. Most of the population had perished in the war and there could be no question of starting a crusade to seize new lands, the remaining population simply submitted to the occupants. Only an insignificant part, unwilling to live under enemy rule, sought asylum in neighbouring or even far-away states. The bulk of the population, deprived of best lands, political influence and its ethnonym, coexisted with the conquerors, undergoing a process of mutual assimilation.

The third variant. The vanquished state was incorporated into the victor state, the population being made*to pay more or less heavy indemnities. The defeated state or state conglomeration lost its independence, but the surviving population, completely demoralised by the loss of the army (the young and active generation) and by the igno-minous defeat, made the best of life under enemy rule. This was less painful when the defeated and the victors differed but little ethnically, and the population retained its culture and preserved its ethnic identity. This was, a factor in its subsequent development into peoples holding a definite place in history.

The fourth variant. Due to internal strife and internecine wars huge empires disintegrated into smaller states usually headed by members of the ruling clan of the parental empire. Such states were characterised by intensive cultural and ethnic-formation processes.

The purpose of this classification of the developmental processes typical of the Mediaeval steppe conglomerations is to reveal common regularities. All economic, social, ethnic and cultural phenomena in the nomad conglomerations may be presented as a solid chain — a socio-economic model of various phenomena or specific features. As it is practically impossible to form a complete picture of any steppe ethnic or state formation from historical sources, such socio-economic models help to produce a more or less true reconstruction of the life of dozens of steppe societies formerly unknown to historians.

It is quite possible that these regularities were typical not only of Mediaeval, but also of earlier and later nomad communities spanning the period from their appearance in the steppe up to the 20th century.

Список ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К. Капитал.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг,—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Маркс К. Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса, т. V.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Поли. собр. соч., т. 3.
Ленин В. И. О государстве.— Поли. собр. соч., т. 39.
Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, т. 1.
Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии.— ТИЭ. Нов. сер., 1951, т. XIX.
Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ.— СЭ, 1970, № 6.
Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.
Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
Агаджанов С. Г. Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв. Ашхабад, 1973.
Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней.— Изв. АН КазССР. Сер. обществ, наук, 1969, № 1.
Акишев К. А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы — СА, 1971, № 2, 3.
Амброз А. К. Степные древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв.— Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Аммиак Марцеллин. История. Пер. с латинского Ю. Кулаковского. Киев, 1908, вып. III.
Андрианов В. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2.
Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— Живая старина. СПб., 1896, вып. III, IV.
Артамонов М. И. Общественный строй у скифов.— ВЛУ, 1947, № 9. Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища.— СА, 1954, XIX. Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII— XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья.— Тюркологический сборник 1972 года. М., 1973.
Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Арциховский А. В. Курганы вятичей.— РАНИОН. М., 1930.
Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.— ЗИАН СИФ. Сер. VIII. СПб., 1897, т. 1, № 4.

Бартольд В. В. Кыпчаки.— Соч. М., 1968, т. V.

Бартольд В. В. Новый труд о половцах: W. Bang, I. Marquart. Ost-turkische Dialektstudien. Berlin, 1914.—Соч. М., 1968, т. V. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.

Батраков В. С. Особенности феодализма у кочевых пародов.— В кн.: Научная сессия АН УзССР 9—14 июля 1947 г. Ташкент, 1947.

Бернштам А. Н. Проблемы распада родовых отношений у кочевников Азии,— СЭ, 1934, № 6.

Бернштам А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков VI—VIII вв. н. э.— В кн.: Сборник статей к 50-летию книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.; Л., 1936.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков. Л., 1946.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. I, II.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1953, т. III.

Вайнштейн С. И. Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии.— В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1970 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1971.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.

Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умеренного пояса Евразии.— IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973.

Васильевский В. Г. Византия и печенеги.—Труды. СПб., 1908, т. 1. Византийские историки. СПб., 1860.

Винников А. З. Белогорский курганный могильник конца I тыс. н. э. на р. Воронеже.— Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Воробьев М. В. Этнос в средние века (на материале этногенеза чжурчжепей).—Доклады ГО СССР. Л., 1967.

Вуич Л. Г. Череп из кочевнического могильника возле Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.

Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII—X веков).—В кн.: Этнография народов СССР. Л., 1971.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г. А. Страта-новского. Л., 1972.

Гинзбург В. В. Антропологический состав Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № Ю9.

Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957.

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.— Университетские известия. Киев, 1889, № 1.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения. М., 1960, т. 1.

Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

- Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос. М., 1960.
- Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
- Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами.— ЖМНП, 1875, ч. СХХVIII.
- Грязное М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.— КСИЭ, 1955, вып. 24.
- Грязное М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ, 1957, вып. 26.
- Гумилев Л. Н. Хунпу. М., 1960.
- Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров.
- Материалы по этнографии. Л., 1961, вып. 1. Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (ландшафт и этнос).— ВЛУ, 1966, № 6. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гупало К. М., Ивакин Г. Ю., Сагайдак А. М. Дослідження Київського Подолу (1974—1975 рр.).— В кн.: Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Киев, 1979.
- Давыдова А. В. Иволгинское городище.— СА, 1956, XXV.
- Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.
- Деопик (Ковалевская) В. В. Северокавказские аланы.— В кн.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958.
- Думай Л. И. Общественный строй сяньби и тоба в III—IV вв. н. э.— В кн.: Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952, № 24.
- Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV веках — История СССР, 1969, № 4. Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971.
- Жданко Т. А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана.— СЭ, 1961, № 2.
- Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы).— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1903 гг. СПб., 1908.
- Засецкая И. П. Гунны в южнорусских степях, конец IV — первая половина V в. н. э. (по археологическим данным).— Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1971.
- Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
- Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи.— СА, 1978, № 1.
- Заходер В. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
- Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— ВИ, 1955, № 4.
- Златкин И. Я. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых пародов.— ВИ, 1971, № 4.
- Златкин И. Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность.— В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971.

- Златкин И. Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов.— НАА, 1973, № 1.
- Ильясов С. И. Переход к оседлости и его значение в преобразовании культуры и быта киргизов. М., 1964.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- К ар гало в В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии.— В кн.: Тюркологический сборник. Л., 1972.
- Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки.— СА, 1979, № 1.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9. Книга Марко Поло. М., 1955.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика Верхнечи-рюртовского могильника.— В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1978, т. III.
- Константин Багрянородный. Об управлении государством.— ИГАИМК, 1934, 91.
- Королюк В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в юго-восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М, 1975.
- Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Средне-донечья.— СА, 1981, № 4.
- Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967.
- Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.
- Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.
- Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.
- Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов».— СА, 1961, № 2.
- Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алыа-Ата, 1972.
- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических открытиях на Харь-ковщине — КСИИМК, 1951, вып. XLI.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979.
- Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 4.
- Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников.— СЭ, 1967, № 4.
- Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов.— СЭ, 1968, № 1.
- Лашук Л. П. Кочевничество и общие закономерности истории.— СЭ, 1973, № 2.
- Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе

Игоревиче (X в.).— В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона.— МИА, 1958, № 62.

Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2.

Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии.— СА, 1975, № 3.

Магомедов М. Г. Костяные накладки седла из Верхпечирюртовско-го могильника.— СА, 1975, № 1.

Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977.

Малое С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951.

Малое С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.

Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— СЭ, 1973, № 1.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936.

Пархоменко В. А. Следы половецкого эпоса в летописях.— Проблемы источниковедения, 1940, № 3.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Пигулевская П. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.; Л., 1964.

Пиотровский Б. Б. Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства.— В кн.: Возникновение раннеклассового общества. Тезисы докладов. М., 1973.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.

Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.

Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря — вежи.— СА, 1964, № 3.

Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура).— МИА, 1967, № 142.

Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков.— САИ, 1973, Е1—19.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.— САИ, 1974, Е4—2.

Плетнева С. А. Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

Плетнева С. А. Древние болгары.— В кн.: Плиска—Преслав. София, 1981.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950.

Полевой Л. Л. Памятники золотоордынского времени (XIV в.).— В кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.

Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979.

Полное собрание Русских Летописей (ПСРЛ). СПб., 1908, т. И.Ипатьевская летопись. Переиздание: М., 1962.

Пономарев Д. И. Куман-половцы.— БДИ, 1940, № 3/4.

Потанин Г. П. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

Потапов Л. П. Ранние формы феодальных отношений у кочевников.— Зап. ХНИИЯЛИ, 1947, вып. 1.

Потапов Л. П. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников.— КСИЭ, 1947, вып. 3.

Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.—ВИ, 1955, № 6.

Потапенко А. И. Старожил земли русской. Ростов-на-Дону, 1976.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Расовский Д. А. Половцы.— Sem. Kond. Praga, 1935, VII; 1936, VIII; 1937, IX; 1938, X.

- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1946, т. III; 1952, т. I; 1960, т. II.
- Рона-Тош А. По следам кочевников (Монголия глазами этнографа). М., 1964.
- Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Л., 1925, ч. II. Быт башкир.
- Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках: Материалы по этнографии, вып. 1. Л., 1961.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- Рыбаков Б. А. Уличи.—КСИИМК, 1950, вып. XXXV. Рыбаков Б. А. Торческ — город Черных Клобуков.—АО 1966 г. М., 1967.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
- Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—X веках по данным археологических источников. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Сахаров М. Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934.
- Седов В. В. Анты.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Серебренников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка.— В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.
- Симуков А. Д. Очерки природы и быта.— ХМ, 1928, № 2.
- Симуков А. Д. О кочевках и пастбищах Монголии.—ХМ, 1929, № 2.
- Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
- Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов. СА, 1964, № 3. СМОМПК. Тифлис, 1901, 29.
- Сосновский Г. П. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя.— КСИИМК, 1947, вып. XIV.
- Спицин А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП, 1899, кн. VIII.
- Сэр-Оджав Н. Кочевые народы и цивилизации Центральной Азии.— Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- Таскин В. С. Скотоводство у сунну по китайским источникам.— В кн.: Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- Таскин В. С. Материалы по истории сунну (по китайским источникам). М., 1968, вып. 1.
- Таскин В. С. Материалы по истории сунну (по китайским источникам). М., 1973, вып. 2.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, т. II.
- Тихонов Д. Й. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XVI вв. М.; Л., 1966. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964. Толль Н. П. Скифы и гунны. Прага, 1928.
- Толстое С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах.— ИГАИМК, 1934, вып. 103.
- Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959.
- Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алма-Ата, 1971.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Трубецкой В. В. Переход к оседлости кочевников Ирана. М., 1964.
- Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью

- золотоордынских ханов. М., 1966. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Фильштинский И. М. Арабская литература в средние века. М., 1977.
- Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник.— СА, 1976, № 2.
- Харузин А. Н. Киргизы Букеевской Орды. Антропологические очерки. М., 1883, вып. 1.
- Харузин А. Н. История жилища у тюркских и монгольских народов.— Этнографическое обозрение, 1896, кн. XXXVIII.
- Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869.
- Чариков А. А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья.— СА, 1979, № 2.
- Чичуров И. С. Экскурс Феофана о праболгарах.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
- Швецов М. Л. Половецкие святилища.— СА, 1979, № 1.
- Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников — СА, 1980, № 2.
- Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону.— СА, 1954, XIX.
- Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.— ВЯ, 1966, № 3.
- Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. СПб., 1893, т. 1.
- Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. Элиста, 1970.
- Юсупов Ш. Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости.— ВИ, 1960, № 3.
- Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—XII вв.— СА, 1948, X.
- Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung.— *Archeologia Hungarica*. Budapest, 1932, vol. 9.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София. 1979.
- Bona J. Ein Vierteljahrhundert Völkerwanderungszeitforschung in Ungarn (1945—1969).— AA. Budapest, 1971, XXIII.
- Cilinská Zlata. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bra-tislavae, 1966.
- Ваклинов Станчо. Формиране на старо-българската култура VI— XI вв. София, 1977.
- Василевъ Димитъръ. Строителната традицията въ прабългарските дворци отъ Плиска. София, 1937.
- Въжарова Живка Н. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI—XI вв. на територията на България. София, 1976.
- Davidova A. W. The Jvolga Gorodishche — a monument of the Hiung-nu culture in the Trans-Baical region.— AA. Budapest, 1968, 20.
- Dunlop D. M. The history of the Jewish khazars. Princeton; New Jersey, 1954.
- Златарски Васил. История на Българската държава през средните векове. София, 1970, т. 1, част. 1. Gombocz Z. Uber den Volksnamen besenyö.— *Túnán*, IV. Budapest, 1918.

Kovrig J, Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963.

László Gyula. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars. Budapest, 1955. László

Gyula. Steppenvölker und Germanen. Budapest, 1970. Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à

l'Est. Budapest, 1977. Мавродинов Н. Старобългарското изкуство. София, 1959. Ovčarov D.

Graffiti médiévaux de Pliska et de Preslav.— Известия на-

Археологическия институт. София 1979, XXXV.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия

ВДИ — Вестник древней истории

ВИ — Вопросы истории

ВЛУ — Вестник Ленинградского университета

ВЯ — Вопросы языкознания

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗИАН СИФ — Записки имп. Академии наук. Серия по историко-филологическому отделению

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук

НАА — Народы Азии и Африки

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СЭ — Советская этнография

ТХАЭЭ — Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции

ТИЭ — Труды Института этнографии

ХМ — Хозяйство Монголии

ХНИИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

AA — Acta Archaeologica

Sem. Kond. — Seminarium Kondakovianum

- Авары (обры) 27, 28, 46, 47
Аварский каганат 27, 47, 48, 69
Азия (Центральная, Средняя, Передняя, Восточная) 5, 26, 32, 69, 71, 72, 90, 91, 97, 101, 116,
Азиатские степи 22
Азовское море 49, 102
Айдар 52
Акациры 27, 28, 62
Алания 105, 108, 118
Аланы 20, 58, 61, 62, 105, 107
Алм 46
Алтайские горы 67
Альпиагиры 28
Америка 32, 71, 72, 146
Амур 89
Анты 151
Арабский халифат 105, 141
Арабы 32, 71, 72, 100, 121, 122
Аральское море 24, 29, 36
Астраханское ханство 140
Ателькуза 29, 36, 111, 112, 134
Багдадский халифат 141
Балканский п-ов 135
Балхаш 89
Барсилы 27
Бастии 63
Башкиры 24
Беленджер 51
Берендеи 63
Болгария 50, 134, 135
Болгары 27, 47, 52, 55, 61, 62,
68, 83, 105, 108, 109, ПО, 111,
113, 139, 150
Бродники 151
Буг (Кува) 29
Великая Болгария 27, 48, 49, 105, 109, 112, 133
Великая Моравия 112, 113
Венгрия 135, 150
Венгры 25, 28, 29, 36, 105, 111, 112, 113, 118, 134, 150
Византийская империя (Византия) 32, 44, 47, 49, 69, 88, 101, 105, 113, 133—137, 150
Волга 59, 100, 102, 110
Волжская Болгария 24, 110, 111, 118, 120, 137, 139
Волохи 112, 134

Восточная Европа 22,116
Восточноевропейские степи 28
Гаогюй 67
Гепиды 46, 47
Гиск 46
Готы 46
Грузия 150
Гузы 24, 30, 63, 73, 82, 150
Дагестан 100, 101,105
Дакия 46
Далмация 46
Деркул 52
Дешт-и-Кипчак 62, 120
Днепр (Варух) 22, 29, 117, 118, 124
Днестр (Трулл) 22, 29, 118
Добруджа 49
Дон 52, 53, 59, 100—102, 108,109, 137
Донецкие степи 25, 29, 52
Дулебы 27
Дунай 27, 42, 44, 45, 49, 109, 134
Дунайская Болгария 28, 51, 109, 110, 134
Евразийские степи 26, 32, 54, 87, 99
Евразия 42, 70, 120, 123, 141,153
Европа 5, 20, 21, 24, 26, 119,141
Европейские степи 10, 20, 21,37
Жеребец 52
Жужани (Жуань-Жуани) 67,87
Забайкалье 89
Заволжские степи 26, 30, 37
Закавказье 101,133
Золотая Орда 61, 117—120, 137, 139, 140, 141,150
Ими 95
Имак 95
Ингулец 59, 60
Иран 48, 69, 88
Иртыш 29, 32, 95, 98
Испания 141
Итиль 51, 101,116
Кавказ 16,100,121
Кавказский хребет (горы) 87,107
Каепичи 63 Казаки 151
Казанское ханство (царство) 139,140, 141
Казахи 70, 151
Кангюй 24
Кама 111
Каракорум 116
Каспийское море 68,136

Керулен 116
Кидани 68
Киев 29, 56, 137
Кимаки 70, 94—99, 138,139
Кимакия 98
Кимакский каганат 29, 31, 70, 94, 96, 98—100, 111, 135, 136
Кипчаки 24, 29, 30, 61, 70, 73, 98, 99, 118, 120, 135, 136, 138
Киргизы 94
Китай (Китайская империя) 18, 65, 88, 89—91, 93, 116, 131, 133,150
Команы 83
Коуи 63
Красная 52
Крым 52, 59, 100, 102, 117, 119, 120
Крымское ханство 140, 141
Куманы 61
Кутригуры 27, 47, 48, 112
Кыргызский каганат 29, 89, 94, 96, 98—100, 104, 138
Леведия 28, 105, 111
Ледовитый океан 20
Лукоморье 58
Македония 112
Маяцкое городище 108
Меотийские болота 20
Минусинская котловина 91
Молдавия 118,119
Молочная 58
Монголия 141
Монголы 70, 114, 116, 118, 121,122, 142
Московское государство 120
Ногайская орда 140
Ногайцы 70
Огузы-сельджуки 71, 136
Оногуры 27, 28,112
Орду-Балык 89
Орхон 88, 89
Оскол 108
Паннония 29, 44, 46, 112, 113, 134
Первое Болгарское царство 110-117
Переяславль 56
Персия 32
Печенеги 23—26, 29, 30, 56, 59,60, 62, 63, 73, 120, 134-137, 150
Пиренеи 121
Плиска 45, 50, 51, 109, 110, 112
Поволжье 117, 119
Поднестровье 118
Подонье 30, 100, 101, 105, 108,117, 136
Подунавье 27, 109

Половецкая земля 58, 62
Половцы 23, 29, 30, 56, 57, 59, 61, 70, 73, 83, 135, 137
Поросье 63, 64, 136, 150
Предкавказье 53, 117
Преслав 110
Приазовские степи 48
Приазовье 49, 52, 57, 100, 101, 105, 108, 109, 117, 137
Прибайкалье 20
Прибалхашье 29
Приднепровье 30
Прииртышье 96, 97
Прикаспийские степи 48
Приуралье 20, 111
Причерноморье 30, 133, 134, 136
Прут (Врут) 29, 60, 118
Романия 46
Россия 140
Рось 56, 63, 64, 150
Русские 56
Русь 56, 58—60, 62-64, 70, 135, 136, 141, 150, 151
Савиры 27, 28, 50, 62
Сарагуры 27, 28
Саркел (Белая Вежа) 59, 102
Сарматы 24, 61
Северный Кавказ 53, 105, 119
Северный Донец 52, 57, 58
Сельджуки 136
Сельджукское государство 136
Семиречье 96
Серет 29, 134
Сибирское ханство 140
Сибирь 135
Скифия Малая 46
Скифы 22
Славяне 47, 69, 112, 134
Сугров 58
Сула 23
Сяньби 19, 87
Сяньбийцы 66, 67, 88, 114
Татаро-Монголы 138
Тибет 114
Тихий океан 87
Торки 56, 60—63, 87, 150
Торческ 56, 64, 150
Тугю (тукюесцы) 67—69, 91
Тунгелик 115
Туркестан 91

Турки 136
Турпеи 63
Тюрки 68, 69, 93, 109, 113, 121
Тюркский каганат 48, 70, 87, 89, 90, 95—100, 102, 113, 114, 117, 133, 140, 141
Угорская земля 112
Угры белые 112
Угры черные 112
Уйгурия 98
Уйгурский каганат 32, 89, 90, 91, 98, 133
Уйгурцы (ойхорцы) 88—94
Украина 56
Урочи 27, 28
Ут 46
Утигуры 27, 48
Ухуаньцы 65, 66
Фанагория 49
Фракийцы 109
Фракия 112
Франки 48
Хазария 28, 53
Хазарский каганат 10, 24, 25, 51, 55, 59, 62, 96, 99—103, 105-107, 109, 111, 118—120, 137,
138
Хазары 27, 28, 48—51, 62, 68, 105, 118, 120, 137
Хакасский каганат 138
Хакасы 91—94, 98, 102, 139
Хань (империя) 131
Хидмас (Хингилус) 28, 29
Хорезм 87
Хунну (гунны) 19—24, 26, 33, 42, 43, 46, 47, 65, 68, 85, 86
Хунну (держава) 18, 66, 84—88, 114, 117, 131
Черное море 68, 87, 114
Черные Клобуки 63, 64, 65
Чжао Синь Чен 85
Чир-юрт 51
Эксампей 22, 23
Эфталиты 87
Шарукань 58, 59
Яссы 59

- Абаев В. И. 8
Абрамзон С. М. 7
Абу-Дулаф 96, 97
Аджлад 95
Ажо 90
Алексей Комнин 135
Ал-Джизджани 119
Ал-Ист ахри 102, 103
Ал-Масуди 102
Ал-Омари 120
Алтунопа 58
Аммиан Марцеллин 20—22, 32
Аргей 16
Ариант 22, 23
Арпад 29
Артамонов М. И. 7
Аспарух 27, 49, 50, 52, 109, 134
Аттила 21, 44, 45, 46, 48, 50, 117
Ангина 48, 50, 67, 68, 99, 100
Байакдур 95
Балин 59
Баскаков Н. А. 8
Бастий 63
Батбай 49, 52, 109
Батый 119
Бачман 118
Башкорд 148
Баян 46, 47
Бернштам А. Н. 7, 9, 43
Бледа 44
Блуш 56
Бодончар 115
Бранденбург Н. Е. 63
Бучек 118
Вайнштейн С. И. 36
Василевский В. Г. 7
Владимир Мономах 58, 59
Владимирцов Б. Я. 9, 37, 38
Всеволод Ярославич 136
Гадло А. В. 28
Гардизи 31, 32, 95, 98
Геродот 22
Голубовский П. В. 7

Греков Б. Д. 14
Гумилев Л. Н. 7, 10, 20, 21, 38, 68, 72, 89, 133
Ди (Шаньюй) 131
Дуло 48, 49, 50
Жданько Т. А. 7
Жирмунский В. М. 8
Зеленин Д. К. 7
Ибн Русте 103
Ибн Фадлан 82
Идриси 94, 97, 98, 99
Имак 95
Ими 95
Иордан 28, 44, 45, 46
Иосиф 51, 102
Ираклий 112
Киселев С. В. 8
Клавдий Клавдиан 16
Кляшторный С. Г. 8
Константин Багрянородный 24, 25, 28, 29, 111, 112
Кончак 23, 60
Кончакиды 67
Красильников К. И. 52
Кубрат (Куврат) 48, 49
Кузеев Р. Г. 7, 37
Кумеков Б. Е. 7, 97
Кызласов Л. Р. 8, 89
Кьпчак 95
Ланиказ 95
Лаонаш-Гиной (Шаньюй) 86
Лашук Л. П. 10, 19
Леведий 29
Малов С. Е. 8
Марков Г. Е. 9
Марко Поло 17
Маркс 106
Менту-каан 118
Мо (шаньюй) 131
Модэ (шаньюй) 65, 85, 86, 117
Моянчур 89
Мстислав 63
Никифор 49
Пигулевская Н. В. 71
Плано Карпини 17, 82, 83
Плетнева С. А. 8
Потанин Г. Н. 7
Приск Панийский 28, 43
Расовский Д. А. 7

Рангад ад-Дин 15, 114
Рубрук 82, 83 Ругиля 43, 44
Руденко С. И. 7, 9, 10, 19, 30
Святослав 120,151
Серебренников Б. А. 20
Су (шаньюй) 131
Сугр 58
Таншихай 19, 131
Татар 95
Тенгри-хан 80,104
Тимур 120, 139,140, 141
Толстов С. П. 7, 9
Тольбеков С. Е. 7, 9
Ултзиндур 46
Урусоба 58
Федоров-Давыдов Г. А. 8, 10
Феофан 48, 49
Феофилакт Симокатта 133
Шад 95, 96
Шарукан 58
Шапур II 32
Чжан (шаньюй) 131
Чингисхан (Чингизе, Темучин) 46,113-117,141
Харузин Н. Я. 7
Худуд-ал-Алам 98
Хуханье (шаньюй) 83
Эмнетзур 46
Эркак 46
Юрий Ршнчакович 60

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава первая **ПЕРВАЯ СТАДИЯ КОЧЕВАНИЯ 13**

Глава вторая **ВТОРАЯ СТАДИЯ КОЧЕВАНИЯ 36**

Глава третья **ТРЕТЬЯ СТАДИЯ КОЧЕВАНИЯ. ОСЕДЛОСТЬ 77**

Глава четвертая **СУДЬБЫ СТЕПНЫХ ГОСУДАРСТВ И ОБЪЕДИНЕНИЙ 127**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 145

SUMMARY 160

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 171

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 181

ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 182

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 186

Светлана Александровна ПЛЕТНЕВА

КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

поиски

ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. П. Прохоров

Художник Б. И. Астафьев

Художественно-технический редактор Т. А. Прусакова

Корректоры Р. В. Молоканова, Е. З. Осипова

ИБ № 25215

Сдано в набор **21.12.81** Подписано к печати **17.3.82** Т-00548. Формат **84X10811з2** Бумага для глубокой печати Гарнитура обыкновенная Печать высокая Усл. печ. л. **10,08**. Усл. пр. отт. **12,1** Уч.-изд. л. **10,6**. Тираж **3300** экз. Тип. зак. **1218** Цена **1 р. 20 к.**

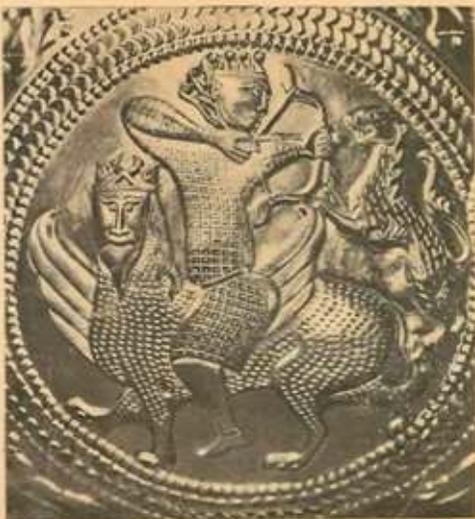
Издательство «Наууга» **117864** ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., **90** 2-я типография издательства «Наука» **121099** Москва, Т-99, Шубинский пер., **10**

С.А.Плетнева

КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

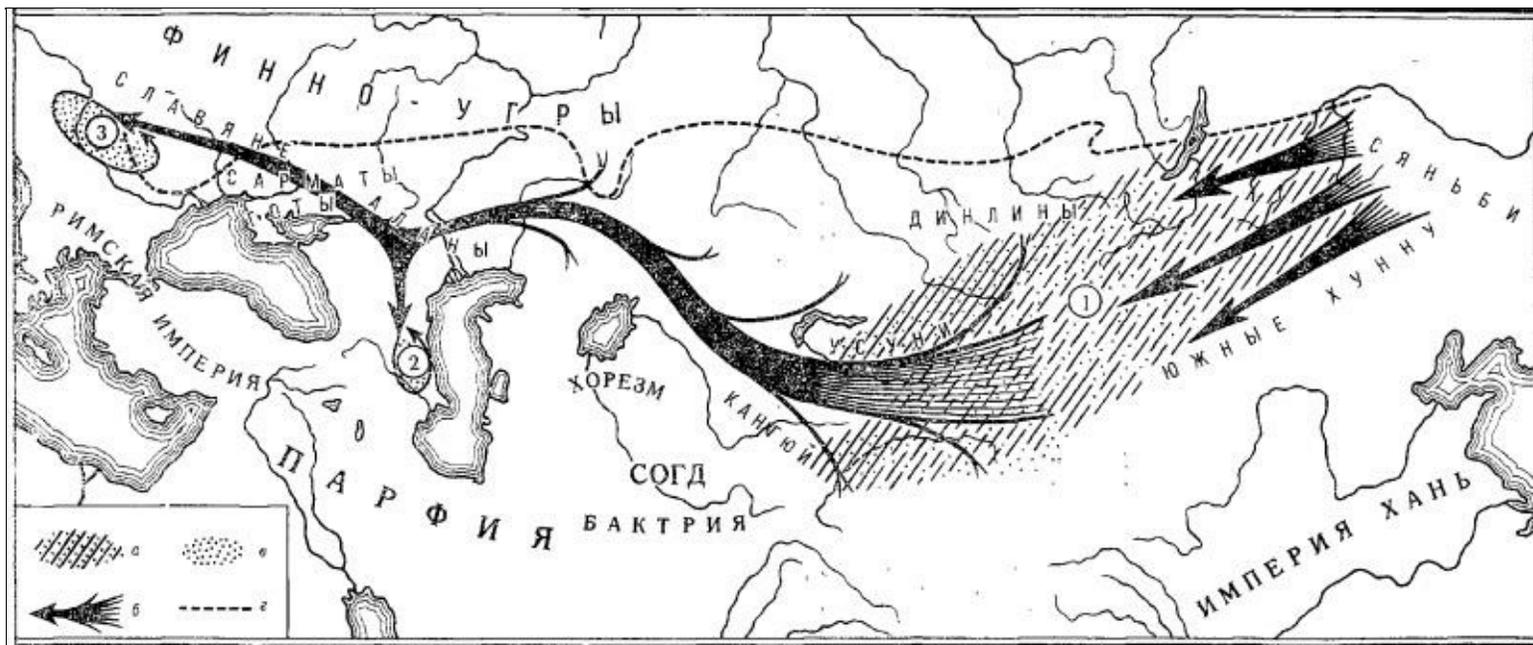

Рис. 5. Хунну-гунны в Евразии

а — полукочевая и оседлая экономика, б — первая стадия кочевания — нашествия; в — переход ко второй стадии кочевания (обретение родины); г — граница леса; 1 — империя Хунну; 2 — «Царство гуннов» в Дагестане; 3 — империя Аттилы

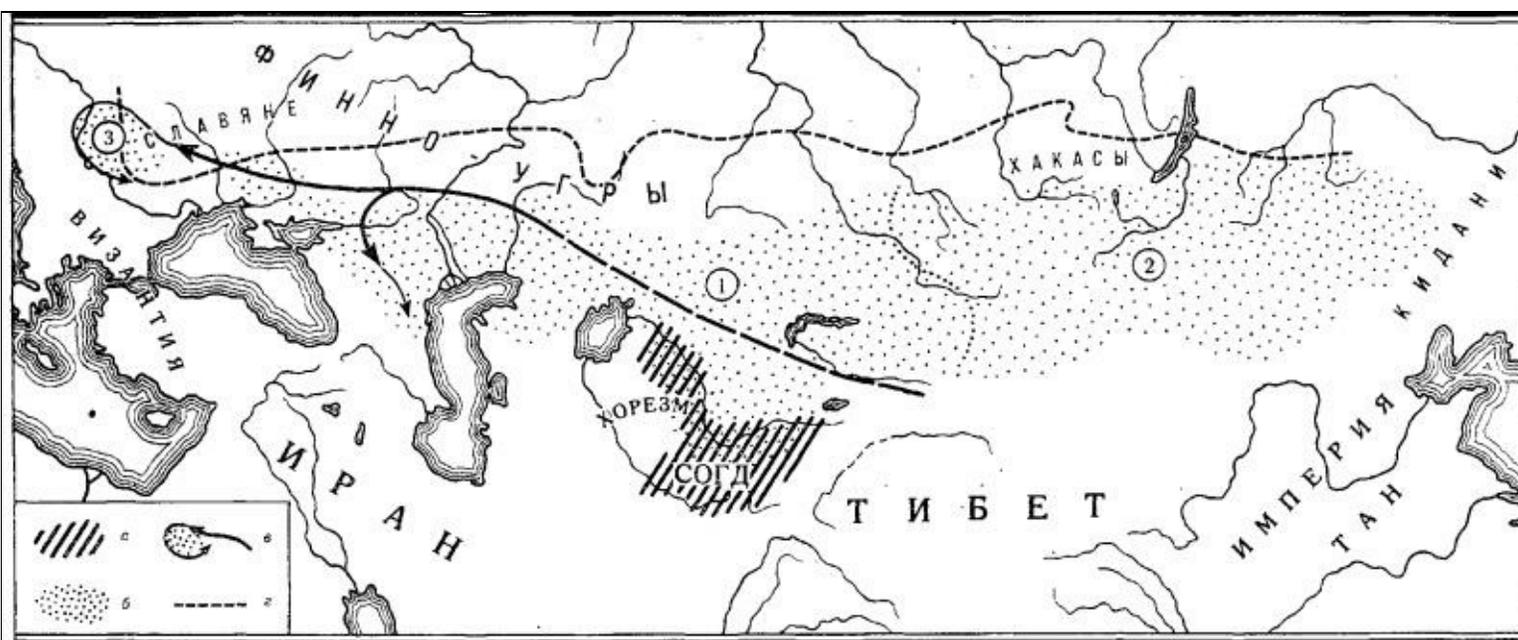

Рис. 6. Эпоха Тюркских каганатов

а — оседло-земледельческая экономика; б — вторая стадия кочевания; в — переход от первой ко второй стадии кочевания; г — граница леса. 1 — Западно-Тюркский каганат; 2 — Восточно-Тюркский каганат; 3 — Аварский каганат

Рис. 7. Эпоха «стабилизации»

а, б — оседло-земледельческая экономика; в — вторая стадия кочевания; г — оседло-кочевая смешанная экономика; д — граница леса; е — общее направление венгерского нашествия. 1 — Уйгурский каганат; 2 — Кыргызский каганат; 3 — Кимаковский каганат; 4 — Хазарский каганат; 5 — Дунайская Болгария

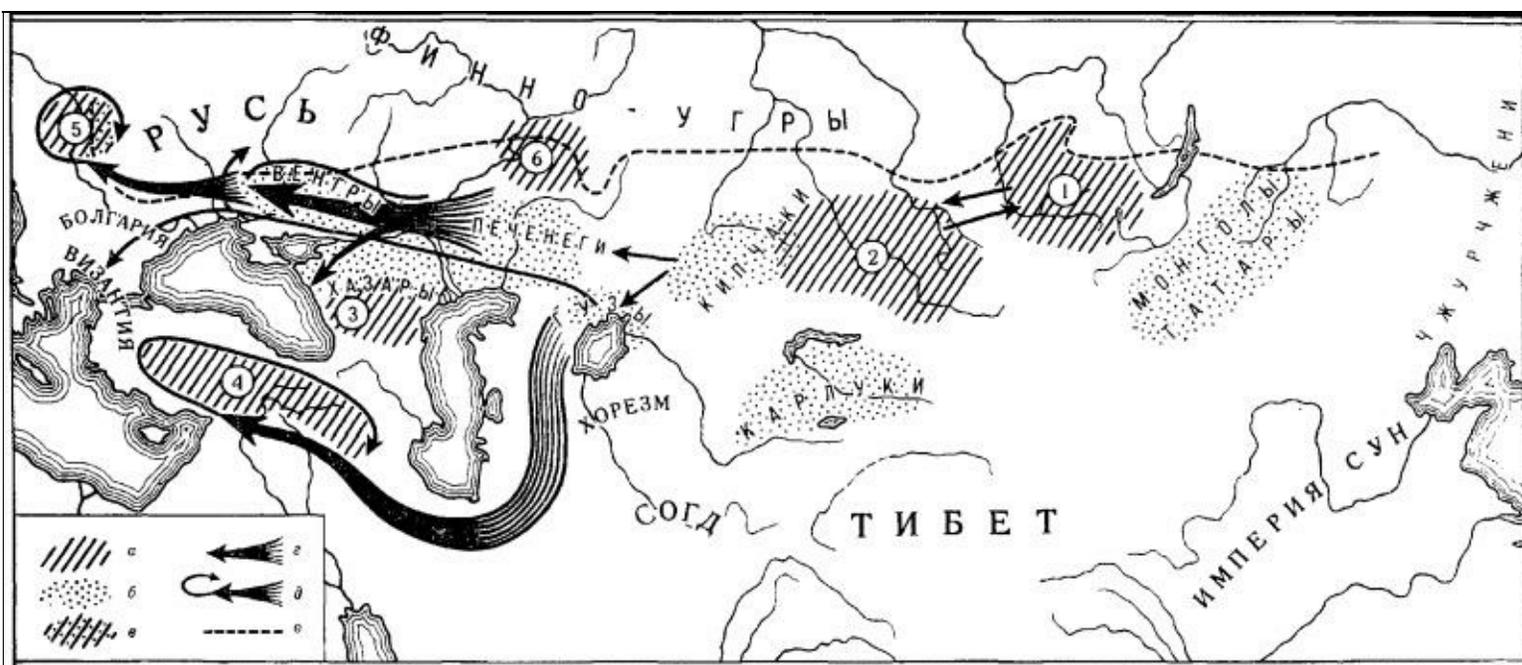

Рис. 8. Степи Евразии в X — начале XI в.

а — оседло-земледельческая экономика; б — вторая стадия кочевания; в — оседло-кочевая смешанная экономика; г — нашествия; д — переход от первой стадии кочевания к оседло-земледельческой экономике; е — граница леса. 1 — Кыргызский каганат; 2 — Кимаковский каганат; 3 — Алания; 4 — государство Сельджукидов; 5 — Венгрия; 6 — Волжская Болгария

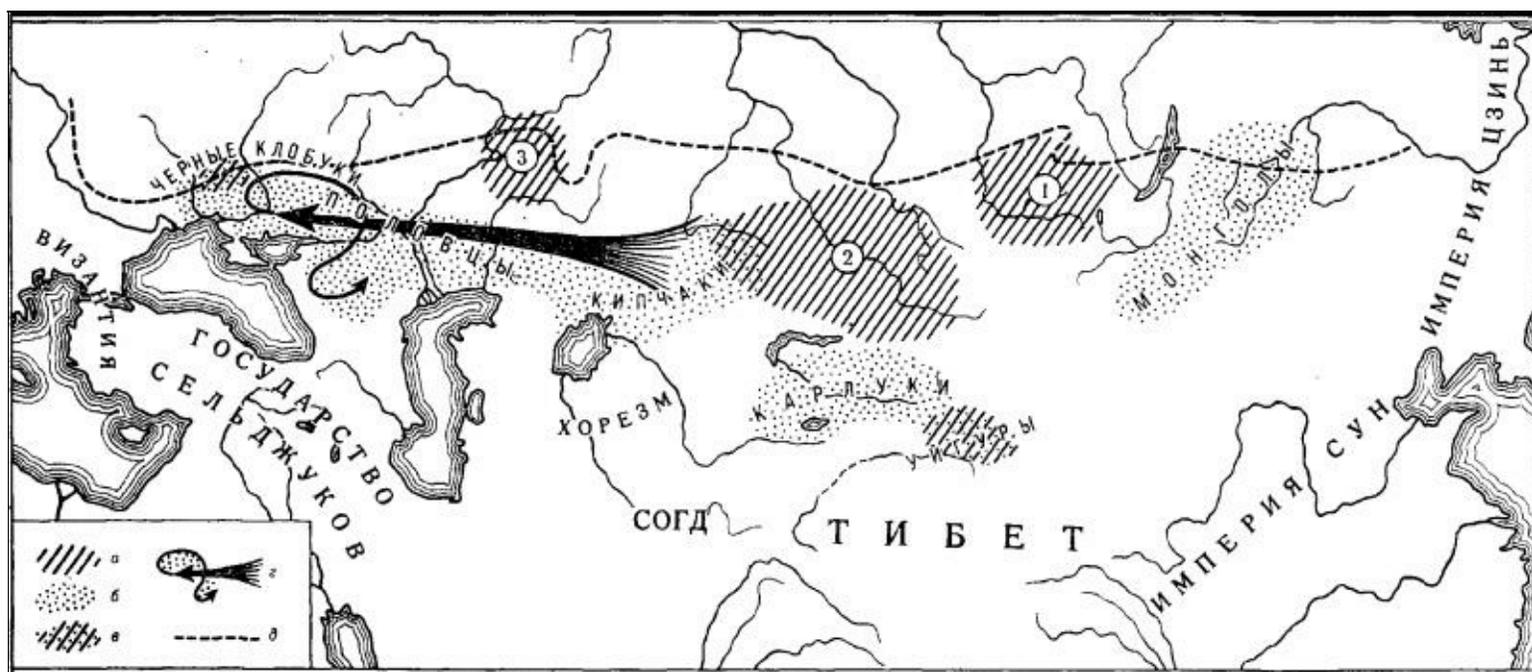
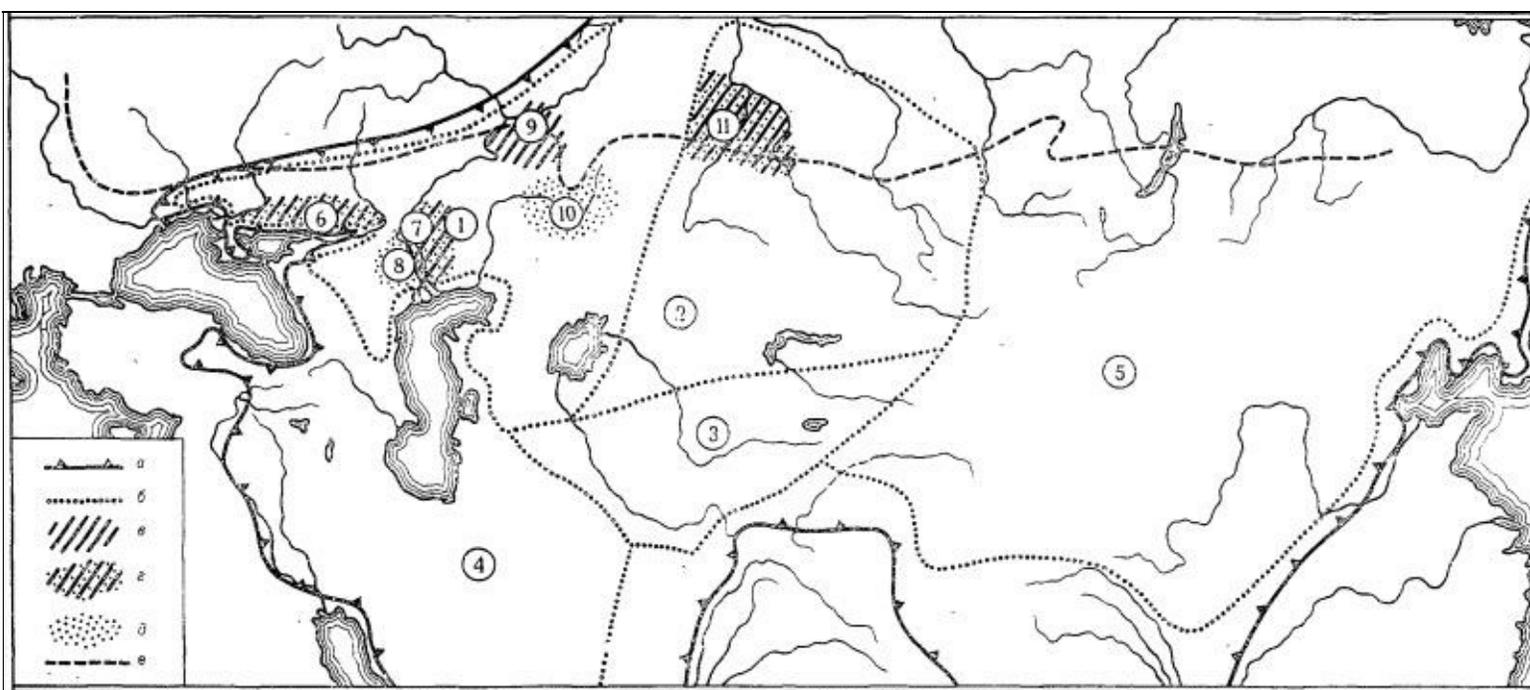

Рис. 9. Степи в XI—XII вв.

а — оседло-земледельческая экономика; б — вторая стадия кочевания; в — оседло-кочевая смешанная экономика; г — нашествие и переход ко второй стадии кочевания; д — граница леса. 1 — Кыргызский каганат; 2 — Кимаковский каганат; 3 — Волжская Болгария

Рис. 10. Империя Чингисхана и Орды

а — границы империи; б — границы Орд; в — оседло-земледельческая экономика; г — оседло-кочевая смешанная экономика; д — вторая стадия кочевания; е — граница леса. 1 — Золотая Орда; 2 — Белая Орда; 3 — Орда Джагатай; 4 — Царство Ильханов; 5 — Империя Юнь; 6 — Крымское ханство; 7 — Большая Орда; 8 — Астраханское царство; 9 — Казанское ханство; 10 — Ногайская Орда; 11 — Сибирская Орда

notes

Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ, 1957, вып. 26; Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— В кн.: Материалы по этнографии. Л., 1961, вып. 1, с. 10.

Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах.— ИГАИМК, 1934, вып. 103.

Васильевский В. Г. Византия и печенеги.— Труды. СПб., 1908, т. 1; Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.— Университетские известия, Киев, 1883, № 1; Расовский Д. А. Половцы.— Sem. Kond., Praga, 1935, VII; 1936, VIII; 1937, IX; 1938, X; Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов, Л., 1951; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962; Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960; Он же. Древние тюрки. М., 1967; Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Харузин А. Н. История жилища у тюркских и монгольских народов.— Этнографическое обозрение, 1896, кн. XXXVIII; Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб. 1883, вып. I— IV; Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Л., 1925, ч. II; Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. Л.; М., 1936; Ждаико Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса.— ТХАЭЭ,

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951; Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949; т. 1; Киселев С. В. Древняя история южной Сибири.— МИА, 1949, № 9; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969; Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

В Библиографии дан далеко не полный список работ по этногенезу, истории, экономике, общественным отношениям и культуре кочевников, знакомство с которыми позволило мне, не исследуя всесторонне каждую группу источников, написать эту книгу.

Владимирцов В. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; Толстое С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах; Бернштам А. Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии.— СЭ, 1934, № 6.

Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959.

Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства...

Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.

См.: Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— СЭ, 1973, № 1; Лашук Л. П.— Кочевничество и общие закономерности истории.— СЭ, 1973, № 2.

Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников.— СЭ, 1967, № 4; Он же. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов.— СЭ, 1968, № 1; Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров.— В кн.: Материалы по этнографии, Л., 1961, вып. 1; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2; Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умеренного пояса Евразии.— IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973.

Греков В. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 347.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов.— СЭ, 1968, № 1, с. 98—99.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952, т. 1, книга первая, с. 74.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 4, с. 256.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 32—33.

Книга Марко Поло. М., 1955, с. 88.

Здесь и далее мы, следуя установившейся в исторической литературе традиции, называем именем Хунну империю и ее население, занимавшее степи Восточной Азии к северу от Китайской империи. После того как хунну обрушились на европейские народы, они в переводах соответствующих (в основном латинских) источников стали именоваться гуннами. Мы также оставили это наименование, поскольку некоторое изменение имени (правда, конечно, условно) подчеркивает этнолингвистические изменения, происшедшие с этой мощной кочевой группировкой.

Вернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 77 и сл.; Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960, с. 200 и сл.

Там же, с. 183, 236—239 и сл.

См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, с. 158.

Гумилев Л. П. Хунну, с. 237.

Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов, с. 98.

Alfoldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonder-ung.— *Archaeologia Hungarica*, 1932, vol. 9.

Гумилев Л. П. Хунну, с. 242; Серебренников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка. — В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, с. 41.

Аммиан Марцеллин. История. Пер. с латинского 10. Кулаков-ского. Киев, 1908, вып. III, с. 236—243.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы—СА, 1971, № 2, № 3; Завещая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи.— СА, 1978, № 1; Она же. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975,

Засецкая И. П. Гунны в южнорусских степях, конец IV — первая половина V в. н. э. (по археологическим данным). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1971.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972, кн. IV, 81, с. 208.

Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников.— СА, 1980, № 2.

ПСРЛ. М., 1962, т. II, с. 716.

Амброз А. К. Степные древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв.—
Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 12.

Константин Багрянородный. Об управлении государством.— ИГАИМК, 1934, вып. 91, с. 17.

Гумилев Л. Н. Хунну, с. 183; Он оке. Древние тюрки. М., 1967, с. 293.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 340—341; Константин Багрянородный. Об управлении государством, с. 17—18.

Артамонов М. И. История хазар, с. 349—350; Константин Багрянородный. Об управлении государством, с. 15.

Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, с. 76; Анна Комнина. Алексиада, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 224.

Рыбаков Б. А. Уличи.— КСИИМК, 1950, вып. 35, с. 8—10; Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62, с. 193.

Артамонов М. И. История хазар, с. 40—157.

Там же, с. 64—65, 103—113; Гумилев Л. П. Древние тюрки, с. 34—39.

ПСРЛ, т. II, с. 9.

Златарски В. История на Българската държава през средните векове. София, 1970, с. 13 и сл;
Артамонов М. И. История хазар, с. 157—170; Чичуров И. С. Экскурс Феофана о протоболга-рах.
— Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.

Бакланов С. Формиране на старо-българската култура VI— IX вв. София, 1977, с. 62;
Въжарова Живка П. Славяни и пра-българи (по данни на некрополите от VI—XI в. на
територията на България). София, 1976, с. 434—435.

Златарски В. История на Българската държава..., с. 197 и сл.

Ваклинов С. Формиране на старо-българската култура..., с. 79— 167.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979, с. 55.

Константин Багрянородный. Об управлении государством, с. 17.

Артамонов М. И. История хазар, с. 334.

ПСРЛ, II, с. 255.

Кумеков В. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы, с. 179—180; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 145—147.

Плетнева С. А. Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 266—269.

ПСРЛ, т. II, с. 255.

Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 269—273.

Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства, с. 13.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. ЗИАН СИФ. Сер. VIII, т. I. № 4, с. 82—83, 105—106.

Пигулевская П. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV— VI вв. М.; Л., 1964, с. 22—57.

Там же..., с. 34.

Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, с. 6—13 и сл.

Вайнштейн С. И. Проблемы происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии.— В кн.: IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973.

Владимирцов В. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 36—37.

Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, с. 113, 114, 130, 131.

Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров.— В кн.: Материалы по этнографии. Л., 1961, вып. 1, с. 20, 21.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, с. 13—19.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордыпских ханов. М., 1966, с. 199.

Бернштам А. П. Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 151, 152.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 101—103.

Бернштам А. П. Очерк истории гуннов, с. 156.

Иордан, с. 102.

Там же, с. 110.

Там же, с. 101; Василевъ Д. Строителната традицията въ про-българските дворци отъ Плиска. София, 1937, с. 42—49.

Мавродинов Л. Старобългарското изкуство. София, 1959. с. 36; *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура VI—XI вв. София, 1977, с. 99, 107 и др.

Иордан, с. 117, 118.

Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.

Иордан, с. 120.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов, с. 180.

Bona J. Em vierteljahrhundert volkerwanderungszeit — forschung in Ungarn (1945—1969).— AA. Budapest, 1971, XXIII; Kovrig J. Das awarenzeitliche Graberfeld von Alattyan. Budapest, 1963; Cilinská Zlata. Slawisch-awarisches Graberfeld in Nove Zamky Bratislavae, 1966 и др.

Бернштам А. П. Очерк истории гуннов, с. 182.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 201—204.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 162.

Златарски В. История на Българската държава през средните векове. София, 1970, с. 130—177; Артамонов М. И. История хазар, с. 163 и сл.

Чичуров И. С. Экскурс Феофана о протоболгарах.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 65—81.

Артамонов М. И. История хазар, с. 166—167.

Чичуров И. С. Экскурс..., с. 66.

Плетнева С. А. Древние болгары.— В кн.: Плиска—Преслав. София, 1981.

Въжарова Живка П. Славяни и пробългари по данни на нек-рополите от VI—XI вв. на територията на България. София, 1976, с. 416—422.

Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2; Он же. Древние политические центры Хазарии.— СЛ, 1975, № 3; Он же. Костяные накладки седла из верхпечирюртовского могильника.— СА, 1975, № 1.

Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика Верхпечирюртовского могильника.
— В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1978, т. III.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, с. 52 и сл.

Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии.— СЛ, 1975, № 3.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 69.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 102.

Артамонов М. И. История хазар, с. 114—115.

Плетнева С. А. От: кочевий к городам, с. 13—72, 144—190.

Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Сред-недонечья.— СА, 1981, № 4.

Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 129—134; Потапенко А. И. Старожил земли русской. Ростов-на-Дону, 1976, с. 27— 30.

Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 103—108.

Там же, с. 108—110. В настоящее время на нижней Волге обнаружены остатки кратковременных поселений, в подъемном материале которых преобладающим типом керамики были лепные грубые котлы с внутренними ушками (разведки В. Д. Беглецкого) (Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.).

Отдельные звенья цепей и целые цепи с крючьями неоднократно находили на поселениях и в погребальных комплексах кочевников VII—VIII вв. в европейских степях (см., например: Кухарепко Ю. В. О некоторых археологических открытиях на Харьковщине —КСИИМК, 1951, вып. XII; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 149).

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.— Университетские известия. Киев, 1883, № 1; Расовский Д. А. Половцы.— Sem. Kond. Praga, 1935, VII; 1936, VIII; 1937, IX; 1938, X; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.—МИА, 1958, № 62; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы...; Плетнева С. А. Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв Ж, 1975.

ПСРЛ. М., 1962, т. И, с. 215—216.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.— САИ, 1974, Е4—2.

Швецов М. Л. Половецкие святилища.—СА, 1979, № 1.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.— САИ, 1973, Е1—19.

Там же, с. 256.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 52.

Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948, с. 91—94.

Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 80.

ПСРЛ, т. II, с. 284.

Археологам до сих пор не удалось обнаружить достоверные следы этих городков. Очевидно, слой на них был очень тонким, а укрепления — деревянный частокол, естественно, полностью исчезли задолго до XX в. О местоположении их высказывались многочисленные и противоречивые суждения (см.: Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 270—271).

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы..., с. 78— 84.

Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа.—МИА, 1958, № 62, с. 82—84.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 13—25.

Там же, с. 63—70.

ПСРЛ, т. II, с. 740.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы..., с. 235 и сл.; Он же. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 35 и сл.

Вуич Л. Г. Черепа из кочевнического могильника возле Сарке-ла-Белой Вежи.— МИА, 1968; № 109, с. 282—294; Гинзбург В. В. Антропологический состав Саркела-Белой Вежи.— Там же, с. 277—281.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы..., с. 153—186.

Бартольд В. В. Кипчаки.— Сочинения. М., 1968, т. V; Он же. Новый труд о половцах: W. Bang, J. Marqnat. Ostturkische Dia-lektstudien. Berlin, 1914.— Там же; Пономарев Д. И. Куман-по-ловцы.— БДИ, 1940, № 3/4.

Баскаков П. А. Тюркские языки. М., 1960, с. 102 и сл.

Потанин Г. П. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899;
Пархоменко В. А. Следы половецкого эпоса в летописях.— Проблемы источниковедения, 1940,
№ 3; Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе
Игоревиче (X в.).— В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 52.

Спицин А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.—ЖМНП, 1899, кн. VIII; Третьяков П. П. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 217—260.

Арциховский А. В. Курганы вятичей.— РАНИОН. М., 1930.

Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1903 гг. СПб., 1908.

Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков.— САИ, 1973, вып. Е1—19, с. 20—23.

Там же, с. 24—28.

ПСРЛ, т. II, с. 533.

Интересно, например, что наименование «печенеги» произошло, по мнению некоторых ученых, от собственного тюркского имени Бёчо (Gombocz Z. Ober den Volksnamen besenyo.— Turan. Budapest, 1918, IV).

Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, таблицы 1—47.

Рыбаков Б. А. Торческ — город Черных Клобуков.—АО 1966 г. М., 1967.

Бичурин П. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, с. 40.

Там же, с. 142—145.

Там же, с. 221.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., с. 229—230.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1049, № 9, с. 273—314; Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.—МИА, 1952, № 24, с. 72—120; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 18—55; Он же. Древняя Тува. М., 1979, с. 121—144.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951; Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии.— В кн.: Тюркологический сборник. Л., 1972.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., с. 230.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 42—52.

Кумеков В. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 35—45.

Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969; Она же. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв).—В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966; Чариков А. А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья.— СА, 1979, № 2.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 75 и сл.

Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV— VI вв. М.; Л., 1964, с. 251.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения. М., 1960, т. 1.

Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, с. 36—45.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 11.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, с. 230.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 128.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 32.

Там же, с. 102.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 88.

Сосновский Г. П. О поселении гуннской эпохи в долине р. Никоя.—КСИИМК, 1947, XIV; Давыдова А. В. Иволгинское городище.— СА, 1956, XXV; Davidova A. W. The Jvolga Gorodishche — a monument of the Hiung-nu culture in the Trans-Baical region.— AA. Budapest, 1968, 20.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 66.

Там же, с. 18.

Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960, с. 98.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 64.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 301.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 373—386.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 84—86.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 383—384; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 84.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 355.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 82—87.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 351—352.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9, с. 319—332; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 119—120.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 92—93.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 352—353.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 127.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыр-гызов (хакасов). Абакан, 1948; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 317—318; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 128—129.

Цит. по кн.: Кызласова Л. Р. История Тувы в средние века, с. 127.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.—ЗИАН СИФ. Сер. VII, 1897, т. 1, № 4, с. 82—83.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 37—39.

Там же, с. 58.

Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII— XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968; Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—X вв. по данным археологических источников.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья.— В кн.: Тюркологический сборник 1972 г. М., 1973.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков..., с. 109.

Там же, с. 118.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 83, 106.

Цит. по кн.: Кумекова Б. Е. Государство кимаков..., с. 120..

Артамонов М. И. История хазар. М., 1962.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура.— МИА, 1967, № 142, с. 13—22.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 102.

Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—XII вв.—СА, 1948, X; Артамонов М. И. История хазар, с. 385—400; Заходер Б. П. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 167—203.

Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа.—МИА, 1958, № 62; Он же. История хазар, с. 288—324.

Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 47—50.

Ал-Истахри.— СМОМПК, Тифлис, 1901, 29, с. 51.

Бичурин П. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 229.

До принятия иудаизма он считался главным «магом» хазар. См.: Заходер Б. П. Каспийский свод..., с. 150.

Ал-Истахри.— СМОМПК, Тифлис, 1901, 29, с. 51.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства. СПб., 1869, с. 16—18.

Заходер Б. П. Каспийский свод..., с. 224.

Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища.— СА, 1954, XIX; Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону.— СА, 1954, XIX; Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки.— СА, 1979, № 1.

Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 176—179.

Артамонов М. И. История хазар, с. 262—282.

Там же, с. 193—201, 233—262.

Там же, с. 170—193, 336—365; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 185—189.

Куликовский 10. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899;
Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967; Он же. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968; Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976, с. 156—157, табл. 52.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 99.

Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». — СА, 1961, № 2. В этой статье помещена обширная библиография по данному вопросу.

Деопик (Ковалевская) В. Б. Северокавказские аланы.— В кн.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958 с. 623_631.

Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 197—228.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона.—МИА, 1958, № 62, с. 146; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 91.

Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 72—73, рис. 17.

Златарски В. История на Българската държава през средните векове. София, 1970, с. 209—257.

Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979, с. 80—88.

Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура. София, 1977, с. 222 и сл.

Ovsarov D. Graffiti medievauх de Pliska et de Preslav.— Известия на Археологический Институт, София, 1979, XXXV, с. 48—58.

Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951; Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. Казань, 1971; Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника.— Там же; Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник.— СА, 1976, № 2; Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977.

Константин Багрянородный. Об управлении государством.— ИГАИМК, 1934, 91, с. 17—18.

Артамонов М. И. История хазар, с. 79—103.

Плетнева С. А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья (VII — начало X в.).— В кн.: Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1979.

Константин Багрянородный. Об управлении государством, с. 18.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950, с. 21.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 124 и сл.; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 43 и сл.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй..., с. 43.

Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941, § 32—39, с. 82.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов, с. 45.

Козин С. А. Сокровенное сказание, с. 67—68.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй..., с. 43—67.

Полевой Л. Л. Памятники золотоордынского времени (XIV в.).— В кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974. Подробную библиографию по этому вопросу см. в кн.: Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, II, с. 24.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй..., с. 35—42.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, II, с. 16.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 204—216.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, I, с. 235.

Фильштинский И. М. Арабская литература в средние века. М., 1977.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, с. 124.

Там же, с. 127.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 153, 157.

Феофилапт Симокатта. История. М., 1957, с. 161.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 259.

Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62, с. 217—219; Она же. Древности Черных Клобуков.— САИ, М., 1973, Е1—19, с. 24—28.

Васильевский В. Г. Византия и печенеги.— Труды. СПб., 1908, т.1

Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, с. 201—239.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения. М., 1960, т. 1.

Винников А. З. Белогорский курганный могильник конца I тыс. н. э. на р. Воронеже.— В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979; Гупцло К. М., Івакш Г. Ю., Сагайдак М. А. Дослідження Кшвського Подолу (1974—1975 рр.).— В кн.: Археологія Києва. Дослідження і матеріали. КНІВ, 1979, с. 48—50.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 37—44.

Киселев С. В. Древняя история южной Сибири.— МИА, 1949, № 9, с. 362; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 130—172.

Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951, с. 53—75.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 406—431;
Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 161—171.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967, с. 53—163.

Не менее важным для кочевников было присоединение и потому, что для спокойного ведения скотоводческого хозяйства, при котором все имущество хозяев находится в открытой степи, защитить его от воровства и захвата возможно только законом сильной центральной власти. Такие охраняющие скот законы обычного права господствовали в степи только тогда, когда их поддерживала власть кагана (хана). Стоило ей ослабеть, как на смену им появлялись разбойные обычаи «баранты». Борьба с ними практически могли только поддерживавшие степное обычное право русские законы против воровства.

ПСРЛ. М., 1962, т. II, с. 501.

Там же, с. 12, 55.

Королук В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в юго-восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

Седов В. В. Анты.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях.— МИА, 1958, № 62; Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. СПб., 1893, т. 1; Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957 и др.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 156.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 72—73.

ПСРЛ, II, с. 52-53.

В этой книге мы ограничимся только постановкой вопроса о существовании культурных общностей. Развернутому их изучению, выявлению закономерностей культурного развития должна быть посвящена отдельная монография.